

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

**№ 1 (35)
2013**

Москва 2013

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов, В.Л. Успенский
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe, O. Khlevnyuk,
T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov, T. Krasovitskaya,
A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov, V. Piskun,
V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Publisher **S. Ippolitov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2013
© by Russian State University
for the Humanities, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Бахтурина А.Ю.** «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны 6
- Кротова М.В.** Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан 33
- Пивовар Е.И., Безбородов А.Б., Карпенко С.В.** Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение 48

Антибольшевистская Россия

- Ипполитов С.С.** Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919 – 1920 гг.) 56

Историческая наука в ε-измерении

- Усачев А.С.** Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России 69

История на экране

- Волков Е.В.** «Колчаковщина» в советском игровом кино 84

У книжной полки

- Гагкуев Р.Г.** Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917 – 1920 гг.; **Булюлина Е.В.** Местные государственные учреждения Советской России, 1917 – 1929 гг. (На материалах Нижнего Поволжья); **Михин П.А.** «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: Мы умирали, чтобы победить. 109
- Содержание, авторы, аннотации 132
Contents, Authors, Abstracts 138

CONTENTS

Articles

- A. Bakhturina** “Better let Germans Come to Ruin than Let them Spy”: German Colonists and Russian Public in the years of World War I 6
- M. Krotova** From the History of Conflict on the Chinese Eastern Railway: Chinese Concentration Camp for the Soviet Citizens 33
- E. Pivovarov, A. Bezborodov, S. Karpenko** T.I. Khorkhordina and New Historical Archival Science 48

Anti-Bolshevik Russia

- S. Ippolitov** The Russian Red Cross Society in Siberia and the Russian Far East: Organization and Support of the Army and the Population (1919 – 1920) 56

Historical Science in the ε-Dimension

- A. Usachev** Russian Historians and Foreign Journals: Some Reflections of a Specialist in Russian History 69

History on the Screen

- E. Volkov** “Kolchakovshchina” in the Soviet fiction movie 84

Book Reviews

- Gagkuev R.G.** Beloe dvizhenie na Yuge Rossii: Voennoe stroitelstvo, istochniki komplektovaniya, sotsialny sostav, 1917 – 1920 gg.; **Bulyulina E.V.** Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya Sovetskoy Rossii, 1917 – 1929 gg. (Na materialakh Nizhnego Povolzhya); **Mikhin P.A.** “Artilleristy, Stalin dal prikaz!”: My umirali, chtoby pobedit. 109
- Contents, Authors, Abstracts 138

А.Ю. Бахтурина

«ЛУЧШЕ ПУСТЬ НЕМЦЫ РАЗОРЯТСЯ, ЧЕМ БУДУТ ШПИОНИТЬ»: НЕМЦЫ-КОЛОНИСТЫ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ «ГЕРМАНСКОЙ» ВОЙНЫ

Немецкие колонисты в России к началу XX в. представляли собой разнородную среду. Под этим общим названием на территории империи проживали представители различных по сути общественных и социальных слоев: от обычных земледельцев до высокообразованной интеллигенции в ряде колоний юга России.

Расселение немцев на территории Российской империи началось после обнародования манифеста Екатерины II 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей бежавших за границу»¹. На казенных землях расселились в основном немецкие крестьяне. Они основали поселения в Tobольской, Астраханской губерниях и далее вверх по Волге, в Оренбургской губернии и южных районах России. Часть немцев осела под С.-Петербургом. Все поселенцы на казенных землях принимали российское подданство. Колонистами в империи признавались только те люди, которые занимались сельским хозяйством. Все колонисты в России свободно исповедовали свою веру, пользовались правами гражданина империи на территории всей страны, могли свободно распоряжаться своим имуществом².

Первая волна немецкой иммиграции в Россию была воспринята совершенно спокойно. Ни правительство, ни различные слои русского общества не видели никаких противоречий, могущих возникнуть в результате расселения немцев на землях империи.

Немцы-колонисты в России накануне мировой войны

Отношение к обосновавшимся в России немцам стало меняться в 80-х гг. XIX в., когда образовалась еще одна область немецких поселений – в западных губерниях России на Волыни.

Туда переселились немцы с территории Царства Польского. Одновременно на Волынь начали переселяться новые эмигранты из Германии. Социальный состав новой волны был иным: приехало значительное

количество немецкой интеллигенции, представителей различных религиозных течений (меннониты, баптисты и другие), стремящихся не просто к какой-либо производственной деятельности, но и к воплощению в жизнь своих культурных и религиозных целей.

Въезд этих категорий немцев в Россию совпал по времени с заключением русско-французского союза. Произошла внешнеполитическая переориентация Российской империи, началось постепенное охлаждение отношений с Германией. Поэтому появление новых поселений немцев на Волыни вызвало в правительственных и общественных кругах некоторую обеспокоенность. С точки зрения местных властей, миграции немцев на Юго-Запад России приводили к повышению цен на землю и распространению религиозных ересей, с точки зрения военных – возникала угроза надежности тыла русской армии в случае войны³.

Образованные слои русского общества уже не так спокойно, как раньше, стали реагировать на водворение немцев в России. И немцы не стремились к интеграции в российское общество, утверждая обособленность немецкой диаспоры⁴.

В марте 1887 г. был издан указ, запрещавший иностранцам приобретать землю в губерниях Царства Польского, а также в Бессарабской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Подольской, Курляндской и Лифляндской губерниях⁵. Через пять лет, в 1892 г., были изданы «временные правила», запрещавшие лицам «нерусского происхождения», в том числе и принявшим русское подданство, приобретать земли в Волынской губернии. Исключение делалось для исповедующих православие⁶. Эти законы в исследовательской литературе трактуются как антинемецкие⁷, но справедливости ради заметим: речь в них шла не о немцах, а об «иностранных выходцах» и лицах «нерусского происхождения», то есть они распространялись на поляков и евреев. Немецких же колонистов закон 1892 г. лишил права приобретать землю, если они не переходили в православие. Также в эти годы отменялись налоговые льготы, ранее предоставляемые иностранцам⁸.

Все эти меры вызвали волну эмиграции немцев-колонистов в США. Но несмотря на отток немцев из Российской империи, к 1913 г. их насчитывалось 1 200 000 человек⁹.

Поиск национальной идентичности в России конца XIX в. вел не только к пониманию и утверждению различий между «русским» и «немецким», но и к отрицанию «немецкого» как «чужого» и даже враждебного. Во всяком случае, мешающего развитию страны. Разработка и утверждение русской национальной идеи перерастали в национализм и шовинизм. Терпение и благожелательность сменялись раздражением. Изменению взаимовосприятия немцев и русских к началу XX в. также способствовало начало подготовки к войне. Подспудно стал формироваться образ противника России¹⁰.

Противник в лице Германии виделся не только за пределами империи. Очень тесные экономические, культурные, научные связи двух государств, складывавшиеся в течение многих десятилетий, дали основание национально-патриотическим кругам говорить о сознательном враждебном проникновении немцев в Россию, о попытках «мирного завоевания» страны. В российской патриотической печати конца XIX – начала XX вв. стала усердно обсуждаться проблема немецких колоний¹¹. Читателя подводили к мысли о том, что завоевание России Германией уже совершается путем экономического и духовного гнета, систематического захвата лучших земель. А за колонистами, осуществляющими это завоевание, стоят, дескать, миллионы штыков, направленных на Россию. Мотив непосредственной опасности немецкого завоевания, близкой войны с немцами звучал в образованном русском обществе все сильнее¹². Однако в среде российского простонародья в это время царило добродушно-ироническое отношение к немцам, враждебности к ним не было.

Эти моменты чрезвычайно важны для дальнейшего понимания того, в какой степени изменилась общественная психология в России в годы Первой мировой войны, трансформировались в общественном сознании понятия «частная собственность», «гражданские права» и т.д. в отношении немцев-колонистов. Немецкая диаспора после 1914 г. также была вынуждена пережить серьезные изменения в плане отношения к России, русским, осознания своего места в Российской империи как в настоящем, так и в будущем.

Правительственная политика в отношении немцев-колонистов

Начало войны поставило правящие круги перед необходимостью выработать четкий правительственный курс по отношению к немцам, находящимся на территории Российской империи. При этом сразу стали складываться сразу два направления, два отличных друг от друга политических курса. Связано это было с тем, что с самого начала войны на территории Российской империи действовали две власти: гражданская (Совет министров, отдельные министерства, губернская администрация) и военная (Ставка верховного главнокомандующего, органы полевого управления войсками). Фактическое существование двух властей, стремившихся к независимой деятельности, обусловило то обстоятельство, что меры в отношении немцев-колонистов с лета–осени 1914 г. параллельно разрабатывались и Советом министров, и Ставкой главковерха.

Их разработка шла независимо друг от друга, причем военная и гражданская администрации руководствовались собственными, связанными с конкретной ситуацией соображениями. Члены Совета министров в 1914 г. довольно плохо осознавали масштаб и последствия начавшегося мирового конфликта. Привыкшие к довольно размеренной бюрократической работе,

высшие чиновники просто не могли себе представить, что вступление в мировую войну способно изменить не только стиль и методы управления, но и само отношение к таким, казалось, до войны незыблемым понятиям как «гражданские права», «собственность», «законопослушание». В итоге мировая война перевернула психологию народов и опрокинула представления о праве и гуманности, казавшиеся незыблемыми. Стало складываться иное право – право войны, которое ранее не было известно ни в России, ни в европейских государствах. Его важнейшим элементом стало появление законов военного времени и распространение их на гражданские отношения. Сфера гражданского права постепенно становилась в прямую зависимость от требований, вызванных войной. И на одном из первых мест оказался вопрос о землевладении немцев-колонистов в России.

3 августа 1914 г. в Совете министров попытались обсудить вопрос о собственности выходцев из Германии и Австро-Венгрии. Управляющий Министерством внутренних дел Н.А. Маклаков заявил, что в отношении немцев на территории Российской империи «пора покончить с позой сентиментального уважения к закону». Но большинство Совета министров в тот момент с ним не согласилось. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин заметил: «Мы должны вести себя как мировая держава, хотя слова Маклакова соблазнительны»¹³. В самом начале войны члены Совета министров явно еще не были готовы к распространению военных законов на частнопровые отношения.

Но уже осенью отношение высшей бюрократии к немцам, проживающим в Российской империи, стало меняться. Своеобразный толчок к этому был дан Николаем II. В октябре 1914 г. император высказался о немцах, находящихся в России. Весьма сурово он заметил Петроградскому градоначальнику генерал-майору А.Н. Оболенскому: «Отчего много у вас немцев? Обратите внимание, что надо это выяснить. Я приказываю всех выслать. Мне это все надоело»¹⁴. Император, видимо, имел в виду немцев, сохранявших германское подданство на территории России. Но его слова правительственные чиновники восприняли как указание на необходимость перехода к активным действиям в отношении вообще всех немцев, в том числе и немцев-колонистов.

Инициативу проявил член Государственного совета Ф.Ф. Трепов. В октябре 1914 г. он представил в Совет министров записку, в которой отметил, что «последовательно и неуклонно» развивается «немецкая колонизация в пределах Юго-Западного края». Он указал «на особливую с государственной точки зрения настоятельность положить предел таковому явлению в смысле не только прекращения дальнейшего расширения немецкого землевладения, но и ликвидации существующего»¹⁵. 8 октября император повелел рассмотреть записку Трепова в Совете министров. В итоге появились три положения Совета министров: об ограничении землевладения и землепользования неприятельских подданных, об ограничении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и

германских выходцев и о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев в приграничных местностях¹⁶. После утверждения их Николаем II 2 февраля 1915 г. эти положения стали называться законом 2 февраля 1915 г. «Об ограничении землевладения и землепользования неприятельских подданных»¹⁷, который стал основой для мероприятий по сокращению землевладения немцев-колонистов.

В соответствии с ним, австрийским, венгерским, германским или турецким подданным запрещалось приобретать какое-либо недвижимое имущество на территории всей Российской империи. Кроме того, им предписывалось «отчуждить в установленные сроки и по добровольному соглашению свои недвижимые имущества, находящиеся вне городских поселений». В случае если к определенному времени добровольного отчуждения не происходило, недвижимость подлежала продаже с публичного торга. Эти меры распространялись на территории Петроградской губернии, Прибалтики, Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказа, северо-западных (Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской, Сувалкской), юго-западных и южных (Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской) губерний и Приамурского края (ст. 4), а также на приграничные районы¹⁸.

Принимая закон об ограничении немецкого землевладения зимой 1915 г., высшие правительственные чиновники отмечали, что основная его цель – ликвидация единой немецкой диаспоры в России. Правительство мало занимал вопрос об экономических последствиях «ликвидационной политики» как для немцев-колонистов, так и для российского сельского хозяйства. Немцы, с точки зрения гражданских властей, представляли опасность как обособленная национальная группа. Так, в декабре 1914 г. на одном из заседаний Совета министров Кривошеин сказал, что надо «отчужденность немцев истребить и обособленность кончить»¹⁹. Кроме того, меры против «немецкого засилья» и борьба с «германизмом», как отмечал на том же заседании министр путей сообщения С.В. Рухлов, необходимы для подъема боевого духа войск, ибо «против японцев шли охотно, а сейчас неохотно»²⁰.

В военных кругах отношение к немцам было однозначно негативным. Задолго до начала военных действий значительная часть офицеров осознавала, что война будет трудной, а Германия – серьезный противник. Именно в этой среде началось рождение новой военной психологии, основанной на принципе «добро есть то, что способствует победе». Основным аргументом российского генералитета в пользу жесткого курса в отношении немцев-колонистов в прифронтовых районах было соображение о необходимости укрепления тыла русской армии, защиты его от шпионов и борьбы с антиправительственными настроениями. Задача борьбы со шпионажем представлялась одной из важнейших. Позиция Ставки распространялась не только на немцев, проживавших в пределах прифрон-

товой территории, но и на евреев, венгров, католических священников и лютеранских пасторов.

В Ставке наиболее активным проводником политики борьбы с немецкими шпионами из колонистов стал начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич. Его взгляды на этот вопрос были весьма резким. Он считал, что необходима срочная ликвидация немецких колоний в прифронтовых районах. Так, на анонимном сообщении из Новочеркасска о ситуации на Волыни в конце 1914 г. он начертал резолюцию: «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»²¹.

К зиме 1915 г. окончательно оформились две позиции, гражданских и военных властей, в отношении немцев-колонистов: позиция Совета министров, направленная на ликвидацию немецкого землевладения путем продажи земель колонистов, и позиция Ставки, стремящейся провести быстрое принудительное переселение немцев из прифронтовых районов. Те и другие преследовали цель «освободить» эти земли и рассредоточить немцев по территории Российской империи. Конкретные мероприятия в этом направлении оказали существенное влияние на отношение российского общества к немецким колонистам.

«Освобождение» немецких земель и российское крестьянство

Первые шаги по отчуждению немецкого землевладения были предприняты Ставкой осенью 1914 г.: началось принудительное переселение немцев-колонистов из приграничных губерний. В ноябре главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский приказал высылить немцев-колонистов из Сувалкской губернии. Тут же последовал запрет губернатора Н.Н. Купреянова: кого считать «немецкими-колонистами»?²² Этот запрос весьма показателен для понимания того, как поначалу на местах воспринимали политику военных властей. Если для чинов Ставки немцы-колонисты независимо от подданства были безусловными врагами, то для российского обывателя и даже для крупных гражданских чиновников они оставались лицами, которых защищают законы Российской империи.

26 декабря 1914 г. верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич приказал очистить от немцев-колонистов Привислинский край, а в апреле 1915 г. по приказу нового главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии М.В. Алексея началось принудительное переселение «неблагонадежных» немцев из района, занимаемого 10-й армией²³.

В начале июня 1915 г. Ставка отдала приказ о том, что оставляемая территория «должна быть превращена в пустыню, т.е. очищена как от населения, так и от всего того, что могло составлять для врага определенную ценность»²⁴. Эта мера касалась всех мирных жителей прифронтовых

территорий независимо от национальности. 23 июня 1915 г. Особое совещание при штабе главковерха приняло постановление о чистке войсками прифронтовых районов, по которому немцы-колонисты должны были выехать в обязательном порядке за собственный счет²⁵.

Принудительное переселение немцев-колонистов из приграничных губерний весной–летом 1915 г. стало массовым. По подсчетам американского исследователя Э. Лора, приведенным в его диссертации, из приграничных губерний принудительно переселили 300 000 немцев-колонистов²⁶. В изданной позднее монографии он пишет, что в конце 1914 г. из польских губерний выселено 420 тыс. немцев-колонистов, а из Волынской губернии в 1915 г. – 115 889²⁷. По данным С.Г. Нелиповича, с территории Волынской губернии было принудительно переселено 13 тыс. человек²⁸. Подсчеты количества принудительно выселенных немцев-колонистов затрудняются тем, что в июне 1915 г., параллельно шло принудительное выселение мирного населения Западных губерний и Восточной Галиции²⁹. Кроме того, по замечанию С.Г. Нелиповича, положением «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. высланные с театра военных действий немцы приравнивались к беженцам³⁰.

Первоначально переселяемые не пользовались льготами, которые предоставлялись беженцам из прифронтовых территорий. Беженцы имели право на ежедневное пособие из государственных средств, обеспечение жильем и одеждой, а все принудительно переселяемые должны были жить исключительно на собственные средства.

Также первое время при выселении немцев-колонистов делались исключения для родственников колонистов, находящихся в действующей армии и для имеющих российские военные награды, что было установлено законом 2 февраля 1915 г. Но в октябре 1915 г. командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов сообщил об участвовавшей порче телеграфных проводов и случаях шпионажа в районе дислокации армии³¹. На этом основании Канцелярия по гражданскому управлению при штабе главковерха отменила льготы для благонадежных немцев³².

Переселяемые из прифронтовых районов немцы-колонисты делились на три категории: принудительно переселяемые, административно высылаемые и заложники. Основанием для высылки служили распространение неблагоприятных для русской армии слухов, подозрение в шпионаже. Высылаемые передавались в распоряжение или гражданской администрации, или этапных комендантов. В соответствии с действовавшим в России законодательством, административно высланные лица во время следования по этапу должны были содержаться в тюремных помещениях³³.

Высланные из прифронтовых районов немцы-колонисты следовали этапным порядком через Поволжье в сибирские губернии³⁴. Постепенно направление ссылки «неблагонадежных» из прифронтовых районов (немецких-колонистов, евреев, венгров, поляков, галичан-украинофилов, католических священников и лютеранских пасторов) постепенно сдви-

галось к северу. Так, население прибалтийской колонии Штокмангоф в составе 350-ти немецких семейств было принудительно вывезено в Пермскую губернию «за явно враждебное отношение к российским войскам и из опасения шпионажа и содействие противнику»³⁵. Но в военных условиях движение это было настолько медленным, что фактически значительная часть высылаемых осталась к концу лета 1915 г. на юге России и в Поволжье.

Во время принудительного переселения колонистов военные власти брали заложников из каждого селения, чтобы исключить какое бы то ни было сопротивление. Заложники также вывозились в глубь России. Большинство заложников было вывезено при отступлении русских войск в 1915 г. Практика взятия заложников отрицательно оценивалась военными, многие из которых считали, что «взятие же заложников при отступлении армии не имеет практического значения... Они только излишне обременяют власть заботами об их содержании»³⁶.

Таким образом, осенью 1914 – летом 1915 гг. в прифронтовых районах юга и северо-запада Российской империи шло принудительное переселение немцев-колонистов и, как следствие, освобождение занимаемых или земель. Поначалу ни Ставка, ни Совет министров не имели четкого представления о том, как будут использованы эти земли. Епископ Евлогий позднее вспоминал, как в колониях на Волыни «поднялись плач, вопли... Нагрянула полиция следить за спешной ликвидацией. За бесценок продавались сельскохозяйственные орудия, скот, вещи... Несомненно, власть действовала бестолково...: урожай есть, а рабочих рук нет»³⁷.

Один из вариантов решения возникшей проблемы явился совершенно неожиданным.

Весной 1915 г. началось отступление русских войск на Юго-Западном фронте. Вслед за отступавшими войсками на территорию Российской империи хлынули потоки беженцев из Царства Польского и Восточной Галиции. Крестьянское население Галиции многие десятилетия страдало от малоземелья и, чтобы вызвать в этой среде симпатии к русской власти, местная русофильски настроенная печать стала распространять сведения о готовящемся переселении галицийского населения на земли немцев-колонистов. Скоро вопрос был поставлен более широко: речь стала идти о предстоящем расселении беженцев из Галиции, Царства Польского и других территорий на землях немецких колонистов³⁸.

Отток местного населения из Галиции весной–летом 1915 г. был массовым явлением. По официальным данным, в российские губернии выехало около 100 тыс. галичан. Уполномоченный Всероссийского союза городов на Юго-Западном фронте князь С.Д. Урусов в интервью корреспонденту газеты «Киевская мысль» утверждал, что, расспрашивая беженцев, выслушивая их жалобы, ему удалось выяснить: «главной причиной перехода в Россию послужили обещания, которые раздавали безответственные добровольцы [Речь, видимо, идет о представителях национали-

стической фракции Государственной думы, находившихся на территории Восточной Галиции В. Бобринском и Д. Чихачеве, а также пророссийски настроенной галицийской интеллигенции. – А.Б.], ведя определенную пропаганду»³⁹. Эта агитация, по утверждению князя Урусова, сводилась к тому, что галичанам обещали «чуть ли не готовые хозяйства, устроенные гнезда. Эти обещания затуманили им головы... Многие из них серьезно требовали по 1 рублю в день, что им тоже обещали, спрашивали, где те хозяйства, которые конфискованы в их пользу»⁴⁰.

«Русское слово» и «Биржевые ведомости» сообщили, что «галицкие беженцы отказываются от предложения идти на работы или переселяться в другие губернии, ссылаясь на то, что... им обещали наделить их землей в Волынской губернии за счет секвестрованных колоний немецких колонистов»⁴¹. Действительно, летом 1915 г. в газете «Прикарпатская Русь» было опубликовано сообщение о том, что «вопрос о временном поселении наших крестьянских беженцев на землях немецких колонистов... обсуждался очень и очень серьезно как в военных, так и в военно-гражданских решающих кругах и, по имеющимся сведениям из очень авторитетных источников, был, по крайней мере, близок к благоприятному для наших крестьян разрешению»⁴². Слухи об этом в Галиции распространились широко. В сочетании с приказом командования об эвакуации трудоспособного мужского населения с семьями эти слухи переросли в убеждение: предлагается переезд в обжитые сельскохозяйственные районы, а не эвакуация, вызванная неблагоприятной обстановкой на фронте.

Выезд беженцев из Галиции летом 1915 г. по времени совпал с приказом Ставки о переселении немецких колонистов из Волынской губернии. После окончания высылки оттуда колонистов на этих землях было расселено более 50 тыс. беженцев, из которых более 50 % составляли беженцы из Галиции. Они жили на военном полигоне. И главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов приказал поселить их в деревнях, которые остались пустыми⁴³. Данная мера была узаконена постановлением о чистке прифронтовых районов, о котором говорилось выше. В постановлении указывалось, что недвижимое имущество, оставшееся после немцев-колонистов, «передается в ведение Главного управления землеустройства и земледелия», а к его эксплуатации «могут быть привлекаемы беженцы из очищенных войсками местностей»⁴⁴.

Расселение беженцев на землях колонистов не решило возникавших экономических проблем, но сама попытка расселения стала своего рода рубежом в отношении к немцам-колонистам. Если до этого речь шла лишь о шпионаже и изолированной от российского общества немецкой диаспоре, то стремление галицийских беженцев захватить освободившиеся земли колонистов наглядно показало, какая это великая ценность, – земля. Ради нее галичане постарались забыть и забыли понятия «мое» и «чужое», разместились в опустевших домах, а те, кому это не удалось, требовали от русских властей предоставить им аналогичные условия жизни⁴⁵.

Российское крестьянство в 1915 г. также оказалось перед перспективой получения немецких земель. Антинемецкие настроения активно формировала периодическая печать⁴⁶. Цензура весьма благосклонно относилась к публикации обличительных материалов. В защиту немцев-колонистов были опубликованы работы профессора К.Э. Линдемана.

Помимо газетных сообщений, настроения русских крестьян формировала местная администрация. Так, в марте 1916 г. в сельских управах Бердянского уезда, в селах, соседствовавших с немецкими колониями, были вывешены официальные объявления о предстоящей ликвидации всех колонистских земель⁴⁷.

Все эти сведения, проникая в крестьянскую массу на юге России, убеждали ее в том, что собственность немцев-колонистов не охраняется законом. Это – собственность врага. Основываясь на этом убеждении, крестьяне ряда губерний юга России стали переходить к действиям, далеко выходящим за рамки действующего законодательства. Так, вблизи колонии Гальбштад в Таврической губернии в 1915 г. крестьяне одного из сел приняли постановление о переходе к ним участка колонии размером 12 тыс. дес. Приговор крестьянского схода был утвержден уездным земским начальником⁴⁸. Хотя губернские власти не позволили крестьянам завладеть участком, так как это противоречило законодательству, тенденция была очевидна. Правительственная политика в отношении немцев-колонистов, пропаганда в печати были восприняты крестьянами как официальное разрешение захватывать земельную и прочую собственность немцев-колонистов. В нескольких южных уездах были зафиксированы случаи, когда крестьяне целыми обозами въезжали в немецкие колонии, намереваясь вывезти оттуда весь домашний скраб немцев и их сельскохозяйственный инвентарь. Гражданские власти пытались противодействовать столь чрезвычайной «патриотической» активности⁴⁹.

К захвату колонистских земель российских крестьян подталкивал не только огромный соблазн, желание получить обустроенные хозяйства в собственность, но и недоверие к официальным властям. Хотя и говорилось, что отчуждаемые земли будут передаваться крестьянам, но ситуация на местах (срочные продажи колонистских земель весьма обеспеченным лицам из местных чиновников) подталкивала крестьян к самостоятельным действиям. По отдельным сообщениям с мест, крестьяне боялись, что отчуждаемые земли колонистов «отойдут к панам... а на панскую землю даже курица не смей зайти»⁵⁰.

Правда, опросы крестьянства корреспондентами ряда газет весной 1915 г. показали: в некоторых уездах к немцам-колонистам продолжали относиться как труженикам и законным собственникам. В ряде случаев крестьяне, жившие по соседству с колонистами, высказывали такие мысли: «Зачем у немцев будем отбирать земли? Вони гроши за нее платили и роблять землю... А князь хіба вин її робе? На що йому земля?»⁵¹ Но столь «сознательное» отношение к чужой собственности, к чужому труду было,

пожалуй, исключением. К.Э. Линдемман, профессор Московской сельскохозяйственной академии, тщательно собиравший материал в том числе и о дружелюбном отношении русских крестьян к немецким колонистам, нашел только отдельные примеры, подобные приведенному выше.

В прибалтийских губерниях, наряду с крупными помещичьими именьями балтийских немцев, также были немецкие колонии. Принудительное переселение немцев-колонистов и перспектива отчуждения их земель в Прибалтике стали толчком к дальнейшему обострению давних противоречий между немцами и коренным населением Прибалтики – эстонцами и латышами. Полициейскими органами было получено значительное количество анонимных доносов об антиправительственной и шпионской деятельности колонистов.

Таким образом, в 1914–1915 гг. отношение к немцам-колонистам в крестьянской среде менялось под воздействием самых разнообразных факторов: правительственной политики, газетной пропаганды, действий местной администрации, межнациональных противоречий, желание избавиться от конкурентов.

Стремление беженцев из Галиции «осесть» на землях колонистов весной 1915 г., желание значительной части российских крестьян на юге России, эстонских и латышских крестьян в Прибалтике получить землю немцев-колонистов обратило на себя внимание Ставки. Янушкевич решил, что перспектива получения немецких земель может заинтересовать российских солдат-фронтовиков.

22 июля 1915 г. он обратился с письмом к главноуправляющему землеустройством и земледелием Кривошеину: «Безусловно, вопрос о земле острый. Сказочные герои и альтруисты – 1 %, остальные – люди XX века. Таков дух народа, а потому и армии... Драться за Россию – очень идейное и громкое слово, но... это теория... Если обещать, с одной стороны, земли немецких колонистов георгиевским кавалерам и раненым... тогда все пойдет иначе. С этим надо спешить. Еще есть время, помогите. Сейчас тяжкая картина. Рядом с чудо-богатырями и героями все заметнее выделяются негодяи, добровольно сдающиеся немцам. Я счастлив, что их расстреливают, но жаль, что можно было бы из них легко сделать зверей, которые бы зубами грызли горло немцам, чтобы отнять землю... Ведь можно сделать, спечь, заказать, купить (как хотите) героев. Отчего же не сделать это. Потом будет поздно»⁵².

Уже 24 июля предложение Янушкевича обсуждалось в Совете министров. Одобрения оно не получило. Управляющий Министерством внутренних дел князь Н.Б. Щербатов по этому поводу заметил: «Не письмо – ведро валерианы. Героев так не получим. Обещания не подбодрят. Практически нелегко наделить всю армию. Всех не купишь: горожане, рабочие и т.д. – что давать им?»⁵³

В итоге на исходе 1915 г. правительство вернулось к ранее отклоненной идее о наделении солдат-фронтовиков землями колонистов. В декабре

закон 2 февраля 1915 г. был дополнен положением Совета министров от 13 декабря 1915 г. «Об изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав». Согласно новому положению, земли немцев-колонистов должен был в принудительном порядке скупить Крестьянский банк, чтобы по окончании войны наделить ими за плату некоторые категории фронтовиков⁵⁴.

Но расчеты правительства на то, что удастся материально заинтересовать солдат и укрепить свои позиции в крестьянской среде, не оправдались.

Провозглашение ликвидации немецкого землевладения активизировало крестьян южных губерний России, которые попытались завладеть этими землями, не дожидаясь действий властей. Попытки местной администрации и правительства ввести эту деятельность в рамки закона вызвали недовольство. Кроме того, начатая политика отчуждения разожгла крестьянские аппетиты. Но «земельный голод», особенно в южных губерниях, заставлял крестьян с вождением смотреть не только на земли колонистов, но и на земельную собственность других групп населения. Так, крестьяне в Орловской губернии заявляли: «У А.Н. Хвостова [Министра внутренних дел. – А.Б.] близ Ельца большие земли, а между тем он получает хорошее жалованье, и зачем ему эта земля? Вот бы эту землю отдать нам»⁵⁵.

Обещания фронтовикам также не дали желаемого эффекта. Во многом этому способствовала деятельность местных властей и Крестьянского банка. Хотя предполагалось, что «немецкие земли» будут переданы героям войны, но реальная их продажа в собственность началась сразу же. Статистические данные по некоторым губерниям показывают, что владельцами отчуждаемых у немецких колонистов земель стали местные помещики, зажиточные крестьяне, члены Государственной думы, правительственные чиновники. Так, под Симферополем новыми собственниками земли, по сообщениям левой периодической печати, стали генерал Ренненкампф, граф Татищев, князь Апраксин, Кривошеин и другие⁵⁶. Все это, разумеется, дискредитировало «ликвидационную политику» в глазах фронтовиков. Кроме того, обещания раздачи земли немецких колонистов пришлось на то время, когда революционная пропаганда в армии уже дала свои плоды. Образ немца в сознании русского солдата переставал быть образом врага. Под влиянием левых формировался образ трудящегося, не желающего воевать против русских, стремящегося к миру.

Образ немца-колониста в восприятии городского населения

Если крестьянство вплоть до весны 1915 г., пока речь не зашла о возможности получения земли, относилось к немцам вообще и немцам-колонистам в частности с достаточной долей равнодушия, то городская

интеллигенция и общественно-политические круги, наоборот, начали с огульного отрицания всего немецкого. Очень быстро эти настроения обратились и против немцев-землевладельцев в России.

К зиме 1915 г. первоначальный единодушный патриотический подъем лета – начала осени 1914 г. сменился ощущением усталости от войны. Это чувствовалось, несмотря на военную цензуру, даже по некоторым откликам, проскальзывавшим в печати. Так, если поначалу газеты публиковали многочисленные патриотические стихи, то уже зимой 1915 г. появилось стихотворение Игоря Северянина, написанное совершенно в ином тоне:

Еще не значит быть изменником,
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам,
И не спеша в шрапнельный дым⁵⁷.

Патриотический настрой интеллигенции и городских обывателей постепенно сменялся усталостью и страхом за свою жизнь и благополучие. И именно весной–летом 1915 г. в различных городах империи появилось значительное количество высланных немцев-колонистов. Скопление там массы выселенцев и заложников вызвало отрицательную реакцию практически всех слоев городского населения: обывателей, интеллигенции, общественных деятелей, местной администрации. Реакция была настолько сильной и единодушной, что в Совете министров по этому поводу князь Щербатов сказал 8 сентября 1915 г.: «Города бунтуют и не хотят принимать». И поставил вполне закономерный вопрос о смысле активной высылки немцев-колонистов: «Почему в Полтаве вредны, в Нижнем Новгороде не вредны?»⁵⁸

Такое отношение городского населения к высылаемым немцам-колонистам формировалось отчасти и под влиянием страха эпидемий, которые легко могли вспыхнуть среди массы людей, лишенных элементарных бытовых условий и медицинской помощи. Именно страх за свое благополучие был, пожалуй, основным фактором, который формировал отрицательный образ немца-колониста в среде городских обывателей.

Образ немца-колониста в восприятии и изображении русских националистов

В российских национально-патриотических кругах образ немца-колониста в годы «германской» войны был сформирован в основном под воздействием ранее сложившихся в славянофильских кругах негативных

представлений о немцах в целом. В оценках националистов в годы войны доминировали следующие основные положения.

Первое. Немцы-колонисты в России отнюдь не являются носителями высокой земледельческой культуры. Это – невежественные крестьяне, абсолютно необразованные. Так, директор народных училищ Волынской губернии в интервью газете «Новое время» заявил: «Наше русское общество воображает, будто немцы служат примером нашим русским крестьянам и дают им образцы высокой сельскохозяйственной культуры... Я много немцев встречал... и смело могу сказать, что это очень часто грубые, невежественные, нахальные дикари, которые не только не могут быть культуртрегерами, но которым место как раз в рядах нынешней пьяной и разнузданной германской армии»⁵⁹.

Второе. Все немцы в России – «германские шпионы». Эта точка зрения активно пропагандировалась и распространялась. В крупных городах читались лекции на тему о немецких шпионах в России. Крупные чиновники и общественно-политические деятели весьма «национал-патриотично» высказывались на этот счет. К примеру, командующий войсками Одесского военного округа генерал М.И. Эбелов аттестовал немецкие колонии как «готовую базу для германского нашествия»⁶⁰.

Волна шпиономании, напомним, была во многом поднята и спровоцирована позицией Ставки главнокомандующего, с первых месяцев войны затеявшей борьбу с «германскими шпионами». И именно в Ставку представители национально-патриотических кругов обращались с предложениями ужесточить политику в отношении немецких колонистов, чтобы положить конец их шпионажу в пользу Германии.

Третье. Немецкие сельскохозяйственные колонии – способ «мирного завоевания России», путь для создания в стране экономической базы для успешного вторжения Германии.

В 1915 г. была опубликована книга бывшего выпускника и преподавателя Новороссийского университета, известного журналиста, сотрудника «Нового времени» Андрея Ренникова (А.М. Селитренникова) «Золото Рейна»⁶¹. Тонкими намеками автор последовательно подводил читателя к мысли о том, что немцы-колонисты юго-запада России – агенты Германии. Писал Ренников о рытье окопов в немецких колониях, о том, что хозяйственные постройки в колониях имеют слишком толстые стены, превращающие их в «оборонные сооружения», о том, что немецкие колонисты скупали земли русских помещиков на деньги германских банков и нарочно селились вокруг русских крепостей и портов, являясь «шпионами и агентами Вильгельма»⁶².

Тезисы о немцах-колонистах – тайных агентах Германии, «мирных завоевателях» России – не были новыми: они звучали со страниц

национально-патриотической прессы задолго до войны. Но с началом войны появился новый, весьма важный аспект: отношение не только к немцам, но и к их собственности. Логика этих положений неизбежно вела к выводу: собственность немцев-колонистов не является полноценной частной собственностью, ибо это земля, полученная в результате «мирного завоевания». «Но... где особенно были обширны и губительны для России мирные завоевания немцев, так это в области землевладения. Хорошо понимая, что фактическим хозяином страны всегда является тот, кто владеет большим количеством земельной собственности, немцы, начиная с императрицы Екатерины II, направляли в Россию свое колонизационное течение», – писал известный публицист А.Е. Кауфман в журнале «Русская будущность»⁶³. И поэтому, вторил ему П.В. Кондоиди, необходимо остановить «внутреннее наше покорение немцами», которые «остаются полновластными хозяевами и поработителями России»⁶⁴.

Основной путь борьбы с «внутренним немцем», по мнению националистических кругов, заключался именно в политике активной ликвидации немецкого землевладения.

Консерватизм национально-патриотического направления кончался, когда речь заходила о немецкой земельной собственности. Священное право собственности для немецких колонистов переставали признавать. Права немцев на землю рассматривались как права завоевателей и, следовательно, владение землей со стороны колонистов было незаконным. Аргументы правых можно суммировать следующим образом: внутренние враги России – немцы – не имеют права как на собственность, так и на другие гражданские права. Независимо от количества прожитых лет в России, положение, отношений с властями, немец остается немцем, презиращим Россию и русских, остается потенциальным врагом.

Такие взгляды распространялись как в газетных статьях, так и в публичных выступлениях⁶⁵. Наиболее примечательны в этом плане выступления и публикации члена Государственной думы князя С.П. Мансырева⁶⁶. В опубликованном докладе, сделанном на заседании «Общества 1914 г.» он критиковал положения 2 февраля 1915 г. и правительство за недостаточно жесткие меры в отношении немцев, отмечая, что необходимо расширить территорию, на которой предполагается изъятие земли колонистов, ввести ограничение прав собственности для лиц, уличенных в шпионаже. В заключение он писал, что авторы закона «действовали нерешительно и с оглядками»⁶⁷.

Немцы-колонисты в представлениях и изображении лидеров либералов и социалистов

Умеренные и левые партии ничем не выражали своего отношения к немцам-колонистам вплоть до лета 1915 г. Их позиция получила свое окончательное оформление в связи с правительственным кризисом 1915 г.

Критикуя различные аспекты политики самодержавия, они затронули и «ликвидационный курс» в отношении немецкого землевладения⁶⁸.

Социалисты-революционеры, а с ними и «трудовики» в Государственной думе встали на защиту немцев-колонистов. От имени «трудовиков» А.Ф. Керенский заявил в Думе о несправедливости изъятия земли у немецкого крестьянства, полтора века живущего в пределах России: «Мы принудительного отчуждения у бедных тружеников не допустим... Под видом патриотических законопроектов проводят новеллы, разжигающие темные страсти, направляющие одну бедноту на другую... Вы, которые стоите за принцип священной частной собственности, в действительности хотите провести закон о принудительном отчуждении трудовых земельных участков у колонистов-крестьян... Вы являетесь разрушителями не только принципа частной собственности, но даже основ права и справедливости»⁶⁹. И критикуя далее закон 2 февраля 1915 г., продолжил: «Земли же дворянские, земли... купивших десятки тысяч десятин, никакому воздействию этого закона не подлежат... Крестьянину бросают крестьянина, создавая новый факел вражды и ненависти»⁷⁰.

Для социалистов собственность немцев-колонистов была собственностью трудящихся, а сами немцы – представителями многочисленной крестьянской массы, интересы которой они защищали. Так у эсеров и «трудовиков» сложился свой образ немца-колониста, который рассматривался сквозь призму их собственных политических убеждений. В итоге представления левых о колонистах не были окрашены в милитаристские или националистические тона.

Думская полемика по вопросам «ликвидационного» законодательства продолжилась в марте 1916 г., когда наиболее ярко проявились позиция либералов. Кадетская газета «Речь» впервые перевела вопрос в другую плоскость, заговорив о необходимости соблюдать гражданские права немцев. «Мы далеко не сторонники пресловутых мер экспроприации русских граждан германского происхождения», – было напечатано в передовой статье⁷¹. До этого момента либеральная пресса боялась называть немцев-колонистов «русскими гражданами», а именовала их «выходцами враждебных государств», несмотря на то, что многие из них родились в русском подданстве от предков, тоже состоявших русскими гражданами уже в трех поколениях. Призыв к соблюдению гражданских прав был в целом в традициях либерализма. Отдельные представители кадетской партии отмечали, что немцы-колонисты – настоящие российские граждане.

Так, член Государственной думы В.В. Шульгин, монархист, сблизившийся с кадетами, в своей газете «Киевлянин» писал, что многие немцы служат в русской армии и «до тех пор, пока эти люди носят почетное звание солдата и... защищают русское государство, до тех пор – руки прочь от их имущества. Ибо надо же, наконец, вспомнить о том, что эти люди (будь

они трижды немцы-колонисты), в настоящее время – русские солдаты и офицеры, охраняемые теми знаменами, под которыми они служат»⁷².

Помимо гражданских прав немецкого населения либералы выступили и активными защитниками немецкой земельной собственности. Особенно настойчив был лидер кадетской партии П.Н. Милуков. На заседании Государственной думы, критикуя деятельность министра внутренних дел Хвостова, 4 марта 1916 г. он назвал борьбу с «немецким засильем» «походом на окраину», которая ранее кормила хлебом Россию, а теперь «она поставлена в такое положение, что ее придется кормить хлебом из других областей». Колонистов выселяют, а «население, которое гонят, – заявил Милуков, – не может заниматься хозяйством»⁷³. На это обстоятельство обращали внимание члены Прогрессивного блока, отмечая, что «неудачные приемы борьбы с немецким засильем повели пока лишь к сокращению площади посевов и к разорению хозяйственной жизни в отдельных местностях»⁷⁴.

Милуков подчеркивал, что борьба с немцами колонистами – «несправедливость и насилие над правом собственности»⁷⁵. Причем его требование соблюдать священное право частной собственности в 1916 г. несколько расходилось с основными положениями программы кадетской партии по аграрному вопросу, выработанной в 1905 г. и допускавшей частичное принудительное отчуждение земли⁷⁶.

Кроме того, кадеты заявили, что продолжение политики отчуждения немецких земель в пользу крестьян подтолкнет последних к тому, чтобы потребовать в свою пользу также земли помещиков. «Вы ошибаетесь, – говорил с думской трибуны, обращаясь к правительству, Милуков, – колонистских земель мало, и тот, кто начнет с колонистских земель, непременно кончит вашими землями»⁷⁷.

Призыв Милукова не допускать экспроприации земель немцев-колонистов, чтобы не создавать прецедента, который может привести к ликвидации частной собственности на землю вообще, был дальновиден и прозвучал своевременно. Однако национал-патриоты с возмущением констатировали, что он «защищает от экспроприации крупного землевладельца немецкого происхождения»⁷⁸.

В общем, образ немца-колониста в сознании политических деятелей сформировался и находился в теснейшей зависимости от политических интересов и партийных программ. Именно поэтому они совершенно по-разному относились к колонистам. Для одних это были «мирные завоеватели», для других – трудящиеся земледельцы или носители высокой сельскохозяйственной культуры, преданные России и несправедливо обиженные властями. Но для всех, по сути, несмотря на разброс мнений, немцы-колонисты были элементом, фигурой все более обостряющейся политической игры. Защищая немцев, либералы и социалисты выступали

в действительности не сторонниками этой группы населения, а противниками самодержавия и защитниками своих сиюминутных партийных интересов.

В то же время позиция IV Государственной думы в целом была направлена против немецких колонистов. Так, от имени фракции земцев-октябристов Д.П. Капнист заявлял, что «борьба с немецким засильем необходима, необходима и ликвидация немецкого землевладения»⁷⁹. Немецкое землевладение представлялось думскому большинству опасным не само по себе, а потому что «выходцы являются частью обширного целого, именуемого колониями, проникнутыми духом обособленности от русской жизни и всенемецкими тенденциями»⁸⁰.

Это заключение думского большинства свидетельствовало также о появлении в сознании российской общественности новых правовых представлений, вызванных войной. Преступной начинает признаваться обособленность национальной группы, представляющей в данный момент враждебную России державу. Именно мировая война постепенно начала подводить общественное сознание к мысли о том, что в отношении выходцев из стран, с которыми воюет Россия, не действуют традиционные правовые нормы, к ним необходимо применять некое право военного времени.

Отношение немцев-колонистов к России и русским

Курс на ликвидацию обособленной немецкой диаспоры в Российской империи и земельной собственности немцев-колонистов не мог не повлиять на отношение российских немцев к русским, России, самодержавию.

В начале войны официальная позиция российских немцев, как впрочем, и других многочисленных народов, населявших империю, была строго лояльной. На заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. октябристы бароны Г.Е. Фелькерзам и Л.Г. Люц от имени немцев выступили с такими же патриотическими заявлениями, как и остальные думские депутаты. В немецких колониях юга России в первые дни войны прошли патриотические манифестации, собравшие несколько тысяч человек⁸¹. «Немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и часть великой России они все, как один человек, сложат свои головы», – говорил Люц⁸². Такого рода заявления неоднократно раздавались с думской трибуны от лица дворян и интеллигенции немецкого происхождения.

Но независимо от своего отношения к российским властям и выражения лояльности, немецкие колонисты оказались в довольно сложном положении. Перед ними были две реальные опасности: принудительное

переселение из прифронтовых территорий и принудительная продажа земли за символическую плату. Именно они стали определяющими в формировании настроений в среде колонистов, их отношения к русским в целом и к отдельным социальным и общественным группам.

Источники, характеризующие реакцию немецких выселенцев, практически отсутствуют. Сохранились прошения и жалобы, где последние в основном описывают свое материальное положение и указывают на несправедливость выселения⁸³. В периодической печати летом 1915 г. появлялись отдельные статьи также в основном о бедственном положении принудительно переселенных немецких колонистов. Эти малочисленные материалы позволяют говорить о том, что сама по себе «выселенческая» политика не породила открытую неприязнь выселенных к России и русским. Происходящее было воспринято в большей степени как результат войны.

Сообщения о подготовке «ликвидационного» законодательства были восприняты немецкими колонистами по-разному. Одни повели себя совершенно спокойно, только желали получить некоторые разъяснения. Так, группа колонистов из Таганрогского округа Области войска Донского в середине августа 1915 г. обратилась с письмом в Московскую сельскохозяйственную академию с вопросом: могут ли они «осенью приступить к посевам хлебов, поскольку готовится ликвидация»? Другие пытались сопротивляться действиям местных властей, приступивших к ликвидации их собственности.

В газете «Голос Москвы» была опубликована статья «Бунт немецких колонистов». В ней сообщалось, что в колонии Экгейм Новоузенского уезда Саратовской губернии колонисты не дали администрации сломать дом бывшего волостного правления без согласия Экгеймского общества и «едва не избили станового»⁸⁴. Инцидент, описанный в газете, был, по сути, весьма незначительным, несмотря на многообещающий заголовок. Такого рода сообщений в периодической печати даже националистического толка весной–летом 1915 г. почти не было.

Более радикальный поворот в настроениях немцев-колонистов произошел в конце 1915 – начале 1916 гг., когда российское правительство приступило к реализации законов 2 февраля и 13 декабря 1915 гг. Согласно законодательству, Крестьянский банк должен был в принудительном порядке приобрести земли немцев-колонистов и сохранить их в своем распоряжении до конца войны для последующего наделения землей русских солдат и офицеров. Перспектива принудительной продажи земель по закону 13 декабря 1915 г. вызвала панику практически во всех немецких колониях. Этому во многом способствовала местная администрация. К весне 1916 г. местные власти в южнорусских губерниях начали делать описи владений, инвентаря и домашнего скарба в немецких селах. В ряде губерний, в частности в Екатеринославской,

колонистам рассылались повестки следующего содержания: «Предлагаю вам... в течение 7 суток выселиться добровольно со всем семейством из арендуемой усадьбы, а в противном случае вы будете подвергнуты самой суровой, установленной на этот предмет ответственности»⁸⁵. Разумеется, началась паника. Колонисты продавали за бесценок сельскохозяйственные орудия, скот и уезжали.

Там, где местные власти не были столь активны, колонистов пугал не столько факт предстоящей продажи земли, сколько порядок оплаты, предусмотренный Крестьянским банком. Во-первых, стоимость земли была существенным образом занижена по сравнению с довоенными ценами: 200 руб. за дес., которая до войны стоила 500 руб. Земли в Крыму, занятые под виноградники, были оценены примерно в одну десятую их действительной стоимости. Таким образом, немецких колонистов ожидало полное разорение. Во-вторых, за отчуждаемую землю предполагалось давать не наличные деньги, а именные свидетельства, которые нельзя было продать третьим лицам или заложить. Причем выплаты по ним Крестьянский банк предполагал провести в течение 25-ти лет (то есть завершить их в 1941 г.). Такая перспектива пугала немцев и, естественно, ухудшила их отношение к российским властям и русским вообще.

Газеты практически не публиковали сообщений о том, как проходит отчуждение колонистских земель, поэтому судить о реакции немцев можно опять же по косвенным источникам: отзывам общественных деятелей, бывших признанными защитниками интересов российских немцев. Так, профессор Линдеман писал: «Меня посетили очень многие поселяне и землевладельцы из разных губерний. Одни из них говорили с отчаянием о создающемся положении вообще. Другие со слезами говорили о том, что пятеро сынов их находятся в действующей армии и что в награду за это земли их семейств будут проданы. Третьи, более нервные, говорили, что добровольно они не уйдут из своих домов и что пусть “войдут в них через наши трупы”»⁸⁶. Все это свидетельствует: все колонисты восприняли происходящее как колоссальную несправедливость, как черную неблагодарность за их неизменную лояльность по отношению к России и ее властям во время войны.

Слова немцев-колонистов об активном сопротивлении властям в основном остались словами. Но зимой 1915–1916 гг. они перешли к пассивному сопротивлению. В ряде уездов, в том числе в Аккерманском и Одесском, были приняты решения не приступать весной 1916 г. к посеву яровых хлебов на землях, подлежащих отчуждению. Также предпринимались попытки юридической защиты своей собственности. Многие немцы-колонисты старались передать землю в собственность лицам русского происхождения и православного вероисповедания. Правда, местные власти старались выявлять подобные сделки и объявляли их незаконными.

В некоторых губерниях вера простых колонистов в нерушимость права собственности была столь велика, что они никак не реагировали на предстоящее отчуждение их земель. Так, корреспонденты Линдемана из Бессарабской губернии сообщали ему, что тамошние колонисты твердо убеждены в совершенной нерушимости имеющейся у них купчей крепости и красующейся на ней «большой печати». «Их вера в неприкосновенность их собственности и в полную невозможность ее отчуждения без их согласия так велика, что еще осенью 1916 года они сажали плодовые деревья и виноградные кусты в своих садах... А когда им говорили: “Зачем вы это делаете? Зачем бросаете деньги без пользы для себя, в виду предстоящей ликвидации?”, они только отмалчивались...» «Так велика их вера в право и справедливость!» – заключал автор письма⁸⁷.

Вера немецких колонистов в нерушимость закона и порядка выразилась и в том, что во многих колониях немцы попытались решить свои проблемы юридическим путем. Они обращались к помощи знаменитых адвокатов, которые должны были добиться пересмотра решений местных властей по отдельным колониям в Сенате. В основном юристы пытались оспаривать содержание «ликвидационных списков». Некоторые колонии пытались обойтись без адвокатов и отправляли в Петроград «хлопотать» целые депутации.

Лояльность и законопослушность немцев-колонистов сказались и в их отношении к «ликвидационной политике». Они постоянно старались действовать в рамках закона, хотя, безусловно, отношение их к России и русским изменилось к худшему. Ибо они чувствовали себя жертвами колоссальной несправедливости со стороны императорского правительства.

* * *

К осени 1916 г. Совет министров пришел к выводу, что ожидаемых результатов «ликвидационная политика» не дала.

Во-первых, принудительное переселение колонистов из прифронтовых районов преимущественно освободило земли, на которых не было желающих поселиться из-за близости линии фронта. Захват части этих земель наступавшей германской армией создал реальную опасность нового заселения немцами.

Во-вторых, надежда на подъем патриотических настроений на фронте благодаря обещаниям раздать земли колонистов солдатам и части офицеров также не оправдалась. Во многом потому, что конфискованные земли в наиболее плодородных районах почти сразу же перешли в собственность «сильных мира сего», начиная от местной администрации и кончая крупными правительственными чиновниками.

В-третьих, не была в полной мере успешной патриотическая, националистическая пропаганда, направленная против немцев. Хотя она и оказала

влияние на отношение российского крестьянства к немцам-колонистам, но в целом к концу войны, как и предсказывали кадеты, крестьяне стали заявлять о своих правах на помещичью собственность.

В результате начался постепенный отказ от репрессивных мер в отношении колонистов. Немцы, принудительно переселенные из прифронтовых районов, получили статус беженцев и право вернуться на свои земли. Более того, правительство обратило внимание на предложение думского депутата барона А.Ф. Мейендорфа прекратить переселение и оставить колонистов арендаторами на своих землях⁸⁸ И 10 июля 1916 г. Совет министров принял решение «О мерах по поддержанию хозяйства на отчуждаемых колонистских землях», разрешавшее оставлять бывших владельцев в колониях на срок не свыше одного года⁸⁹.

Учитывая последующие события, это распоряжение фактически сводило на нет действие «ликвидационного» законодательства, хотя формально оно продолжало действовать.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской Империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. XVI. № 11720.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sbranie 1-e (PSZRI-1). Vol. XVI. # 11720.

² Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России. СПб., 1998. С. 83.

Shrader T.A. Poseleniya nemetskikh krestyan-kolonistov v Peterburgskoy gubernii v XIX v. i v pervye dva desyatiletiya XX v. // Nemtsy v Rossii. St. Petersburg, 1998. P. 83.

³ Костюк М.П. Немецкие миграционные движения на Волыни (XVIII – начало XX вв.) // Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. М., 1998. С. 36.

Kostyuk M.P. Nemetskie migratsionnye dvizheniya na Volyni (XVIII – nachalo XX vv.) // Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: Istoricheskiy aspekt. Moscow, 1998. P. 36.

⁴ Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 193.

Obolenskaya S.V. «Germanskiy vopros» i russkoe obshchestvo kontsa XIX v. // Rossiya i Germaniya. Vol. 1. Moscow, 1998. P. 193.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. VII. № 4286.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sbranie 3-e (PSZRI-3). Vol. VII. # 4286.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. 12. № 8419.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sbranie 3-e (PSZRI-3). Vol. XII. # 8419.

⁷ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 193; Чернова Т.Н. Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Саратов, 2004.

Obolenskaya S.V. Op. cit. P. 193; Chernova T.N. Problema loylnosti i tolerantnosti rossiyskikh nemtsev v gody Pervoy mirovoy voyny (v svete noveyshikh issledovaniy) // Rossiyskie

nemtsy v inonatsionalnom okruzhenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti. Saratov, 2004.

⁸ Там же.

Ibidem.

⁹ Кабузан В.М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII – XX веках (1719 – 1989 гг.): Историко-статистическое исследование. М., 2003. С. 61–63.

Kabuzan V.M. Nemetskoyazychnoe naselenie v Rossiyskoy imperii i SSSR v XVIII – XX vekakh (1719 – 1989 gg.): Istoriko-statisticheskoe issledovanie. Moscow, 2003. P. 61–63.

¹⁰ Сергеев Е.Ю. Дипломаты в погонах и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны // Россия и Германия в XX в. Т. 1. Оболение властью: Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С. 59–77.

Sergeev E.Yu. Diplomaty v pogonakh i ikh predstavleniya o nemetsko-russkikh svyazyakh nakanune Pervoy mirovoy voyny // Rossiya i Germaniya v XX v. Vol. 1. Obolshchenie vlastyu: Russkie i nemtsy v Pervoy i Vtoroy mirovykh voynakh. Moscow, 2010. P. 59–77.

¹¹ Малиновский Л.В. Социальная и хозяйственная история немцев-колонистов в Южной России (1762 – 1917). Барнаул, 2010. С. 177; Велицын А.А. Иностранная колонизация в России // Русский вестник. 1889. № 1, 2, 3; Велицын А.А. Немецкое завоевание на юге России // Русский вестник. 1890. No. 1, 2.

Malinovskiy L.V. Sotsialnaya i khozyaystvennaya istoriya nemtsev-kolonistov v Yuzhnoy Rossii (1762 – 1917). Barnaul, 2010. P. 177; Velitsyn A.A. Inostrannaya kolonizatsiya v Rossii // Russkiy vestnik. 1889. № 1, 2, 3; Velitsyn A.A. Nemetskoe zavoevanie na yuge Rossii // Russkiy vestnik. 1890. No. 1, 2.

¹² Оболенская С.В. Указ. соч. С. 200.

Obolenskaya S.V. Op. cit. P. 200.

¹³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Сборник документов. СПб., 1999. С. 33.

Sovet ministrov Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny: Sbornik dokumentov. St. Petersburg, 1999. P. 33.

¹⁴ Совет министров Российской империи... С. 85.

Sovet ministrov Rossiyskoy imperii... P. 85.

¹⁵ Совет министров Российской империи... С. 378; Флоринский М.В. Кризис государственного управления в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 95.

Sovet ministrov Rossiyskoy imperii... P. 378; Florinskiy M.V. Krizis gosudarstvennogo upravleniya v gody Pervoy mirovoy voyny. Leningrad, 1988. P. 95.

¹⁶ Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования, 1652 – 1917. М., 2006. С. 568–572.

Nemtsy v istorii Rossii: Dokumenty vysshikh organov vlasti i voennogo komandovaniya, 1652 – 1917. Moscow, 2006. P. 568–572.

¹⁷ Там же. С. 569.

Ibidem. P. 569.

¹⁸ Там же. С. 571.

Ibidem. C. 571.

¹⁹ Совет министров Российской империи... С. 110.

Sovet ministrov Rossiyskoy imperii... P. 110.

²⁰ Там же.

Ibidem.

²¹ Нелипович С.Г. Источники по истории немецких колонистов в России в годы Первой мировой войны (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива) // Российские немцы: историография и источниковедение. М., 1997. С. 107.

Nelipovich S.G. Istochniki po istorii nemetskikh kolonistov v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (obzor dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva) // Rossiyskie nemtsy: istoriografiya i istochnikovedenie. Moscow, 1997. P. 107.

²² Там же. С. 111.

Ibidem. P. 111.

²³ Там же.

Ibidem.

²⁴ Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 131.

Kurtsev A.N. Bezhenstvo // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. St. Petersburg, 1999. P. 131.

²⁵ Немцы в истории России... С. 573.

Nemtsy v istorii Rossii... P. 573.

²⁶ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914 – 1921) // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 89.

Kholkvist P. Totalnaya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa v evropeyskom kontekste (1914 – 1921) // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. St. Petersburg, 1999. P. 89.

²⁷ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 154, 159.

Lor E. Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2012. P. 154, 159.

²⁸ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 113.

Nelipovich S.G. Op. cit. P. 113.

²⁹ Прикарпатская Русь (Львов). 1915. 4 июня.

Prikarpatskaya Rus (Lvov). 1915. June 4.

³⁰ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 110.

Nelipovich S.G. Op. cit. P. 110.

³¹ Немцы в истории России... С. 630–631.

Nemtsy v istorii Rossii... P. 630–631.

³² Немцы в истории России... С. 576.

Nemtsy v istorii Rossii... P. 576.

³³ На Украине и вне ее (от нашего корреспондента) // Украинская жизнь. 1915. № 8-9. С. 113.

Na Ukraine i vne eya (ot nashego korrespondenta) // Ukrainskaya zhizn. 1915. No. 8-9. P. 113.

³⁴ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914 – 1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 101.

Kurtsev A.N. Bezhenstsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914 – 1917) // Voprosy istorii. 1999. No. 8. P. 101.

³⁵ Там же.

Ibidem.

³⁶ Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916. С. 17.

Otchet vremennogo voennogo general-gubernatora Galitsii po upravleniyu kraem za vremya s 1-go sentyabrya 1914 g. po 1 iyulya 1915 g. Kiev, 1916. P. 17.

³⁷ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 254.

Evolgy (Georgievskiy). Put moyey zhizni. Moscow, 1994. P. 254.

³⁸ На Украине и вне ее... С. 138–139.

Na Ukraine i vne eya... P. 138–139.

- ³⁹ Там же. С. 138.
Ibidem. P. 138.
- ⁴⁰ Там же.
Ibidem.
- ⁴¹ Там же.
Ibidem.
- ⁴² Там же.
Ibidem.
- ⁴³ День (Петроград). 1916. 4 апр.
Den (Petrograd). 1916. Apr. 4.
- ⁴⁴ Немцы в истории России... С. 573.
Nemtsy v istorii Rossii... P. 573.
- ⁴⁵ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М., 2000. С. 187–202.
Bakhturina A.Yu. Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – 1917 gg.). Moscow, 2000. P. 187–202.
- ⁴⁶ Олейников Д. От рыцарства до презрения: Влияние Первой мировой войны на отношение к немцам // Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Оболение властью: Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 158–159.
Oleynikov D. Ot rytsarstva do prezreniya: Vliyanie Pervoy mirovoy voyny na otnoshenie k nemtsam // Rossiya i Germaniya v XX veke. Vol. 1. Obolshchenie vlastyu: Russkie i nemtsy v Pervoy i Vtoroy mirovykh voynakh. P. 158–159.
- ⁴⁷ Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1915. С. 218.
Lindeman K.E. Zakony 2-go fevralya 1915 g. (ob ogranichenii nemetskogo zemlevladieniya v Rossii) i ikh vliyanie na ekonomicheskoe sostoyanie Yuzhnoy Rossii. Moscow, 1915. P. 218.
- ⁴⁸ Там же. С. 104.
Ibidem. P. 104.
- ⁴⁹ Там же.
Ibidem.
- ⁵⁰ Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. М., 1917. С. 339.
Lindeman K.E. Prekrashchenie zemlevladieniya i zemlepolzovaniya poselyan-sobstvennikov. Moscow, 1917. P. 339.
- ⁵¹ Там же.
Ibidem.
- ⁵² Совет министров Российской империи... С. 401.
Sovet ministrov Rossiyskoy imperii... P. 401.
- ⁵³ Там же. С. 204.
Ibidem. P. 204.
- ⁵⁴ Немцы в истории России... С. 576–585.
Nemtsy v istorii Rossii... P. 576–585.
- ⁵⁵ Линдеман К.Э. Прекращение землевладения... С. 41.
Lindeman K.E. Prekrashchenie zemlevladieniya... P. 41.
- ⁵⁶ Русская воля (Петроград). 1917. 25 янв.
Russkaya volya (Petrograd). 1917. Jan. 25.
- ⁵⁷ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 159.
Oldenburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. Vol. 2. Munich, 1949. P. 159.
- ⁵⁸ Совет министров Российской империи... С. 266.
Sovet ministrov Rossiyskoy imperii... P. 266.
- ⁵⁹ Новое время (Петроград). 1915. 2 февр.
Novoe vremya (Petrograd). 1915. Febr. 2.
- ⁶⁰ Немцы в истории России... С. 558.
Nemtsy v istorii Rossii... P. 558.
- ⁶¹ Аврамченко Г.Р. Ренников (Селитренников) Андрей Митрофанович (1882 – 1957) // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 206–207.
Avramchenko G.R. Rennikov (Selitrennikov) Andrey Mitrofanovich (1882 – 1957) // Novy istorichesky vestnik. 2001. № 1(3). P. 206–207.
- ⁶² Ренников А. Золото Рейна: О немцах в России. Пг., 1915. С. 141.
Rennikov A. Zoloto Reyna: O nemtsakh v Rossii. Petrograd, 1915. P. 141.
- ⁶³ Кауфман А.Е. Немцы и угнетение инородцев // Русская будущность. 1915. № 3. С. 8.
Kaufman A.E. Nemtsy i ugnetenie inorodtsev // Russkaya budushchnost. 1915. No. 3. P. 8.
- ⁶⁴ Кондиди П.В. Кое-что о немецком засилье в России // Русская будущность. 1916. № 11. С. 13.
Kondoidi P.V. Koe-chto o nemetskom zasile v Rossii // Russkaya budushchnost. 1916. No. 11. P. 13.
- ⁶⁵ Аристов Г. Региональная борьба с немецким засильем в деле сельского хозяйства и промышленности // Русская будущность. 1916. № 6. С. 12–13; Дурденевский В. Германское двуподданство // Проблемы великой России. 1916. № 13. С. 11–13; К. Немцы-меннониты в Таврической губернии // Голос России. 1916. № 21. С. 8–10; Немецкое зло: Сборник статей. Вып. 1. М., 1915; Резанов А.С. Немецкое шпионство: По данным судебной практики и другим источникам. Пг., 1915; Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1915; Сосунков Е.Ф. Немецкое влияние в русской школе. Казань, 1915.
Aristov G. Regionalnaya borba s nemetskim zasilem v dele selskogo khozyaystva i promyshlennosti // Russkaya budushchnost. 1916. № 6. S. 12–13; Durdenevskiy V. Germanskoe dvupoddanstvo // Problemy velikoy Rossii. 1916. № 13. S. 11–13; K. Nemtsy-mennonity v Tavricheskoy gubernii // Golos Rossii. 1916. № 21. S. 8–10; Nemetskoe zlo: Sbornik statey. Vol. 1. Moscow, 1915; Rezanov A.S. Nemetskoe shpionstvo: Po dannym sudebnoy praktiki i drugim istochnikam. Petrograd, 1915; Sergeev I.I. Mirnoe zavoevanie Rossii nemtsami. Petrograd, 1915; Sosunkov E.F. Nemetskoe vliyanie v russkoy shkole. Kazan, 1915.
- ⁶⁶ Мансырев С.П. Мудрость змия // Русская будущность. 1916. № 19. С. 7–8; Мансырев С.П. Немецкое землевладение. Пг., 1915; Мансырев С.П. Несправедливо обиженные // Русская будущность. 1916. № 15. С. 3–4.
Mansyrev S.P. Mudrost zmiya // Russkaya budushchnost. 1916. No. 19. P. 7–8; Mansyrev S.P. Nemetskoe zemlevladienie. Petrograd, 1915; Mansyrev S.P. Nespravedlivo obizhennyye // Russkaya budushchnost. 1916. No. 15. P. 3–4.
- ⁶⁷ Мансырев С.П. Немецкое землевладение. С. 20–21.
Mansyrev S.P. Nemetskoe zemlevladienie. P. 20–21.
- ⁶⁸ Мейендорф А.Ф. Речь в общем собрании Государственной Думы 3 августа 1915 г. по поводу закона 2 февраля 1915 г. // Русские ведомости (Москва). 1915. 5 авг.; Шчербаков Н.Е. Речь в Государственной Думе о законе 2 февраля // Речь (Петроград). 1915. 4 авг.
Meyendorff A.F. Rech v obshchem sobranii Gosudarstvennoy Dumy 3 avgusta 1915 g. po povodu zakona 2 fevralya 1915 g. // Russkie vedomosti (Moscow). 1915. Aug. 5; Shcherbatov N.E. Rech v Gosudarstvennoy Dume o zakone 2 fevralya // Rech (Petrograd). 1915. Aug. 4.
- ⁶⁹ Линдеман К.Э. Прекращение землевладения... С. 89.
Lindeman K.E. Prekrashchenie zemlevladieniya... P. 89.
- ⁷⁰ Новое время. 1915. 5 авг.
Novoe vremya (Petrograd). 1915. Aug. 5.
- ⁷¹ Речь. 1916. 26 марта.

ИЗ ИСТОРИИ КОНФЛИКТА НА КВЖД: КИТАЙСКИЙ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. полон неизвестных и неисследованных до конца страниц. Одна из них – содержание арестованных китайцами в июле–августе 1929 г. советских граждан, работавших на КВЖД, в специально организованном для этого концентрационном лагере Сумбее, недалеко от Харбина. Задача статьи – на основании выявленных неопубликованных источников восстановить подлинную историю этого концлагеря, количество и условия содержания там арестованных железнодорожников, а также определить роль Сумбейского лагеря в военном конфликте и дипломатической игре между большевистским СССР и гоминьдановской Китайской республикой.

С началом советско-китайского конфликта 10 июля 1929 г. в Харбине и на линии КВЖД китайская полиция арестовала 59 служащих КВЖД – советских граждан, якобы «ведущих пропаганду коммунизма», которые подлежали высылке в СССР¹. Управляющий дорогой А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсымонт были отстранены от своих обязанностей дубанем (председателем Правления) дороги Люй Жунхуанем и заменены китайскими гражданами. Врио управляющего дорогой был назначен инженер Фань Цигуан. 12 июля Емшанов и Эйсымонт выехали в СССР. В ноте поверенного в делах Китайской республики в СССР Ся Выйсуна на имя заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана от 17 июля утверждалось, что аресты советских граждан были совершены «в целях устранить противодействующую пропаганду и поддержать необходимый порядок и спокойствие»².

17 июля СССР объявил о разрыве дипломатических отношений с Китаем, об отзыве всех сотрудников КВЖД, которые были назначены советским правительством, а также всех советских дипломатов, консульских и торговых представителей. Посредником в урегулировании конфликта стала Веймарская республика, на германские дипломатические учреждения была возложена защита интересов китайцев в СССР и советских граждан в Китае.

18 июля было опубликовано обращение главноначальствующего Особого района Восточных провинций (ОРВП) Чжан Цзинькуя и дубаня КВЖД Люй Жунхуаня к населению с призывом «спокойно относиться к своим занятиям, выполнять распоряжения властей»³. Обращение было вызвано тем, что просоветское руководство профсоюза работников

- Rech (Petrograd). 1915. March 26.
⁷² Киевлянин (Киев). 1916. 1 июля.
 Kievlyanin (Kiev). 1916. July 1.
⁷³ Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв. Сессия IV. 4 марта 1916 г. Пг., 1916. Стб. 2806.
 Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoy Dumy. IV sozyv. Sessiya IV. 4 marta 1916 g. Petrograd, 1916. Col. 2806.
⁷⁴ Там же. Стб. 3012.
 Ibidem. Col. 3012.
⁷⁵ Там же.
 Ibidem.
⁷⁶ Шелохаев В.В. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 155–156.
 Shelokhaev V.V. Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost. Moscow, 2000. P. 155–156.
⁷⁷ Дякин В.С. Об одной неудавшейся попытке царизма «решить» земельный вопрос в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых: Исторические науки. 1999. № 1(5). С. 5–11.
 Dyakin V.S. Ob odnoy neudavshesya popytke tsarizma «reshit» zemelny vopros v gody Pervoy mirovoy voyny // Vestnik molodykh uchenykh: Istoricheskie nauki. 1999. No. 1(5). P. 5–11.
⁷⁸ Смирнов С. Немецкое землевладение и г. Милуков // Русская будущность. 1916. № 15. С. 5.
 Smirnov S. Nemetskoe zemlevladienie i g. Milyukov // Russkaya budushchnost. 1916. No. 15. P. 5.
⁷⁹ Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв. Сессия IV. 6 марта 1916 г. Пг., 1916. Стб. 3019.
 Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoy Dumy. IV sozyv. Sessiya IV. 6 marta 1916 g. Petrograd, 1916. Col. 3019.
⁸⁰ Линдемман К.Э. Прекращение землевладения... С. 70.
 Lindeman K.E. Prekrashchenie zemlevladieniya... P. 70.
⁸¹ Народы и области. 1914. № 3-5. С. 56.
 Narody i oblasti. 1914. No. 3-5. P. 56.
⁸² Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 157.
 Oldenburg S.S. Op. cit. P. 157.
⁸³ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 115.
 Nelipovich S.G. Op. cit. P. 115.
⁸⁴ Голос Москвы. 1915. 12 апр.
 Golos Moskvu. 1915. Apr. 12.
⁸⁵ Линдемман К.Э. Прекращение землевладения... С. 80.
 Lindeman K.E. Prekrashchenie zemlevladieniya... P. 80.
⁸⁶ Там же. С. 48.
 Ibidem. P. 48.
⁸⁷ Там же. С. 201.
 Ibidem. P. 201.
⁸⁸ Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв. Сессия IV. 4 марта 1916 г. Стб. 2807.
 Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoy Dumy. IV sozyv. Sessiya IV. 4 marta 1916 g. Col. 2807.
⁸⁹ Немцы в истории России... С. 588.
 Nemtsy v istorii Rossii... P. 588.

КВЖД – Дорпрофсожа – призывало его членов увольняться с дороги, чтобы парализовать работу КВЖД, «внести беспорядок и задержку движения, нанести дороге материальный ущерб»⁴. И все последующие аресты «совграждан» стали ответом на нарушения приказов и установлений местной китайской администрации.

По-своему расценили происходящее эмигранты из числа стойких антибольшевиков. Редактор эмигрантской газеты «Русское слово» А.И. Коробов выступил с призывом к советским подданным, то есть эмигрантам, принявшим гражданство СССР «по нужде»: «Сохраняйте спокойствие, не поддавайтесь на провокацию агентов Коминтерна, гоните их прочь от себя и оберегайте дело, к которому вы приставлены!»⁵

7 августа в харбинских газетах было напечатано объявление начальника Главного полицейского управления ОРВП по поводу отказа от службы на КВЖД подданных СССР. В нем было предложено: «кто желает выехать на родину – может получить документы на выезд, кто желает остаться в ОРВП – может остаться при наличии вида на жительство, кто желает вернуться на службу – должен представить поручительство и по поступлению обязан добросовестно нести службу»⁶.

По данным Дорпрофсожа, на 1 июля 1929 г. в профсоюзе КВЖД состояло 12 460 членов. Из них за время конфликта 262 человека было депортировано, 183 человека выехали добровольно, уволились сами – 2 931 человек, уволены администрацией – 1 062 человека⁷. По данным Пенсионного отдела КВЖД, за время конфликта, с 10 июля по 31 декабря 1929 г., было уволено: в административном порядке – 1 730, по собственному желанию – 1 689, по болезни – 120, по разным причинам – 995 человек⁸. Официальными причинами увольнений были «отказ от несения службы», «манкирование службой», неявка на работу и т.п.⁹

Большинство приказов об увольнении были оформлены только через месяц после невыхода на работу сотрудников. Так, в приказе по личному составу № 103 от 21 августа 1929 г. об увольнении 137-ми служащих и рабочих типографии КВЖД было указано, что они увольняются от службы на дороге с 22 июля за «отказ от несения служебных обязанностей»¹⁰. Дело в том, что администрация КВЖД давала возможность забрать заявления и вернуться на работу при предоставлении из полиции справки о благонадежности, чем и воспользовались многие уволившиеся железнодорожники. В дальнейшем китайская администрация отказывалась выдавать уволившимся и уволенным советским гражданам их сбережения, находившиеся в кассе КВЖД, объясняя это тем, что служащие нарушили соглашение, самовольно уйдя с дороги.

Чины железнодорожной полиции ОРВП (среди них было много русских эмигрантов) должны были собирать сведения о настроениях и

поведении советских граждан. Русские полицейские из числа эмигрантов составляли списки служащих, подавших заявления об увольнении или ведущих «коммунистическую подрывную работу» и агитацию среди работавших служащих КВЖД с целью «склонить последних к подаче прошений об увольнении от службы и тем самым провести забастовку на дороге по указанию СССР»¹¹.

По этим спискам впоследствии и было произведено наибольшее число арестов. Все подозрительные лица – в первую очередь, партийный и профсоюзный актив КВЖД, за которым давно было установлено пристальное наблюдение, – задерживались и отправлялись в Главное полицейское управление ОРВП. На большинство из них уже были составлены характеристики. Например, об арестованном Я.С. Белосорочко, гражданине СССР, члене профсоюза, говорилось: «Является активным работником комсомольской организации, член райкома ГПУ при консульстве в Харбине, представитель в Доркоме, бывший красноармеец, служил в армии в Никольск-Уссурийске в ЧОНе. Имеет большевистский политический стаж в работе своих организаций. Человек неблагоденный и для общества вредный и опасный»¹². В рапорте полицейского надзирателя со станции Хайлар от 17 сентября сообщалось, что «местная коммунистическая работница, бывшая преподавательница железнодорожной школы, жена врача Хайларской больницы Елизавета Николаевна Дернова, находясь в Харбине с целью пропаганды, старалась склонить некоторых преподавателей в сторону уклонения от своих служебных обязанностей, настаивая на подаче прошений об увольнении, указывая на непатриотичность тех лиц, которые не увольняются». Свой рапорт полицейский надзиратель закончил просьбой привлечь Дернову к ответственности¹³.

Арестовывали также и по доносам «бдительных граждан». В бумагах китайской полиции содержится масса анонимных доносов на русском языке о том, что такие-то служащие «являются коммунистами, приносят вред дороге». Так, от «служащих КВЖД ст. Имяньпо» (без указания фамилий) начальнику уголовного розыска Главного полицейского управления был предоставлен список «коммунистов» из 27-ми человек с припиской в конце: «Все вышеуказанные лица подлежат чистке обязательно, какие вредят нормальной работе и пропагандируют между служащими. Таковых просим удалить, чтобы в дальнейшем было спокойствие. Долой вредителей!»¹⁴.

Мало приходится сомневаться в том, что некоторые доносы были ложными, написанные с намерением «посчитаться».

По данным полиции, отдельные советские активисты распространяли «слухи-сплетни» о китайских подданных из числа русских эмигрантах как о «коммунистах, служащих в Красной Армии, провокаторах и т.д.

с целью подрыва этим их авторитета»¹⁵. А советский консул в Дайрене (после разрыва дипломатических отношений это консульство осталось в Маньчжурии, ее японской зоне, единственным) Журба сообщал в НКВД письмом от 26 сентября 1929 г.: «...Пользуясь моментом обострения, советские граждане и белые начали сводить личные счеты и доносить в полицию о малейшем пустяке, зная, что это будет вполне достаточно для того, чтобы посадить в лагерь или тюрьму человека, совершенно ни в чем перед китайцами невинного, но имеющего советский паспорт»¹⁶.

Так атмосфера военно-политического конфликта и всеобщей подозрительности породила особый вид шпиономании как среди «совграждан», так и среди «белых».

* * *

Поначалу арестованных помещали в тюрьмы или какие-либо помещения в Харбине и на станциях КВЖД, а также доставляли в Главный штаб китайских охранных войск в Харбине и Мехсоб – клуб рабочих Главных механических мастерских. Но вскоре места для заключенных стало не хватать, и было решено создать специальный концентрационный лагерь.

Не все уволившиеся с дороги попали в лагерь. Часть служащих сумела оформить увольнение по болезни, а те, у кого были средства, уехали в японскую зону Маньчжурии – Чанчунь, Дайрен – и переждали события там. Были и такие советские граждане, кто сумел выбраться из Маньчжурии через японский порт Дайрен или нелегально перешел советско-китайскую границу.

В концентрационный лагерь отправляли не только уволившись самовольно с КВЖД, но и задержанных по подозрению во вредительстве (организации крушения поездов, поджогах, порче рельсов), а также распространении листовок, сводок сообщений хабаровского радио и подпольной газеты «Харбинская правда».

«Харбинская правда» – небольшой листок – стала печататься с начала августа и активно призывала к забастовке. Ее расклеивали по ночам отомльцы – члены Отрядов молодежи. Она печаталась нелегально в типографии Шипотиновского, так как последняя харбинская просоветская газета «Новости жизни» (до этого были «Вперед», «Трибуна», «Эхо», «Молва») была закрыта китайскими властями. 28 августа китайская полиция обнаружила место набора и печати «Харбинской правды». Были произведены аресты лиц, причастных к ее изданию – Н. Елизарьева, Г. Ковалева, А. Крупенника, В. Щепкина¹⁷. Арестованы были также и молодые люди, задержанные при расклеивании этих газетных листков.

Так, была арестована Надежда Алещенко, 1908 года рождения, студентка экономического отделения Юридического факультета (русского эмигрантского вуза), гражданка СССР, приехавшая в Маньчжурию с родителями в 1915 г. Сначала она была отправлена в Главное полицейское управление, потом в Главный штаб охранных войск, а затем – в концлагерь в Сумбее¹⁸. (После конфликта Алещенко, как «сумбейскую мученицу», взяли на КВЖД конторщицей Земельного отдела, дали от дороги небольшую квартиру. В 1932 г. она уехала в СССР, а в 1937 г., как и многие «харбинцы», была арестована и расстреляна).

Таким образом, в Сумбее находились, в основном, рабочие и служащие КВЖД, обвиненные в саботаже за отказ выходить на работу и в попытках «подорвать правильное движение дороги», а также советские граждане, арестованные за «вредительство» и коммунистическую пропаганду. Среди заключенных оказались и эмигранты, принявшие советское гражданство. Некоторые из них скоро стали сообщать лагерной администрации о настроениях советских граждан.

Сведения о Сумбейском лагере, в котором содержались советские граждане, и об их количестве, просачивавшиеся в СССР, были противоречивы. Город Сумбей находился на левом берегу Сунгари, где в августе несколько частных домов были приспособлены под лагерь для арестованных советских железнодорожников. Советская пропаганда постаралась использовать получаемые сведения о лагере для формирования негативного образа китайцев не только в СССР, но и в мире. В беседе с сотрудниками ТАСС 6 сентября 1929 г. врио наркома по иностранным делам М.М. Литвинов заявил: «Свыше двух тысяч советских граждан заключены в концентрационные лагеря, где содержатся в невыносимых условиях»¹⁹.

В этот же день в вербальной ноте НКВД СССР германскому посольству в Москве были озвучены подробности содержания арестованных: «Задержанные размещены в условиях чрезвычайной скученности и полной антисанитарии, что вызвало уже появление среди них заболеваний эпидемического характера и значительную смертность. Арестованные подвергаются избиениям и пыткам; у них отбирается часто решительно все им принадлежащее имущество. <...> Они не получают медицинской помощи; больных не разрешают отправлять в госпиталь; передача пищи воспрещена, арестованных кормят только хлебом и водой; <...> задержанным воспрещаются всякие сношения с внешним миром, в т.ч. даже обращения к германскому консулу в Харбине. <...> Советское правительство заявляет, что приведенные выше обстоятельства вынуждают его стать на путь репрессалий в отношении определенных категорий китайских граждан»²⁰.

Владивостокская газета «Красное знамя» в заметке под заголовком «Ужасы инквизиции бледнеют перед пытками харбинских застенков» рассказывала о 2,5 тысячах советских граждан, находившихся в концлагере. «Весь лагерь кишит червями и насекомыми. Люди гибнут от заразных болезней, от голода и грязи...» Пища состоит из гнилой чумизы [Род проса, который был популярен в Китае. – *М.К.*] и воды. Бани нет. Почти все заключенные одеты в грязное белье, т.к. взяты ночью с постели»²¹.

Однако для аппарата НКВД были очевидны и «неясность в вопросе о числе арестованных», и «несовпадение» в описаниях условий проживания в концлагере и состояния заключенных²². В дальнейшем советские дипломаты стали осторожнее в своих высказываниях. Сотрудники НКВД Е.А. Гнедин и Б.Е. Штейн признавались, что они располагают данными, на которые «не могут сослаться в нотах вследствие их неполной аутентичности»²³.

В основном работники НКВД опирались на сведения, поступавшие «от соседей», то есть от ОГПУ. По информации с Дальнего Востока «О положении в Харбине и на линии КВЖД» от дежурного комиссара коллегии ОГПУ от 29 сентября 1929 г., «прибывшие из Китая советские граждане при допросе показали», что арестованных сначала допрашивают и отсортировывают в Мехсобе и Главном полицейском управлении, а затем уже отправляют в Сумбей. Лагерь, по их словам, представлял из себя бараки, построенные в свое время для изоляции чумных больных во время эпидемии чумы. Скорее всего, «перебежчики из Маньчжурии» передавали сведения от родственников заключенных или слухи, которыми был наводнен Харбин: «В помещении – страшная скученность – в комнатах, рассчитанных на 15 человек, приходится 50–60. Режим для заключенных: прогулки, передачи, свидания не разрешались. В связи с намечавшимися переговорами стали давать небольшие прогулки, разрешили также свидания 2 раза в неделю в порядке очереди по 50 человек в день. Медпомощи никакой нет. Медикаменты передавать не разрешается. Питание: сайка и сырая вода, горячей пищи никакой. К моменту посещения лагеря германским консулом [Германским генеральным консулом в Харбине Г. Штоббе. – *М.К.*] стали выдавать помидоры. Среди заключенных имеются многочисленные заболевания дизентерией, есть больные брюшным тифом и скарлатиной. Смертные случаи от тифа были, точно известно два: председатель месткома 8 участка Михеев и комсомолец, ученик ремесленного училища Поляков, арестованный вместе с отцом»²⁴.

Один из «перебежчиков», Федоренко, показал: «В связи с наступившими холодами положение многих арестованных тяжелое, т.к. некоторые арестовывались на спортивных площадках в одних трусиках и не давали

возможности одеться, некоторых забирали в ночном белье. Среди арестованных имеются беременные женщины и женщины с грудными детьми, никаких исключений для них не делается. Для грудных детей молоко не только не дают, но не разрешают передавать, со стороны врачей помощи нет. Несколько беременных женщин на последних месяцах просились для родов в больницу, им было отказано в этом. В последний момент после настояния германского консула под его личную ответственность беременные переотправлены в больницу с обязательством после родов вернуться в лагерь. Совокупность пытается наладить снабжение заключенных теплой одеждой и бельем, были изготовлены 2 больших самовара для кипячения воды, но китвласти отказались пропустить их в лагерь»²⁵.

В вербальной ноте германского посольства в Москве от 9 сентября 1929 г. приводятся данные, полученные от германского генерального консула в Харбине Г. Штоббе, который лично посетил в начале сентября концлагерь в Сумбее. Там, по его данным, находились 948 человек, из них 38 женщин. Положение их было удовлетворительным, был «решен вопрос снабжения пищей и одеждой, а также вопрос о посещениях родственников»²⁶.

Харбинская эмигрантская газета «Русское слово» 15 сентября привела беседу с консулом Штоббе о Сумбейском лагере: «Режим: утром и вечером прогулки по полчаса, еда – 2 фунта хлеба на человека, кипятков, чай, сахар, овощи. Во дворе – печки, на которых заключенные могут разогревать приносимые им консервы. Есть больница на 20 кроватей, 4 врача китайца и 2 русские фельдшерицы. В больнице – 17 человек, большинство с желудочными заболеваниями. Из жалоб самые частые это вопросы: «за что заключены и как долго протянется заключение», а также отсутствие книг и газет, горячей пищи, сырость в помещениях. Жалоб на истязания нет, но были жалобы на то, что низший персонал иногда толкает. 2 раза в неделю – передачи от родственников»²⁷.

По сообщениям китайского официоза «Гун-бао» (на русском языке), в Сумбее находилось около 400 домов в два ряда, окруженных стеной, высотой более 2 аршин. В лагере находилось 1 190 человек под охраной. Женщины содержались отдельно. В случае заболевания заключенные перемещались в больницу. Все их имущество, деньги, документы хранились в конторе при лагере. Заведующим лагерем был Чжао Куй-ан²⁸.

Сотрудник германского посольства в Москве Ф. Твардовски общал, что корреспонденты газет «Чикаго Трибьюн» и «Интернешнл Нью-Сервис» посетили концлагерь в Харбине и этот лагерь «произвел на них хорошее впечатление. В нем строится баня. Настроение заключенных хорошее. На вопрос корреспондентов, нет ли жалоб по поводу преследова-

ний со стороны администрации лагеря – получили отрицательные ответы. Все заключенные жалуются на недостаток горячей пищи»²⁹.

К 20 сентября, по сообщению начальника китайской полиции, все дети и женщины, за исключением семи, из лагеря были выпущены³⁰. В записке Германской миссии в Пекине от 21 сентября 1929 г. говорилось, что в концлагере находятся 4 врача и 2 лазаретных служителя, а комитет помощи из 10 женщин два раза в неделю посещает лагерь и распределяет одежду и предметы питания. Переписка под контролем была разрешена³¹. Ф. Твардовски в беседе с Б.Е. Штейном 24 сентября назвал публикации в советской печати о тяжелом положении советских граждан и отказ публиковать сообщения об улучшениях «односторонней пропагандой»³².

Интересные воспоминания о Сумбейском лагере оставил его бывший заключенный П.Д. Малеванный (1907–1972). Он был старожилом Маньчжурии: его семья переехала туда из Приморья в 1912 г. В 1923 г. он вступил в комсомол, а в 1924 г. подал заявление о принятии в советское гражданство и о вступлении в профсоюз, после чего работал на станции Пограничная в службе ремонта путей. По заданию резидента ОГПУ М.И. Семакина, который тоже попал потом в концлагерь, он наблюдал за «беляками». Во время конфликта был арестован китайской полицией по подозрению в причастности к крушению поезда и отправлен в Сумбей. Вернулся в СССР осенью 1933 г., работал на станции Гродеково. В 1938 г. был арестован, осужден на 10 лет ИТЛ. Был реабилитирован, жил в Киргизии, в Бишкеке. Там в середине 1960-х гг. он и написал свои воспоминания (во Всероссийскую мемуарную библиотеку их передала вдова – Надежда Алексеевна). Несомненно, на воспоминания Малеванного повлиял советский лагерный опыт, причем сравнение между лагерями китайским и советским оказалось не в пользу последнего.

Об условиях содержания Малеванный написал: «Через некоторое время в лагере появилась баня, столовая, парикмахерская, прачечная. Конечно, все это было примитивным, но все же эти места позволили общаться (баня и парикмахерская – раз в месяц). Мы мылись в тазу – один поливал из чайника. Был открыт и медпункт. <...> В одной из камер был подпольный штаб. Его приказы мы выполняли неукоснительно. Оттуда же поступали и новости. <...> Неоднократно мы вызывали немецкого консула доктора Стоббе [Штоббе. – М.К.]. Он приезжал в Сумбей, виделся с нашими представителями. Они вручали ему письменные протесты на жестокий режим в лагере, просили быть посредником между Советским правительством и Китаем. <...> В лагерной кухне варили борщ из черной капусты и гнилых огурцов. Есть его было почти невозможно. Мы жили за счет передач. <...> Новости получали от вновь арестованных. В сентябре

из 1 корпуса сбежали 3 заключенных. Из-за этого побега заменили всю охрану. Режим усилился еще больше. Мы ответили дружной голодовкой. Лагерный штаб приказал поддержать голодовку. <...> Голодовка возымела действие. Наши требования были удовлетворены. Мы стали получать передачи каждую субботу. <...> В каждой камере сложили плиту, выдавали дрова. <...> Долгими вечерами – рассказы, песни. В четвертой камере – 35 забастовавших со станции Ханьдаохэцзы с инструментами – так за стенкой у нас оказался струнный оркестр. <...> Подпольный штаб в Харбине постоянно заботился о нас. Именно он заставил Стоббе вновь взяться за дело и поставить новые требования перед китайцами. <...> На наше имя переводились довольно крупные суммы денег в Германское консульство. На эти средства покупалось теплое белье, одежда, продукты. <...> Была даже достигнута договоренность с фирмой Чурин и Ко (фирма доставила в концлагерь теплое белье, ватные одеяла, теплые брюки и телогрейки). Каждую субботу – продовольственные передачи (питались 3 раза в день). Женщины в Харбине ходили по домам, собирали, кто что даст. Снабжали нас бельем и другими вещами. Передавали письма на волю, платили деньги [Китайцу-охраннику. – М.К.], за каждый конверт – 50 центов [В Харбине в обращении были местные доллары (даяны), в 1929 г. 1 золотой рубль равнялся 172 цента. – М.К.]. Он приносил ответы, за отдельную плату – белоэмигрантские газеты. <...> К празднику октября нам подбросили продуктов. Штаб лагеря выработал и разослал по камерам программу проведения праздника. 7 ноября в каждой зоне прошли митинги»³³.

Помощь заключенным оказывали как их родственники, так и общественность, и советское правительство. На совещании в НКВД 23 августа было решено перевести в распоряжение германского генерального консула в Харбине 100 тыс. иен, предназначенных для оказания помощи советским гражданам в Маньчжурии, причем консулу предоставлялось право самостоятельной раздачи пособий³⁴. (Иена и американские доллары в то время в Маньчжурии были самой твердой валютой, 1 иена равнялась приблизительно 1 зол. руб. и 0,5 амер. долл.).

Германский генеральный консул в Харбине установил порядок оказания материальной помощи. Арестованным советским гражданам и содержащимся в концлагере выдавались продукты питания, медикаменты и иные «срочно необходимые предметы». Семьям арестованных советских граждан, а также оставшимся без работы рабочим и служащим КВЖД, для которых работа на дороге являлась единственным средством к существованию, выдавались ежемесячно: жене или главе семейства – по 10 иен, прочим членам семейства – по 5 иен³⁵. 11 сентября на имя германского генерального консульства в Харбине была переведена сумма в 51 347

американских долларов (приблизительно 100 тыс. руб.) для «дальнейшего оказания помощи советским гражданам»³⁶.

Штоббе жаловался, что консульству приходилось принимать ежедневно до 500 советских граждан, желавших получить пособия или справки, и личный состав консульства не в состоянии справиться с наплывом посетителей³⁷. Для распределения денег был привлечен Дор-профсоюз. Каждое заявление о помощи должно было быть подписано двумя «совгражданами»: их подписи удостоверяли «нуждаемость» просящего. По сообщению от 15 сентября, полученному советским консулом в Дайрене Журбой от Кокорина, прикомандированного к германскому генеральному консульству в Харбине, было роздано 30 тыс. иен и удовлетворены 2 тыс. семей³⁸. Деньги поступали и дальше, до освобождения заключенных из лагеря в конце декабря 1929 г.

Точную цифру заключенных в Сумбейском лагере установить очень сложно. На начало декабря, по сообщению газеты «Известия», в заключении в Харбине продолжали оставаться 1 683 человека, из них в Сумбейском лагере – 1 450, остальные – в городских тюрьмах³⁹.

* * *

Попытки улучшить положение заключенных в Сумбейском лагере при помощи германских дипломатов осложнялись тем, что сразу после начала конфликта ОГПУ в ответ на аресты «совграждан» в Маньчжурии начало массовые аресты китайских граждан в Москве, Ленинграде, сибирских и дальневосточных городах.

В ноте поверенного в делах Китайской Республики в Москве Ся Выйсуна на имя заместителя наркома по иностранным делам Карахана от 17 июля 1929 г. говорилось об аресте не менее тысячи китайских граждан. Национальное китайское правительство в Нанкине требовало немедленного освобождения китайских граждан, возвращения им денег, собственности и личного имущества, возмещения потерь и убытков, связанных с их арестом, заявив, что «в отношении каких-либо советских граждан в Китае не чинилось никаких препятствий и никогда не применялось одно-сторонней несправедливости»⁴⁰.

В ответной ноте НКВД от 17 июля, подписанной Л.М. Караханом, было заявлено, что репрессии коснулись лишь «ничтожных групп шпионов, опиеторговцев, содержателей притонов, контрабандистов и прочих уголовных элементов из китайских граждан»⁴¹.

6 сентября 1929 г. ОГПУ начало массовые аресты китайских граждан в Москве, Ленинграде, Владикавказе, Новосибирске, Чите, Владивостоке

и других городах Сибири и Дальнего Востока. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. было принято решение и дано указание ОГПУ «усилить репрессии по отношению к китайским гражданам из торговцев, спекулянтов и т.п., заключив в тюрьму в ближайшие дни от 1–2 тыс. человек, главным образом, в районе Дальнего Востока и, сделав самый режим заключения более суровым, чем в настоящее время»⁴². Было арестовано несколько тысяч китайских граждан, деньги и личное имущество их были конфискованы. По данным французской газеты, издававшейся в Пекине, «Journal de Pekin», в номере от 30 октября 1929 г., в Чите в «концлагере» было заключено около 1 020 китайцев, в том числе около 670 из них взяты с пароходов «советской полицией», все имущество конфисковано⁴³.

23 сентября 1929 г. представители германского посольства в Москве по просьбе китайского правительства посетили арестованных китайских граждан в Бутырской тюрьме. На тот момент в ней содержались 275 китайцев, в каждой камере – от 30-ти до 50-ти человек. Китайцы жаловались на то, что «не знают, за что сидят», на недостаток пищи. Просили разрешить прогулки, свидания и передачи. Немцы после посещения тюрьмы заявили представителям НКВД: если они доведут до сведения китайских властей, что советская сторона не разрешает свиданий с арестованными, «то это отразится на режиме в Сумбейском лагере»⁴⁴.

В дальнейшем вопрос о содержании китайских граждан в советских тюрьмах не раз становился предметом торга в переговорах дипломатических ведомств СССР и Китая при посредничестве германского посольства в Москве. В начале октября 1929 г. генеральный консул Германии в Харбине Штоббе передал мнение губернатора Маньчжурии Чжан Сюэляна о том, что дальнейшее смягчение участи арестованных советских граждан невозможно, «вследствие варварского обращения в СССР с тремя тысячами китайцев». Германские дипломаты пытались убедить советскую сторону, что «проводимые в СССР репрессии ухудшают положение» советских граждан в Маньчжурии⁴⁵. От германского правительства 9 октября поступило предложение об интернировании арестованных с обеих сторон, но это предложение не было принято⁴⁶.

Американская газета, выходящая в Тяньцзине, «Nord China Star» 26 октября 1929 г. писала о неравном отношении к заключенным в Маньчжурии и СССР: «К советским гражданам в Китае выявлено хорошее отношение, в то время как с китайскими подданными в России обращаются дурно, и китайские дипломатические представители были лишены своих прав и привилегий». Там же говорилось о 3 тыс. арестованных советских

граждан и китайцев и о предложении обмена, на которое советская сторона ответила отказом⁴⁷.

Судя по всему, советскому правительству было выгодно нахождение в заключении более тысячи советских граждан для оправдания активно готовившейся военной операции Особой Дальневосточной армии. Освобождение заключенных было объявлено одной из задач ее наступления в Маньчжурию. Обмен советских граждан на китайцев не входил в планы Кремля, и советским дипломатам оставалось только тянуть время и отделяться общими заявлениями. Представители НКВД в беседе с немецкими дипломатами отрицали репрессии против арестованных китайских граждан, утверждая, что сведения эти основаны на «несолидной информации китайских граждан и могли бы создать совершенно неправильное впечатление, будто бы наши репрессии по своей суровости можно сравнить с неслыханной жестокостью и бесчинствами китайских властей»⁴⁸. Советские дипломаты предупредили: пока не будет отменен запрет со стороны китайских властей советским гражданам покидать Маньчжурию, «мы не будем выпускать китайских граждан из Владивостока»⁴⁹.

В дальнейшем германские дипломаты пытались облегчить положение китайских заключенных, интересовались судьбой отдельных лиц. Например, просили освободить или перевести в больницу тяжело больного Чжуй Чжена, заключенного Бутырской тюрьмы. Германское посольство интересовалось судьбой жены сотрудника китайской миссии, выехавшего в Гельсингфорс, Лубсан Сандан, обвиняемой в шпионаже, у которой после ареста остался без присмотра 6-летний сын. Свидание с ней состоялось 17 декабря⁵⁰. По просьбе китайской стороны арестованным в СССР китайцам предполагалось выдать через немецких дипломатов по 5 руб. каждому – всего примерно 15 тыс. руб. На этом основании можно предположить, что всего в СССР было арестовано около 3 тыс. китайских граждан⁵¹.

Советские граждане были освобождены из Сумбейского концлагеря в конце декабря 1929 г. на основании советско-китайского Хабаровского протокола, подписанного 22 декабря 1929 г., об урегулировании конфликта на КВЖД. Все они были восстановлены на службе, им было выплачено полностью жалование за полгода.

В отношении советских граждан, оставшихся работать на КВЖД во время конфликта, новая советская администрация начала репрессии, последовали «чистка» в рядах служащих и увольнения. С 1930 г. все служащие и рабочие КВЖД разделились на «сумбейцев» и «конфликтчиков». А в личных делах и характеристиках обязательным стало указание,

что делал служащий во время конфликта, чем определялась степень его лояльности советской администрации КВЖД.

* * *

Таким образом, существование Сумбейского концентрационного лагеря для советских граждан во время советско-китайского конфликта 1929 г. стало одной из важных составляющих экономической и военно-политической ситуации в Маньчжурии, ситуации на КВЖД, политики СССР в отношении гоминьдановского Китая, чрезвычайно запутанного клубка международных отношений 1929 г. Сумбейский концентрационный лагерь и условия содержания в нем советских граждан стали разменной монетой советской дипломатии и советской пропаганды во время конфликта, а также средством давления на центральное Нанкинское и Мукденское правительства в борьбе за восстановление своей части суверенитета над КВЖД. Однако реальное положение заключенных советских граждан в этом лагере не было столь тяжелым, как это представляли власти СССР и советская пропаганда.

Примечания

¹ Русское слово (Харбин). 1929. 11 июля.

Russkoe slovo (Harbin). 1929. July 11.

² Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сборник документов. М., 1930. С. 31. Sovetsko-kitaisky konflikt 1929 g.: Sbornik dokumentov. Moscow, 1930. P. 31.

³ Гун-бао (Харбин). 1929. 18 июля.

Gun-bao (Harbin). 1929. July 18.

⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 873. Л. 139а.

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 323. Op. 6. D. 873. L. 139a.

⁵ Русское слово. 1929. 20 июля.

Russkoe slovo. 1929. July 20.

⁶ Русское слово. 1929. 7 авг.

Russkoe slovo. 1929. Aug. 7.

⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 42. Л. 2об.

RGIA. F. 323. Op. 3. D. 42. L. 2v.

⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 440. Л. 182.

RGIA. F. 323. Op. 11. D. 440. L. 182.

⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4921. Л. 94.

RGIA. F. 323. Op. 9. D. 4921. L. 94.

¹⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5682. Л. 8–11.

RGIA. F. 323. Op. 9. D. 5682. L. 8–11.

¹¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 873. Л. 60.

RGIA. F. 323. Op. 6. D. 873. L. 60.

- ¹² Там же. Л. 119.
Ibidem. L. 119.
- ¹³ РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л. 84.
RGIA. F. 323. Op. 6. D. 874. L. 84.
- ¹⁴ Там же. Л. 147.
Ibidem. L. 147.
- ¹⁵ Там же. Л. 341.
Ibidem. L. 341.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф.0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 173.
Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F. 0146. Op. 12. P. 138. D. 8. L. 173.
- ¹⁷ Русское слово. 1929. 1 сент.
Russkoe slovo. 1929. Sept. 1.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 92. Л. 7.
RGIA. F. 323. Op. 9. D. 92. L. 7.
- ¹⁹ Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 46.
Sovetsko-kitaisky konflikt 1929 g. P. 46.
- ²⁰ Там же. С. 46–47.
Ibidem. L. 46–47.
- ²¹ Красное знамя (Владивосток). 1929. 13 сент.
Krasnoe znamya (Vladivostok). 1929. Sept. 13.
- ²² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 194.
AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 48. D. 69. L. 194.
- ²³ Там же. Л. 141.
Ibidem. L. 141.
- ²⁴ Там же. Л. 118–119.
Ibidem. L. 118–119.
- ²⁵ Там же.
Ibidem.
- ²⁶ Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 49.
Sovetsko-kitaisky konflikt 1929 g. P. 49.
- ²⁷ Русское слово. 1929. 15 сент.
Russkoe slovo. 1929. Sept. 15.
- ²⁸ Гун-бао. 1929. 27 сент.
Gun-bao. 1929. Sept. 27.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 81.
AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 48. D. 69. L. 81.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
Ibidem. L. 3.
- ³¹ Там же. Л. 88.
Ibidem. L. 88.
- ³² Там же. Л. 95.
Ibidem. L. 95.
- ³³ Архив Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 1. Д. Р-282. Л. 65–82.

- Archive of Russian Abroad House by name of A.I. Solzhenitsyn (Archive DRZ). F. 1. D. R-282. L. 65–82.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 42.
AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 48. D. 69. L. 42.
- ³⁵ Там же. Л. 68.
Ibidem. L. 68.
- ³⁶ Там же. Л. 70.
Ibidem. L. 70.
- ³⁷ Там же. Л. 108.
Ibidem. L. 108.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 174.
AVP RF. F. 0146. Op. 12. P. 138. D. 8. L. 174.
- ³⁹ Известия. 1929. 7 дек.
Izvestiya. 1929. Dec. 7.
- ⁴⁰ Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 31.
Sovetsko-kitaiskiy konflikt 1929 g. P. 31.
- ⁴¹ Там же. С. 32.
Ibidem. P. 32.
- ⁴² Дацзышен В.Г. Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 58.
Datsyshen V.G. Kitaytsy v Rossii i sovetsko-kitaisky konflikt 1929 goda na KVZhD // Rossiyskaya istoriya. 2011. No. 5. P. 58.
- ⁴³ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1356. Л. 32.
RGIA. F. 323. Op. 5. D. 1356. L. 32.
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 94.
AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 48. D. 69. L. 94.
- ⁴⁵ Там же. Л. 115.
Ibidem. L. 115.
- ⁴⁶ Там же. Л. 123–124.
Ibidem. L. 123–124.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1355. Л. 227.
RGIA. F. 323. Op. 5. D. 1355. L. 227.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 129об.
AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 48. D. 69. L. 129ob.
- ⁴⁹ Там же.
Ibidem.
- ⁵⁰ Там же.
Ibidem.
- ⁵¹ Там же. Л. 144.
Ibidem. L. 144.

Т.И. ХОРХОРДИНА И НОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ

В начале февраля 2013 г. произошло событие из разряда таких, какие принято называть знаменательными: доктору исторических наук, профессору Российского государственного гуманитарного университета Андрею Сергеевичу Усачеву за вклад в изучение древнерусской книжности XVI в. президентским указом была присуждена премия в области науки и инноваций для молодых ученых за 2012 г.

А.С. Усачев – представитель ведущих научных школ Московского государственного историко-архивного института, на базе которого был создан РГГУ: источниковедения, историографии, архивоведения. Представитель, подчеркнем особо, молодого поколения. И его яркий, заслуженный успех – это и успех его учителей, среднего и старшего поколения ученых и преподавателей университета.

Среди них своими фундаментальными исследованиями, оригинальными научными концепциями и высокого научно-методического уровня учебниками выделяется доктор исторических наук, профессор Татьяна Иннокентьевна Хорхордина.

Научное творчество Т.И. Хорхординой давно вызывает большой интерес в сообществе историков, источниковедов, историографов, архивистов не только в России, но и в странах постсоветского пространства и дальнего зарубежья. И это закономерно и заслуженно.

В трудах Т.И. Хорхординой ярко проявляется основной вектор ее научного творчества: раскрытие архивоведения и русской гуманитарной мысли в целом через призму личных историй отдельных ученых. Именно личностный подход, системно применяемый автором практически во всех своих историко-архивоведческих исследованиях, помогает глубже понять закономерности и логику возникновения новых архивоведческих идей. И тем самым пробудить творческое начало в читателях, прикоснувшихся к страницам ее исследований. Путь этот – плодотворный, но и крайне сложный, поскольку требует и колоссального труда в архивохранищах, и высокого профессионализма историка, и таланта аналитика.

Конечно, подводить промежуточные итоги научного творчества Т.И. Хорхординой – работа сложная и объемная: на сегодняшний день в ее «багаже» – более 200 научных трудов. И задача глубоко и всесторонне проанализировать ее работы – это будущая задача не одного историографа. Мы же охарактеризуем в самых общих чертах, что же нового внесла Т.И. Хорхордина, воспитанница и гордость Историко-архивного института РГГУ, в отечественную науку об архивах.

Прежде всего, отметим характерную отличительную особенность ее научного почерка. Как правило, истоки ее фундаментальных работ

кроются в научных статьях, выступлениях на различных конференциях, в учебно-методических разработках и т.д. и т.п. Иногда «расстояния» между первыми публикациями и фундаментальными монографиями составляют годы и даже десятилетия, что говорит о глубине и обстоятельности научных изысканий, о высокой ответственности ученого.

Так, в 1989 г. в межвузовском сборнике научных трудов «Архивы СССР. История и современность» была опубликована небольшая статья Т.И. Хорхординой «Из летописи архивной жизни (1918 – 1919 гг.)»¹. Опираясь на выявленные ею в фондах ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ) документы из личного архива А.С. Николаева, она раскрыла неизвестные страницы подвижнической борьбы конкретных архивистов за спасение архивов в условиях революционного Петрограда, находящегося в полуобморочном состоянии хаоса, голода и холода. За «излишнюю» эмоциональность составитель сборника вознамерилась отказать молодому автору в публикации, и только благодаря безоговорочной поддержке ответственного редактора Е.В. Старостина судьба статьи решилась положительно: ей дана была «путевка в жизнь».

В дальнейшем упреки в «излишней эмоциональности» в адрес Т.И. Хорхординой стали уже рутинной, не повлияв на исследователя они не могли, и стиль ее работ стал заметно суше, «академичнее». Хотя в нынешнее время, когда яркость стиля и популярность изложения обрели в научной и учебной исторической литературе особую ценность, хотелось бы увидеть «прежнюю Татьяну». Сибирячка по рождению и характеру, она работает целеустремленно, упорно идет до значимого результата. Поэтому из той скромной публикации, как из зернышка, в итоге напряженных поисков в архивах выросли затем такие фундаментальные работы, как «История Отечества и архивы: 1917 – 1980-е гг.»², ««Неизвестный» Маяковский»³, «Российская наука об архивах: История. Теория. Люди»⁴, «Архивы и революция»⁵ (в соавторстве с Е.В. Старостиним), «Гуманитарный университет в Москве: История идеи»⁶, а также учебники «Российские архивы: История и современность»⁷ (в соавторстве с Т.С. Волковой), «История архивоведческой мысли»⁸. В итоге история российских архивов представлена ей как результат кипения и столкновения поистине шекспировских страстей и драм, личного героизма, счастливых и разбитых судеб.

В 1996 г. была опубликована статья Т.И. Хорхординой «Архивы в “Зазеркалье”: архивоведческая культура тоталитарных режимов»⁹. Вокруг нее и поныне не утихают споры. Сопоставляя руководящие установки нацистских властей (изученные по немецким источникам) 1933 г. в архивном деле и аналогичные документы архивных властей СССР и РСФСР за этот же период, автор отмечает свойственное тоталитарным режимам стремление к «милитаризации» архивов и засекречиванию как документов, так и людей, работающих в архивах. Свое развитие эта идея получила в последующих работах, в частности в статье «Хранители секретных документов»¹⁰.

Наконец, из многочисленных проспектов и буклетов автора по истории МГИАИ, которые достойно завершила книга «Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930 – 1991 гг.)»¹¹, в 2012 г. родилась солидная монография «Гуманитарный университет в Москве: История идеи». Оба ее раздела – «Обращаясь к истокам: Московский государственный историко-архивный институт в истории становления отечественной высшей школы» и «Плоды преемственности: Российский государственный гуманитарный университет – традиции и современность», – как и другие работы Т.И. Хорхординой, насыщены документальными архивными источниками. Причем большинство из них введены в научный оборот впервые.

Вектор научного творчества Т.И. Хорхординой можно назвать «гуманитарным», ибо он нацелен на разработку теоретической концепции нового исторического архивоведения. Новизна и актуальность тематики ее исследований в этом направлении, одним из первопроходцев которого она стала, определяется необходимостью осмыслить теоретические основы отечественной науки об архивах в современных условиях на основе анализа истории архивоведческой мысли России в ее полноте и цельности. Нельзя не согласиться с ее мыслью, что исследование проблем возникновения и развития науки превратилось на рубеже XX и XXI вв. в один из важнейших процессов человеческого самопознания. Многие зарубежные и отечественные исследователи (философы, историки, социологи, науковеды, историографы, книговеды, источниковеды) определяют суть происходящих глобальных перемен в нарастающих темпах всеохватывающей информатизации человеческого сообщества, что радикально изменяет характер парадигмы научного знания.

В самом общем, принципиальном виде суть происходящей смены основ междисциплинарного диалога наук о человеке проявилась в дискуссиях о «подвижном информационном пространстве культуры новейшего времени». В начале 1990-х гг. была впервые введена в научный оборот идея В.Н. Автократова об архивах как о естественно-исторических образованиях, возникающих и развивающихся по собственным законам, а также об архивных фондах, учение о которых должно стать ядром современной науки об архивах. Здесь можно применить известную метафору: как все в живом мире начинается из клетки, так и архивы как живой организм начинаются, состоят и развиваются из «клетки», то есть из документа. И главное для историка-архивиста было и остается, будет всегда – выявить эту генетическую цепочку и не нарушить ее изначальную целостность. Эти положения ознаменовали собой принципиально новый подход к изучению многих фундаментальных проблем отечественного архивоведения.

Та же, по сути, эпистемологическая альтернатива прослеживается в дискуссиях о классификационных представлениях в архивистике: или искусственные тематические серии, или, напротив, сохранение естественно-исторических связей документа и фонда, что опять же в свое время подробно

рассматривал В.Н. Автократов. Эту проблему Т.И. Хорхордина подробно анализирует в предисловии к подготовленному ею сборнику избранных научных трудов В.Н. Автократова, признанного классика современной науки об архивах¹². Глубинная суть разделяемой ею гуманитарной концепции науки об архивах состоит в том, чтобы отказаться от традиционного в советской архивоведческой литературе взгляда, согласно которому архивист выступал в большинстве случаев как безликий «винтик», покоящийся на дне океана постановлений, инструкций, правил и других нормативных и подзаконных документов.

К сожалению, стереотипы представлений о прикладном, служебном, всегда лишь вспомогательном характере архивов преодолеваются медленно. По мнению Т.И. Хорхординой, которое она впервые озвучила в глубокой по замыслу статье «От архивоведения к архивософии (К постановке проблемы)»¹³, «технологическое» архивоведение вступило в противоречие с философской концепцией единства гуманитарного и естественно-научного знания, сменившей устаревшую в гносеологическом и методологическом плане концепцию противопоставления наук о природе наукам о духовном мире человека. Не случайно основу современной системы научных знаний составляют труды отечественных мыслителей мирового масштаба: «естественника» В.И. Вернадского с его учением о «ноосфере» (или «мыслеземе», если воспользоваться емким неологизмом Велемира Хлебникова) и «гуманитария» А.С. Лаппо-Данилевского, который указал на кризис эмпирического опыта исследований (прежде всего в работе над источниками) в рамках позитивистской парадигмы, принципиально отрицавшей «метафизические» аспекты гуманитарного познания. Определилось трепетно-бережное отношение к любому архивному документу, в какой бы форме и «оболочке» он ни выступал, поскольку он представляет собой, по А.С. Лаппо-Данилевскому, «материализованный продукт мыслительной деятельности человека».

При этом, согласно современным взглядам, между документами официального происхождения, создаваемыми в процессе деятельности различных юридических лиц – учреждений, организаций и предприятий, – и документами личного происхождения нет принципиальной разницы, поскольку, как справедливо считает В.П. Козлов, их объединяют общие закономерности создания и бытования. По существу, в этих положениях продекларированы гуманитарные основы современной науки об архивах, которые исповедует и Т.И. Хорхордина, хотя, естественно, в собственной интерпретации. В рамках этой концепции она оценивает вклад в создание системы знаний об архивах самых различных деятелей: от дьяка Ивана Висковатого до членов Союза Российских архивных деятелей и участников Кружка им. А.С. Лаппо-Данилевского.

Т.И. Хорхордина стремится раскрыть прежде всего гуманитарную составляющую науки об архивах, восстановить историю мысли в ее человеческом измерении, то есть идет от анализа деятельности ученого,

от наличествующего человека, который и является первопричиной исторических событий, их подлинным творцом. Впервые в итоге изучения архивных материалов и новых исследований ею воссоздаются биографии и творческий путь ряда ученых, на протяжении десятилетий остававшихся на периферии исторических знаний. Как справедливо подчеркивает Т.И. Хорхордина, многие из создателей науки об архивах одновременно сами были историками архивного дела в России. Речь идет, прежде всего, о Н.В. Калачове, Д.Я. Самоквасове, И.Е. Андреевском, А.П. Воронове, Н.Н. Оглоблине, великом князе Николае Михайловиче (Романове), А.И. Успенском, А.С. Лаппо-Данилевском, Н.П. Лихачеве, И.Л. Маяковском, В.И. Веретенникове, С.Ф. Платонове, С.В. Рождественском, А.Е. Преснякове, Д.Н. Егорове, А.С. Николаеве, Ф.А. Нинева, А.Н. Макарове, В.Н. Бенешевиче, А.И. Лебедеве, Н.П. Черепнине, А.Ф. Изюмове, И.Ф. Колесникове, Г.А. Князеве, Н.Ф. Бельчикове, Е.В. Тарле, В.В. Шереметевском и других ученых.

В целом Т.И. Хорхордина рассматривает создание архивов как один из способов сохранения и приумножения культурного наследия нации, его неповторимой самоценности. И одновременно – как часть общечеловеческого движения от хаоса, варварства и господства разрушительных инстинктов к разумному порядку, духовности и осознанному стремлению к созиданию. В этом контексте отношение к судьбам архивов выступает как существенный критерий степени культурного (цивилизационного) развития нации, характера и уровня ее самосознания. Таким образом, делает вывод исследовательница, создателями новой, «классической» науки об архивах, стали, в основном, историки и архивисты, сплотившиеся в Союз российских архивных деятелей.

В работах ее предшественников – С.О. Шмидта, А.В. Олигова, Л.В. Ивановой и других – главное внимание уделялось организационным сторонам деятельности Союза, его роли и месту в общественной жизни послереволюционной России, деятельности по спасению архивов и т.д. В то же время практически неисследованными оставались теоретические взгляды членов Союза, история их архивоведческой мысли, которые, в силу внешних причин, отложились в фондах различных архивохранилищ. Исследование теоретической деятельности Союза российских архивных деятелей и Клуба им. А.С. Лаппо-Данилевского построено Т.И. Хорхординой главным образом на основе выявленных ею и введенных в научный оборот впервые архивных источников. Так, впервые в отечественной историко-архивоведческой литературе она ввела в научный оборот выступления К.Г. Митяева, И.Л. Маяковского и А.И. Андреева на Всесоюзной конференции историков-архивистов (июнь 1943 г.).

В декабре 2012 г. в РГГУ состоялась презентация архивоведческих учебников нового поколения, рекомендованных Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации для студентов высших учебных заведений по направлению «Документоведение и архивоведение».

На презентации – этом тоже знаменательном событии – были представлены и два учебника Т.И. Хорхординой, созданные в связи с переходом на двухуровневую систему обучения, для бакалавриата и магистратуры. Первый – «Российские архивы: история и современность» – подготовлен совместно с Т.С. Волковой – для бакалавриата. Второй – «История архивоведческой мысли» – для магистратуры.

Достоинство учебника «Российские архивы: история и современность» заключается в том, что студенты получают не готовые схемы и правила пользования эвристическими методами работы в архивохранилищах, а приступают к их освоению на основе знания закономерностей их формирования. За период, прошедший после выхода в свет учебников предшественников¹⁴, выявлены новые источники, появились новые исследования, которые необходимо было обобщить в качестве учебного материала, чтобы студенты-бакалавры получили целостное представление об истории формирования и системе архивов России, их эволюции с древних времен и до сегодняшнего дня, крупнейших документальных комплексах зарубежной архивной россии. Кроме того, в учебнике рассмотрены история разработки и содержание архивного законодательства, проектов архивных реформ, складывания системы управления архивным делом в контексте истории Отечества. Представлены общественные организации архивистов – губернские ученые архивные комиссии, Союз российских архивных деятелей, Клуб А.С. Лаппо-Данилевского, Российское общество историков-архивистов. Материал второго раздела учебника ориентирован на знание основных направлений деятельности архивов в исторической ретроспективе: особенностей организации и эволюции комплектования, хранения, учета и использования документального наследия.

Учебник «История архивоведческой мысли» подготовлен для магистратуры – более высокого уровня обучения, при котором студенты уже владеют определенной степенью культуры в обращении как с документами, которые уже отложились в архивохранилищах, так и с теми, что рождаются на наших глазах. В книге представлены изложение генезиса, становления и развития архивоведческой мысли в России, связывающего в единое целое систему взглядов отечественных историков и архивоведов на вопросы архивной теории истории и практики.

Этот труд – пока первый и единственный в России учебник по истории архивоведческой мысли, где обобщен процесс развития отечественной архивоведческой мысли до конца 1920-х гг. Как известно, начало XX в. связано с рождением и расцветом классического архивоведения – вершиной архивоведческой мысли в России, по определению С.О. Шмидта. Для этого времени характерны высокий уровень архивоведческих знаний в России и весомость вклада в мировую науку российских ученых-архивоведов. К тому же 1920-е гг. явились точкой отсчета, поворотным этапом, когда процесс свободного развития архивоведческой мысли был искусственно прерван и наметился поворот к «технологическому» архивоведению.

Материал учебника ориентирован на изучение конкретного вклада ученых в развитие архивоведческих знаний, и история архивоведения рассматривается не как деперсонифицированный набор сведений о безличностной цепи законодательных актов, правил и положений, а как процесс интеллектуального творчества ученых, объектом исследования которых стал самоценный архивный документ. Поэтому Т.И. Хорхордина стремилась излагать историю архивоведческой мысли в диалектической связи с реальной действительностью, позволяющей ощутить «дыхание» архивов как живого организма и представить, таким образом, живую историю борьбы научных взглядов школ и личностей. И история архивоведческой мысли предстает неотъемлемым элементом истории русской научной мысли, которая, в свою очередь, вводится в безграничный мир всемирной истории самопознания и самосознания Человека.

Оба эти учебника стали серьезным, решительным шагом на пути к новому качеству российского историко-архивного образования.

Закончить краткий очерк вклада Т.И. Хорхординой в современное историко-архивоведение хотелось словами мудрого учителя не одного поколения историков-архивистов Сигурда Оттовича Шмидта. В интервью газете РГГУ «Аудитория» он сказал: «Хотя в просторечии бытует выражение «сдать в архив» для обозначения «устарелости», ненужности, забвения чего-либо, на самом деле задача архивов, и, соответственно, архивистов, сохранение от забвения. Ибо только то, что отберут из многообразия современной документации для передачи в архив, останется для будущего; и архивист едва ли не самая футурологическая по своему предназначению профессия... Таким образом, работа архивистов ответственная и перед предками, и перед потомками, работа совестливая и в основе своей научная, так как и описание, и публикация документальных материалов всегда воспринимались как научное творчество, требующее и специальной подготовки и достаточно широкого исторического кругозора»¹⁵.

Эти слова могли бы послужить эпиграфом практически к каждому из историко-архивоведческих исследований Т.И. Хорхординой. Кстати, новаторские взгляды на профессию архивиста XX–XXI вв. она изложила в ряде статей, опубликованных в журнале «Вестник архивиста». Можно с уверенностью предсказать, что из этих зернышек прорастут и корни, и крона будущих монографических исследований и учебников по истории российских архивов.

Примечания

¹ Хорхордина Т.И. Из летописи архивной жизни (1918 – 1919 гг.) // Архивы СССР: История и современность. М., 1989. С. 91–98.

Khorkhordina T.I. Iz letopisi arkhivnoy zhizni (1918 – 1919 gg.) // Arkhivy SSSR: Istoriya i sovremennost. Moscow, 1989. P. 91–98.

² Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы, 1917 – 1980-е гг. М., 1994.

Khorkhordina T.I. Istoriya Otechestva i arkhivy, 1917 – 1980-e gg. Moscow, 1994.

³ Хорхордина Т.И. «Неизвестный» Маяковский. М., 2001.

Khorkhordina T.I. «Neizvestny» Mayakovsky. Moscow, 2001.

⁴ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. *Khorkhordina T.I. Rossiyskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi. Moscow, 2003.*

⁵ Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Архивы и революция. М., 2007.

Starostin E.V., Khorkhordina T.I. Arkhivy i revolyutsiya. Moscow, 2007.

⁶ Хорхордина Т.И. Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М., 2012.

Khorkhordina T.I. Gumanitarny universitet v Moskve: Istoriya idei. Moscow, 2012.

⁷ Хорхордина Т.И., Волкова Т.С. Российские архивы: История и современность: Учебник. М., 2012.

Khorkhordina T.I., Volkova T.S. Rossiyskie arkhivy: Istoriya i sovremennost: Uchebnik. Moscow, 2012.

⁸ Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли: Учебник. М., 2012.

Khorkhordina T.I. Istoriya arkhivovedcheskoy mysli: Uchebnik. Moscow, 2012.

⁹ Хорхордина Т.И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Россия, XX век: Советская историография. М., 1996. С. 191–215.

Khorkhordina T.I. Arkhivy v «Zazerkale»: arkhivovedcheskaya kultura totalitarnykh rezhimov // Rossiya, XX vek: Sovetskaya istoriografiya. Moscow, 1996. P. 191–215.

¹⁰ Хорхордина Т.И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 65–94.

Khorkhordina T.I. Khraniteli sekretnykh dokumentov // Rezhimnye lyudi v SSSR. Moscow, 2009. P. 65–94.

¹¹ Хорхордина Т.И. Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930 – 1991 гг.). М., 1997.

Khorkhordina T.I. Korni i krona: Shtrikhi k portretu Istoriko-arkhivnogo instituta (1930 – 1991 gg.). Moscow, 1997.

¹² Хорхордина Т.И. Открытие В.Н. Автократова (1922 – 1992) // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 3–20.

Khorkhordina T.I. Otkrytie V.N. Avtokratova (1922 – 1992) // Avtokratov V.N. Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya. Moscow, 2001. P. 3–20.

¹³ Хорхордина Т.И. От архивоведения к архивософии? (К постановке проблемы) // Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 33. М., 1996. С. 177–192.

Khorkhordina T.I. Ot arkhivovedeniya k arkhivosofii? (K postanovke problemy) // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta RGGU. Vol. 33. Moscow, 1996. P. 177–192.

¹⁴ Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945). М., 1969; Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989.

Maksakov V.V. Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR (1917 – 1945). Moscow, 1969; Samoshenko V.N. Istoriya arkhivnogo dela v dorevolutsionnoy Rossii. Moscow, 1989.

¹⁵ Шмидт С.О. Интервью // Аудитория РГГУ (Москва). 2010. Октябрь. № 64. С. 2.

Shmidt S.O. Intervyu // Auditoriya RGGU (Moscow). 2010. October. No. 64. P. 2.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

С.С. Ипполитов

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОМОЩЬ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЮ (1919 – 1920 гг.)

Организация и деятельность Российского общества Красного Креста на территории антибольшевистских государственных образований до настоящего времени, несмотря на повышенный интерес к истории Белого движения, остается изученной лишь в самом общем виде или фрагментарно¹. Между тем сохранившиеся документы его различных структур вполне позволяют раскрыть как его организацию и основные направления его работы, так и многие конкретные сюжеты. Особенно интересен и поучителен опыт его медико-санитарной помощи белым армиям и благотворительной деятельности в тылу, ибо в них сплелись многие ключевые аспекты истории антибольшевистской России: состояние тыловой экономики, эффективность работы государственного, особенно военного, аппарата, роль общественных организаций, материальное положение и политические настроения различных социальных групп и другие.

* * *

Российское общество Красного Креста (РОКК), под флагом которого была объединена практически вся помощь армии и благотворительная деятельность на территории Сибири и Дальнего Востока, контролирувавшейся антибольшевистскими правительствами, в середине 1919 г. представляло собой довольно стройную, разветвленную организацию.

На 25 января 1919 г. местные учреждения РОКК насчитывали три окружных управления Красного Креста – в Омске, Иркутске и Хабаровске, – 17 местных управлений, 30 комитетов Красного Креста, 9 комитетов общин сестер милосердия и 15 больниц и приемных покоев².

Сверх того в тылу каждой из армий (в городах, районах и армейских корпусах) работали районные уполномоченные. Так, в июне 1919 г. в

тыловом районе Западной армии генерала М.В. Ханжина работало 8 районных уполномоченных РОКК: С.Н. Постников, А.А. Люминарский, К.Л. Новицкий, М.П. Харкевич, графиня Е.Н. Толстая, В.А. Кочановский, Я.С. Кржисецкий, Д.А. Боратынский³.

Финансирование деятельности РОКК осуществлялось централизованно из бюджета Временного всероссийского (Омского) правительства адмирала А.В. Колчака. Сметы, полученные от уполномоченных Красного Креста в каждой армии, должны были быть предварительно утверждены соответствующим главным начальником снабжений. Эти сметы, дополненные Временным главным управлением (ВГУ) РОКК, сводились в единую смету, и эта последняя должна была пройти через комиссию при Финансово-законодательном совещании, а затем внесена военным министром в Совет министров⁴. На содержание администрации учреждений Красного Креста отчислялось 5 % с ассигнуемых правительством сумм⁵.

Красным Крестом изыскивались и иные статьи пополнения казны общества. В мае 1919 г. были внесены изменения в «Положение о кружечном сборе», и весь сбор начал поступать в распоряжение его местных учреждений и комитетов⁶. В сентябре 1919 г. рассматривалось предложение издателя Н.В. Ленге об участии РОКК в издании настольного «Сибирского календаря». От этого коммерческого мероприятия РОКК должен был подучить 10 % прибыли плюс бесплатные воззвания⁷. Заключались и более масштабные сделки. Так, в сентябре 1919 г. было принято постановление об организации заграничных закупок на валюту от продажи собранного в Сибири сырья⁸, в частности пушнины⁹.

Осложнение обстановки на фронте повлекло за собой и сложности в организации финансовой деятельности. 8 июля 1919 г. появились первые сведения о свертывании банка в Екатеринбурге, что поставило ВГУ перед необходимостью организации в связи с ним и снабжения Красного Креста деньгами посредством нарочных¹⁰. Чтобы избежать в дальнейшем подобных опасных ситуаций, решено было обеспечить финансовую стабильность РОКК путем образования в Иркутском отделении Государственного банка резервного фонда ВГУ в дополнение к текущему счету с начальным капиталом в 5 млн руб., который предполагалось в будущем довести до 20 млн руб.¹¹

* * *

Еще в январе 1919 г. состоялось слияние всех учреждений Земгора (Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского союза и союза городов), обслуживающих фронт, с аналогичными учреждениями РОКК. С этого момента все учреждения Земгора начали действовать под

флагом Красного Креста¹². 15 марта было принято постановление о размежевании деятельности Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, с одной стороны, и Красного Креста, с другой¹³. А 24 мая совещание члена ВГУ РОКК с председателем Тобольского губернского комитета Земгора о порядке деятельности организации Земского союза на фронте Сибирской армии так регламентировало из взаимоотношения:

«1. ...Официальным представителем Красного Креста в Штабе Армии является Особоуполномоченный Красного Креста, при котором по постановлению Земского Союза Главным управлением Красного Креста может быть назначен уполномоченный Земгора, который... является его ближайшим помощником и имеет особливую заботу об интересах Земгора.

2. Внутренняя организация Земгора автономна, почему назначения служащих, порядок управления учреждений и их отчетность производится на самостоятельных началах.

Средства, отпускаемые правительством на учреждения Земгора, отпускаются по сметам, составляемым по общим с Красным Крестом формам, нормам и штатам»¹⁴.

Правовой статус Земгора в составе РОКК был закреплен включением в положение о ВГУ пункта о введении в состав ВГУ представителей от Земгора, по два от Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, и по одному – от Отдела призрения МВД, от Совета торгово-промышленного съезда и от Совета Всероссийского союза кооперативов¹⁵.

После формального разграничения полномочий между Земгором и РОКК последний продолжал оставаться единственной дееспособной благотворительной организацией, осуществлявшей реальную помощь нуждавшимся в ней.

Объединительный процесс, начавшийся среди общественных организаций, был продолжен в апреле 1919 г. двумя приказами начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Д.А. Лебедева: об объединении всех организаций, работавших на фронте по оказанию помощи больным и раненым, под флагом Красного Креста¹⁶ и о праве главноуполномоченного РОКК при штабе верховного главнокомандующего распоряжаться всеми учреждениями и средствами, предоставлявшимися Красным Крестом, организациями Земгора и другими общественными и частными учреждениями и лицами в районе театра военных действий¹⁷.

Завершение этот процесс получил 16 июля, когда под флаг Красного Креста был принят Объединенный комитет общественных организаций¹⁸. В середине августа Главный комитет Всероссийского союза городов начал свою деятельность по обслуживанию армии¹⁹, а в сентябре к нему примкнули принятые под флаг Красного Креста организации Министер-

ства земледелия, обслуживавшие армию в санитарном и эвакуационном отношениях.²⁰

Летом 1919 г. Ставкой верховного главнокомандующего была проведена реорганизация всего фронтового управления. Российское общество Красного Креста как фактическая его часть также претерпело соответствующее реформирование. Эти преобразования были связаны, в частности, с назначением в июле 1919 г. на должность командующего Восточным фронтом и позже, в августе, начальником штаба верховного главнокомандующего и военным министром генерала М.К. Дитерихса.

Начало реформированию РОКК было положено телеграммой ВГУ от 20 июля о необходимости объединения деятельности учреждений Красного Креста на Восточном фронте и о назначении главноуполномоченного Красного Креста²¹. В июле все войска верховного правителя были реорганизованы в три армии, к каждой из которых в августе были приданы «особые особоуполномоченные» Красного Креста. На их должности были поставлены: при 1-й армии генерала А.Н. Пепеляева – Т.И. Соколов, при 2-й армии генерала Н.А. Лохвицкого – Д.А. Баратынский, при 3-й армии генерала К.В. Сахарова – В.Л. Миллер. При каждом корпусе назначался особоуполномоченный Красного Креста – в подчинение «особому особоуполномоченному» при соответствующей армии, в свою очередь подчиненным главноуполномоченному Красного Креста Восточного фронта князю Льву Львовичу Голицыну²².

20 августа 1919 г. приказом нового начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Дитерихса № 846 вся «территория государства» была разделена в отношении санитарной и эвакуационной служб на три части: «зону армии», «зону тыла фронта» и «зону тыла государства», разделенную в свою очередь на две части: внутренний район до Байкала и Дальневосточный район. Особым главноуполномоченным Красного Креста внутреннего района «зоны тыла государства», с представительством его при Ставке верховного главнокомандующего, стал князь Иван Анатольевич Куракин. Ему подчинялись все тыловые уполномоченные Красного Креста (городов, районов и т.д.). ВГУ по-прежнему осуществляло общее руководство всеми учреждениями Красного Креста как на фронте, так и в «зоне тыла государства»²³.

Само ВГУ также подверглось новому делению на отделы: кассы и отчетности, снабжения, мобилизационно-эвакуационный, местных учреждений, контрольный, военнопленных, медико-санитарный, канцелярию по общим делам и личного состава. Медико-санитарным отделом заведовал один из членов ВГУ²⁴. Председателем ВГУ РОКК в это время стал Михаил Львович Киндяков, сменивший на этом посту скончавшегося в Омске от тифа Александра Николаевича Шелашникова.

Кроме организаций и учреждений, входивших составными частями в РОКК, для выполнения временных или вспомогательных функций ВГУ создало несколько новых структур.

Так, в апреле 1919 г. было организовано Центральное справочное бюро о военнопленных²⁵.

В сентябре был учрежден Совет складов для координации деятельности и организации снабжения последних²⁶.

А при Центральном складе в Иркутске была создана Закупочная комиссия, включавшая двух представителей контроля: одного от Государственного контроля и одного от Контроля Красного Креста, а также с «включением местных деятелей Креста и сведущих людей»²⁷. Большим подарком для Закупочной комиссии стало постановление Омского правительства «Об использовании во Владивостоке товаров, материалов и предметов, принадлежащих казне, частным лицам и общественным учреждениям»²⁸, значительно расширившее ее материальную базу. В октябре ВГУ ходатайствовало перед правительством о распространении действия этого постановления на все товарные склады в Иркутске²⁹.

Для согласования работы отделов снабжения, мобилизационного и медико-санитарного 24 сентября была создана Мобилизационная комиссия³⁰.

В том же месяце при ВГУ был образован Комитет по сбору пожертвований³¹.

Оказывать помощь армии и населению РОКК приходилось в обстановке нарастающей хозяйственной разрухи, в частности свертывания производства и разрушения товарно-денежного обращения, и военно-политической нестабильности³². Закупочные экспедиции ВГУ, работавшие на российской территории и выезжавшие за рубеж, из-за стремительной инфляции, разгула спекуляции и острой нехватки денежных средств в своей казне не могли закупить всего необходимого. Соответственно, эти скудные закупки не могли обеспечить полноценную работу всех его учреждений. Поэтому к концу 1919 г. была создана и начала активно работать целая система небольших предприятий и мастерских, принадлежавших Красному Кресту. Занятые ремонтом инвентаря, производством мелких партий одежды, обуви и продовольствия, а также предметов медико-санитарного назначения, они отчасти удовлетворяли его потребности, позволяли и осуществлять медико-санитарную помощь действующей армии, и вести благотворительную деятельность в тылу.

Так, в августе ВГУ начало заниматься организацией изготовления в Восточной Сибири повозок и кроватей для учреждений Красного Креста³³. Тогда же было приобретено движимое имущество галетного завода³⁴, были организованы пимокатная³⁵, починная и никелировочная мастерские³⁶. 8

октября 1919 г. было принято решение об открытии на станции Иннокентьевская протезной мастерской при центральном складе Красного Креста³⁷. Был организован сбор лекарственных трав для медицинских учреждений Красного Креста³⁸, а также созданы мастерская по починке и изготовлению хирургических инструментов, мыловарня и формалиновый завод. Были открыты шорная³⁹, сапожная и портновская мастерские⁴⁰.

В медико-санитарном обслуживании армии и благотворительной деятельности в тылу учреждениям РОКК помогали пожертвованиями коммерческие и общественные организации. Банки и кооперативы, театры и дамские комитеты жертвовали ему деньги, вещи, заработки от концертов и свое время. Так, в марте 1919 г. Челябинским союзом кредитных и ссудосберегательных товариществ было пожертвовано 35 тыс. руб.⁴¹ 1 апреля было утверждено положение о Сибирском военно-благотворительном комитете имени верховного правителя адмирала Колчака⁴². Через несколько дней, 5 апреля, при ВГУ был организован Дамский комитет для сбора пожертвований⁴³. 24 апреля был устроен благотворительный спектакль, сбор от которого передан на оборудование госпиталя-парохода Красного Креста⁴⁴.

В июле для объединения и координации деятельности было созвано общее собрание представителей организаций, входивших в Комитет помощи воинам. Ранее избранная комиссия выработала положение об Объединенном комитете общественных организаций помощи воинам⁴⁵. В августе сенаторы 1-го департамента Сената выразили желание принять участие в работах Красного Креста без вознаграждения⁴⁶. Тогда же был создан женский добровольческий отряд из интеллигенции, во главе с графиней Ланской, в количестве свыше 900 человек, предложивший Красному Кресту использовать его для несения санитарной службы⁴⁷. В сентябре был образован Комитет по устройству и обслуживанию лазарета Министерства путей сообщения и Омской железной дороги для больных и раненых воинов⁴⁸. В Иркутске общественными организациями было организовано три питательных пункта⁴⁹. А Ишимская уездная земская управа приступила к формированию под флагом Красного Креста санитарного поезда имени Ишимского уездного земства⁵⁰.

Собственная производственная деятельность не позволила ВГУ РОКК в Сибири полностью перейти на самообеспечение, однако созданные им «малые предприятия» сыграли свою роль в помощи армии и населению.

* * *

В механизме власти верховного правителя Колчака ВГУ РОКК занимало значительное место. Его представители входили в ряд правитель-

ственных учреждений, которые в свою очередь периодически командировали в ВГУ своих служащих для организации совместной работы.

Так, было организовано общее врачебно-санитарное «наблюдение» на железных дорогах⁵¹. 23 июля 1919 г. начало работу межведомственное совещание при участии Красного Креста и в составе представителей от Министерств иностранных дел, внутренних дел, путей сообщения, снабжения и продовольствия, земледелия, а также Главного военно-санитарного управления, полевого санитарного инспектора, начальника военных сообщений, Всероссийского земского союза, Всероссийского союз городов, Совета кооперативов и Комитета общественных организаций⁵².

28 июля 1919 г. два представителя от ВГУ РОКК – М.Л. Киндяков и Н.И. Иванов – были посланы на совещание Высшего совета в здании Морского министерства⁵³.

Представитель Красного Креста входил также в межведомственный совет при особоуполномоченном Министерства снабжения и продовольствия во Владивостоке по закупке предметов медицинского снабжения⁵⁴ и в межведомственную валютную комиссию⁵⁵.

* * *

В ноябре 1919 г., в связи с начавшейся эвакуацией, все учреждения и должностные лица Красного Креста от линии фронта до Иннокентьевской, находившиеся в непосредственном ведении ВГУ, а также склад ВГУ в Новониколаевске были подчинены главноуполномоченному Красного Креста внутреннего района князю И.А. Куракину⁵⁶. В его ведение власти передали и некоторые вопросы эвакуации. Для ее проведения и для распределения помещений под лечебные заведения в Иркутске был организован особый Эвакуационно-распределительный комитет⁵⁷.

В январе 1920 г. было предпринято реформирование структуры ВГУ РОКК, вызванное вынужденным сокращением штатов и стремлением сохранить работоспособность организации в условиях разрушения власти Омского правительства.

В январе 1920 г., при передаче власти от Политического центра Иркутскому ВРК, Народный комиссариат здравоохранения РСФСР потребовал передать все учреждения Красного Креста мирного и военного времени в его ведение через ликвидационную комиссию⁵⁸. Штаты ее разрабатывалась распорядительным отделом ВГУ⁵⁹.

31 января исполнительная комиссия ВГУ предприняла последнюю попытку самостоятельно распорядиться своим имуществом, передав Иркутскому университету часть оборудования и имущества Красного

Креста⁶⁰. Но Наркомздрав отменил это решение, пригрозив ВГУ военно-революционным судом⁶¹.

* * *

Особое место в истории взаимоотношений РОКК и Омского правительства занимает военно-санитарное дело, медико-санитарное обслуживание армии. Противоречия и конфликты между ВГУ РОКК и Главным военно-санитарным управлением Военного министерства, которое в 1919 г. возглавлял действительный статский советник, доктор медицины Иван Осипович Лобасов⁶², приобретали иногда довольно острый характер. И вряд ли они объяснимы причинами чисто практическими, хотя и такие иногда возникали.

Так, в апреле 1919 г. уполномоченный Красного Креста Бабинцев сетовал на невозможность погрузить санитарный поезд № 104 из-за загруженности его Главным военно-санитарным управлением и требовал в связи с этим именовать грузы Красного Креста грузами санитарного ведомства⁶³.

Но истинные причины были, видимо, глубже.

Скорее всего, у старших чинов военно-санитарного ведомства существовала своеобразная ревность к Красному Кресту, вызванная авторитетом и популярностью последнего как в России, так и за рубежом, его лучшей организованностью и эффективностью работы. Более того, к осени 1919 г. центр тяжести в медико-санитарном обслуживании армии переместился к Красному Кресту. Все большая часть больных, подведомственных военно-медицинской администрации, начала размещаться в учреждениях РОКК. В августе 1919 г. даже встал вопрос об установлении размеров платы за лечение больных военнослужащих в гражданских лечебных заведениях⁶⁴, а в сентябре санитарная помощь в лагерях военнопленных из ведения военно-санитарного ведомства перешла в ведение Красного Креста⁶⁵.

В этом противоборстве со стороны военно-санитарного ведомства дело доходило до фальсификаций и подтасовки фактов. В очерке деятельности РОКК Миллер отмечал, что «где только это было возможно, военно-санитарная часть, под несомненным влиянием своего прямого и непосредственного начальника, всячески старалась... если не навредить, то, во всяком случае, умалить в глазах командного состава армии... качественную работу краснокрестных учреждений»⁶⁶.

В августе 1919 г. во время боев в районе Челябинска на станции Курган Голицыным был развернут госпиталь № 11 Красного Креста, когда от этого города все учреждения военно-санитарного ведомства уже отошли.

За пять последующих суток, по докладу Голицына, его персоналом было вынесено с поля боя и эвакуировано 14 тыс. раненых и тифозных больных. Однако начальник головного эвакуационного пункта военно-санитарной части 3-й армии в рапорте на имя начальника санитарной части (по всей вероятности, начальника военно-санитарного управления Курганского военного округа статского советника доктора медицины Сурова⁶⁷) отметил «слабую пропускную силу и инертность» в работе, проявленную медицинским персоналом 11-го госпиталя Красного Креста⁶⁸. Справедливости ради отметим: названное в докладе Голицына число раненых и тифозных больных – 14 тыс. – скорее всего является завышенным. Существуют иные, более приближенные к реальным, подсчеты потерь 3-й армии в период боев за Челябинск: 4,5 тыс. убитыми и ранеными и 8 тыс. пленными⁶⁹.

Противоречия между Красным Крестом и военно-санитарным ведомством, делавшими в сущности одно дело, не были неразрешимыми. Тем более что отчасти они лежали еще и в сфере взаимоотношений руководителей. Поэтому в ноябре, когда начальником военно-санитарной части 3-й (бывшей Западной) армии был назначен хирург А.Э. Рауэр, бывший работник Красного Креста, отношения быстро наладились⁷⁰.

Более того, ВГУ, до сего момента тщательно поддерживавшее и подчеркивавшее, несмотря на правительственные дотации, самостоятельность военно-санитарной деятельности РОКК, в декабре 1919 г. в письме председателю Совета министров В.Н. Пепеляеву констатировало «подсобность» и «самоподчиненность» военно-санитарному ведомству в деле помощи армии⁷¹, тем самым признав окончательное объединение их усилий.

* * *

Таким образом, Российское общество Красного Креста за полтора года своей деятельности на территории Сибири и Дальнего Востока сумело не только восстановить свою структуру, наладить связь с оставшимися местными учреждениями и создать новые, но и эффективно выполнять свою основную задачу в крайне неблагоприятных условиях экономической разрухи и военно-политической нестабильности. При этом оно сумело объединить под своим началом структуры практически всех российских общественных организаций на территории Сибири и Дальнего Востока, так или иначе занимавшихся помощью армии и благотворительностью.

Временное главное управление РОКК, будучи основным преемником старой организации Красного Креста, не только юридически, но и действительно сумело доказать эту преемственность. При этом оно стало весьма важным элементом механизма власти и управления Омского правительства адмирала Колчака.

Организации российской благотворительности превратились на антибольшевистской территории Сибири и Дальнего Востока в составную часть государственного аппарата, дополняя, дублируя или полностью замещая деятельность некоторых учреждений. Омское правительство Колчака, со своей стороны, взяв на себя финансирование РОКК, стремилось подчинить всю деятельность благотворительных организаций «государственным» задачам. Возникающее здесь противоречие с определением понятия «благотворительность», на наш взгляд, не носит принципиального характера. Оказание медицинской и санитарной помощи армии в условиях Гражданской войны не могло осуществляться на «добровольных» и «независимых» началах, однако сама природа российских благотворительных организаций от этого вынужденного подчинения не изменилась.

Примечания

¹ *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 238–242.

Ippolitov S.S., Golotik S.I. Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta (1917 – 30-e gg.) // Novy istorichesky vestnik. 2001. No. 2 (4). P. 238–242.

² ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 56, 61.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 1845. Op. 1. D. 6. L. 1, 56, 61.

³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 179. Л. 63–64.

Russian State Military Archive (RGVA). F. 39624. Op. 1. D. 179. L. 63–64.

⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 86.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 6. L. 86.

⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 21.

⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 43.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 13. L. 43.

⁷ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–31.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 8. L. 30–31.

⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 10. L. 1.

⁹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 37. Л. 46.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 37. L. 46.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 39.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 399.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 13. L. 399.

¹² Там же. Л. 117.

Ibidem. L. 117.

¹³ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 37.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 35. L. 37.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 140.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 140.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 1. L. 18.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 18. L. 30.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 39. Л. 70; Д. 6. Л. 123.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 39. L. 70; D. 6. L. 123.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 102. L. 2.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 53.

²⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 480.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 480.

²¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 62.

²² ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 13. L. 6.

²³ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 422; Д. 13. Л. 6.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 422; D. 13. L. 6.

²⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 88.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 88.

²⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 39. Л. 67.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 39. L. 67.

²⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 478.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 478.

²⁷ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 163.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 163.

²⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 399.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 8. L. 399.

²⁹ Там же. Л. 397.
Ibidem. L. 397.

³⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 168.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 168.

³¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 43. L. 6.

³² Карпенко С.В. Белое движение: экономика, политика и стратегия // Гражданская война в России, 1917 – 1922. М., 2006. С. 395–401; Косолин В.Г. «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки в «белой» Сибири (1918 – 1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). С. 94–104.
Karpenko S.V. Beloe dvizhenie: ekonomika, politika i strategiya // Grazhdanskaya voyna v Rossii, 1917 – 1922. Moscow, 2006. P. 395–401; Kosolin V.G. «Ot mala do velika spekuliruyut na chem tolko vozmozhno»: gorodskie rynki v «beloy» Sibiri (1918 – 1919 gg.) // Novy istorichesky vestnik. 2012. No. 3(33). P. 94–104.

³³ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 180.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 180.

³⁴ Там же. Л. 193.
Ibidem. L. 193.

³⁵ Там же. Л. 421.
Ibidem. L. 421.

³⁶ Там же. Л. 439.
Ibidem. L. 439.

³⁷ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 112. L. 9.

³⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 111.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 6. L. 111.

³⁹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 77. Л. 197.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 77. L. 197.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 112. Л. 18.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 112. L. 18.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 153. Л. 44.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 153. L. 44.

⁴² ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 52. L. 2.

⁴³ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 113.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 6. L. 113.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 13. L. 42.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 44.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 253; Д. 12. Л. 94.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 253; D. 12. L. 94.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 14. L. 34.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 387.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 7. L. 387.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 37; Д. 7. Л. 376.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 14. L. 37; D. 7. L. 376.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 54; Д. 7. Л. 399.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 14. L. 54; D. 7. L. 399.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 88.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 62. L. 88.

⁵² ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 12. L. 64.

⁵³ Там же. Л. 66.
Ibidem. L. 66.

⁵⁴ Там же. Л. 77.
Ibidem. L. 77.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 147. Л. 23.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 147. L. 23.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 427.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 8. L. 427.

⁵⁷ Там же. Л. 440.
Ibidem. L. 440.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 147. Л. 155.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 147. L. 155.

⁵⁹ Там же. Л. 147.
Ibidem. L. 147.

⁶⁰ Там же. Л. 155.
Ibidem. L. 155.

⁶¹ Там же. Л. 168.
Ibidem. L. 168.

⁶² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 10. Л. 107.
RGVA. F. 39466. Op. 1. D. 10. L. 107.

⁶³ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 9. Д. 39. Л. 70.

А.С. Усачев

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ЖУРНАЛЫ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПО ИСТОРИИ РОССИИ*

Недавно ушедший 2012-й – Год российской истории – дает повод поразмышлять над проблемой, взволновавшей в последние годы умы российских администраторов, от образования и науки, самых различных уровней. А именно – проблемой оценки результативности труда отечественных историков, в первую очередь специалистов по истории России, составляющих подавляющее большинство в профессиональной корпорации.

Учитывая всевозрастающий интерес к наукометрическим методам в подобных оценках, именно на них мы и сосредоточимся. Особое внимание уделим зарубежной экспертизе результатов исследований российских ученых, отраженной в виде их публикаций в ведущих зарубежных изданиях. И поищем ответ на вопрос: в какой мере данный метод оценки труда отечественного историка-русиста позволяет определить его качество?

Контекст проблемы

Приступая к поискам ответа на этот вопрос, прежде всего обратимся к общеизвестным и тесно связанным друг с другом обстоятельствам, которые во многом определяют ситуацию с оценкой труда как историков, так и представителей других специальностей.

Первое связано с заметным – как уже состоявшимся, так и планируемым – повышением затрат на науку (вопрос о принципах и степени эффективности распределения этих средств заслуживает особой статьи). Это, в частности, проявилось в запуске многомиллиардной Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», в четырехкратном увеличении размера грантов президента России молодым ученым (с 2009 г.) и в ряде других мероприятий. В условиях увеличения числа и размера грантов и государственных контрактов при их распределении потребовалось опереться на

* Статья подготовлена при поддержке гранта президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (проект № МД-209.2012.6).

- GA RF. F. 1845. Op. 9. D. 39. L. 70.
⁶⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 349.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 62. L. 349.
⁶⁵ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 131.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 14. L. 131.
⁶⁶ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 177. Л. 21.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 177. L. 21.
⁶⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 94. Л. 10–11.
RGVA. F. 39624. Op. 1. D. 94. L. 10–11.
⁶⁸ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 177. Л. 22.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 177. L. 22.
⁶⁹ *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. № 11.
С. 83.
Sanchuk P. Chelyabinskaya operatsiya letom 1919 g. // Voyna i revolyutsiya. 1930. No. 11. P. 83.
⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 177. Л. 25.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 177. L. 25.
⁷¹ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 98. Л. 186.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 98. L. 186.

относительно формализованные и «объективные» данные экспертизы. При этом особое внимание стало уделяться международной экспертизе, которая была признана более качественной.

Другим важным обстоятельством является провозглашенный на высшем уровне курс на увеличение российского сегмента науки в мировой. В качестве самого простого, а главное «осязаемого» и измеряемого, критерия подобного роста были избраны предельно формальные наукометрические показатели: число статей авторов, представляющих российские научные центры, опубликованных в зарубежных (главным образом, англоязычных) журналах, индексируемых международными библиографическими базами данных (в первую очередь Web of Science и Scopus), которые «измеряют» индексы цитирования.

Внимание к данным наукометрическим показателям подогревает и факт крайне низкого места российских вузов в международных рейтингах ведущих университетов мира: общеизвестно, что число статей российских авторов в международных индексах цитирования является одним из ключевых показателей, определивших невысокие баллы, набранные российскими вузами¹.

В целях исправления ситуации были определены вполне конкретные сроки и показатели, на которые должны выйти российские научно-образовательные организации. В законченном виде они зафиксированы в указе президента России от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Согласно этому указу, к 2020 г. не менее 5-ти российских вузов должны войти в сотню ведущих университетов мира; к 2015 г. число публикаций российских авторов в «мировых научных журналах», индексируемых в базе данных Web of Science, должно возрасти до 2,44 % (тематика статей в указе специально не оговаривается)² (здесь и далее ссылки на Интернет-страницы даны по состоянию на 16 января 2013 г.).

Стремясь обеспечить достижение этих показателей в указанные сроки, Министерство образования и науки Российской Федерации, как известно, «спустило» свои весьма настоятельные рекомендации подведомственным ему вузам, независимо от их профиля, увеличить число публикаций в ведущих зарубежных изданиях, связав эти показатели с определением статуса учреждения, прохождением аккредитации, выделением дополнительного финансирования и т.д. В силу того что в указе президента России от 7 мая 2012 г. не оговариваются области знаний, по которым должны быть опубликованы статьи российских авторов в журналах, включенных в Web of Science, а проведение соответствующей экспертизы представляет длительный и сложный процесс, администраторы пошли по пути наименьшего сопротивления: требование соответствующих публикаций «механически» адресуются всем российским ученым, как естественнонаучного и технического профиля, так и гуманитарного.

В подобной ситуации руководство ведущих российских вузов, заинтересованное в росте научных показателей своих учреждений, изыскивает возможности для стимулирования своих сотрудников. Так, на официальных сайтах ряда вузов наряду со списками рекомендуемых к публикации зарубежных журналов представлен и перечень соответствующих материальных благ. Например, в МГИМО за факт публикации статьи в журнале, входящем в ведущие зарубежные базы данных, выплачивается очень значительная для вузовского преподавателя разовая премия – 150 тыс. руб.³ Публикации в зарубежных изданиях являются основанием для выплаты весьма существенных ежемесячных надбавок и в НИУ ВШЭ, составляющих от 20 до 40 тыс. руб. в течении 2–3-х лет⁴. Определенные надбавки за соответствующие показатели выплачиваются также и в других вузах (их формы и размер существенно различаются).

Независимо от размера стимулирующих выплат, их объединяет одно: публикации в ведущих зарубежных изданиях, индексируемых Web of Science и Scopus, давая больше «баллов» их авторам, оцениваются выше, чем статьи в российских изданиях (в том числе и в «толстых» академических журналах из Перечня ВАК), не входящих в соответствующие индексы. Иными словами, судя по настойчивым требованиям публикаций именно в зарубежных изданиях и порой весьма значительным «бонусам» их авторам, можно констатировать, что *de facto* по своему научному уровню российскими чиновниками они были признаны в качестве журналов «первого сорта», которые по своему научному уровню выше российских аналогов. Очевидно, что в подобной ситуации перспектива публикаций именно в журналах, входящих в Web of Science и Scopus, для российских авторов должна выглядеть весьма заманчиво.

Эта радующая глаз сторонников интернационализации российской науки картина, однако, омрачается одним обстоятельством: российские гуманитарии в целом по каким-то им одним ведомым причинам не спешат наращивать свои показатели в международных индексах цитирования, крайне редко публикуясь в соответствующих изданиях. На весьма представительном материале фиксируя этот столь прискорбный для сторонников наукометрии факт, авторы работ, специально посвященных данной проблеме, оставляют в тени вопрос об эффективности оценки работы российских гуманитариев (прежде всего, историков), работающих по «национальным» темам, с помощью международных индексов цитирования⁵.

Попытаемся восполнить этот пробел.

Некоторые особенности исследований «физиков» и «лириков»

В настоящее время вряд ли стоит сомневаться в международном характере естественных и технических наук. Очевидно, что на результаты

опытов и экспериментов, проводимых химиками, биологами или физиками США, Великобритании, России, Франции, Японии или Германии едва ли скажется место их проведения. Вряд ли какие-либо элементы системы Д.И. Менделеева в лабораторных условиях будут по-разному взаимодействовать во Франции или в Японии. Полученные результаты, независимо от состава участников экспериментов (их пола, национальности, гражданства и т.д.) или места расположения научного центра, в котором они проводились, будут в равной мере востребованы специалистами в различных странах (по крайней мере, в тех, в которых ведутся исследования в данных областях). Соответственно, публикации результатов этих исследований будут в равной мере интересны специалистам, живущим и работающим в Великобритании, Франции, США, Японии, России, Германии и других странах.

Вероятно, в подобной ситуации их статьи в международных (главным образом, англоязычных) изданиях имеют практический смысл, делая результаты исследований известными максимально широкому кругу заинтересованных в них ученых. И соответственно, публикации как российских, так и представляющих другие страны авторов в ведущих международных изданиях в той или иной мере отражают вклад российской и любой другой науки в основные направления исследований в естественных и технических науках.

Специфической чертой ряда гуманитарных наук – в первую очередь истории и филологии – является их «национальный» характер. Специалисты, как правило, «привязаны» к той или иной стране: если результаты исследований физика или химика слабо зависят от места их проведения (на них сказывается главным образом уровень технического оснащения научного центра и квалификации его сотрудников), то в случае с исследованиями по российской, английской, французской, китайской и т.д. истории и культуре ситуация принципиально иная. Она определяется в первую очередь тем, что основными (хотя и не единственными) читателями научных трудов по истории, литературе, культуре, философии и т.д. той или иной страны будут ее граждане (Это, конечно, не относится к истории древних цивилизаций – главным образом, Древнего Востока и Античности, а также Византии, – исследования которых в целом носят международный характер). Этот несомненный факт и определяет то, что центр изучения истории и культуры той или иной страны будет в ней и находиться. В ней же будут работать ведущие специалисты, там же будут издаваться и ведущие периодические издания по соответствующей тематике. Вряд ли кто-либо всерьез будет спорить с тем, что главными центрами изучения истории и культуры США, Франции, Великобритании, Германии являются научные и научно-образовательные организации соответственно США, Франции, Великобритании, Германии.

Судя по «спускаемым» сверху гуманитариям весьма настойчивым пожеланиям печататься именно в зарубежных изданиях, эта, казалось бы, очевидная истина по умолчанию отрицается. Публикации отечественных авторов, работающих в главном центре изучения русской истории, культуре и т.д. – в России – рассматриваются как публикации второго сорта, несоответствующие общемировым стандартам качества.

Российские журналы по гуманитарным наукам и международные индексы цитирования

Нам могут возразить: наиболее авторитетные российские издания по гуманитарному профилю в Web of Science и Scopus представлены (собственно эти журналы и дают «львиную долю» – от 40 до 80 % по разным специальностям – публикаций и цитирований российских авторов-гуманитариев в Web of Science⁶). Это действительно так. При этом, однако, позволим себе обратить внимание на один нюанс: на количество российских изданий гуманитарного профиля в Web of Science. (Здесь и далее особое внимание будет уделено именно этой базе данных: во-первых, публикациям в ней придается особое значение, и в указе от 7 мая 2012 г. речь идет о необходимости повышения показателей в журналах индексируемых именно в Web of Science; во-вторых, в ней возможна фильтрация журналов по областям знаний, существенно облегчающая работу с ней; в-третьих, в настоящее время Web of Science является основой для наукометрических исследований, а материал Scopus и других баз данных в российских исследованиях последних лет носит вспомогательный характер⁷).

В тематических рубриках Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) учтено 265 российских периодических издания исторического профиля, 633 – экономического, 255 – социологического и 203 – философского⁸ (в ряде случаев, издания в различных группах совпадают; данные приводим на 16 января 2013 г.). Сколько из них индексирует Web of Science? В этой базе данных учтены: 2 российских журнала исторического профиля («Вопросы истории», «Российская история»), 1 журнал по философии («Вопросы философии»), 0 по экономике, 1 по социологии («Социологические исследования»).

Чтобы составить более полное представление о степени репрезентативности выборки российских журналов, представленной в Web of Science, приведем данные и о периодических изданиях англоязычных стран (подсчеты выполнены И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым): Web of Science индексирует 76 американских и 49 британских журналов по истории, 32 и 26 соответственно по философии, 66 и 87 по экономике, 45 и 39 по социологии⁹. Очевидно, что при подобном соотношении трудно не поддаться искушению соотнести науку англоязычных стран с мировой, при этом более чем скромно оценив место ее российского сегмента.

Неудивительно, что Web of Science даже по самым оптимистичным подсчетам отражает лишь до 10 % российских публикаций (естественнонаучного, технического и гуманитарного профиля), что на 2011 г. составляет лишь 2,12 % от общего объема публикаций в этой базе данных. В общественных науках этот процент существенно ниже – в 2007–2011 гг. число статей российских гуманитариев в Web of Science составляло около 0,95 % от общего числа российских публикаций (то есть было примерно в 5 раз ниже общего процента публикаций гуманитариев в Web of Science)¹⁰.

В настоящее время вряд ли может быть по-другому: как было показано выше, на фоне сотен англоязычных журналов по гуманитарному профилю в Web of Science из многих сотен российских журналов представлены единицы, которые «закрывают» не все области знаний. Остальные издания, которые не вошли в их число, по умолчанию не относятся к ведущим международным изданиям. По крайней мере, в качестве таковых они рассматриваются российскими официальными инстанциями, оценивающими научный вклад российских исследователей.

Парадоксально, но факт: если следовать этой логике, придется констатировать, что к числу ведущих научных изданий по истории России не относятся «Отечественные архивы», «Исторический архив», «Российская археология», «Исторические записки», «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», «Славяноведение», соответствующие серии «Вестников» МГУ и СПбГУ и других ведущих российских вузов. Учитывая, что Web of Science индексирует лишь 2 российских журнала филологического профиля («Новый мир» и «Русская литература») из нескольких сотен (в РИНЦ учтено 340 российских периодических изданий филологического профиля – 141 по литературоведению и 199 по языкознанию; в ряде случаев издания в этих двух группах совпадают), «второсортными» изданиями по русской литературе оказываются «Вопросы литературы», «Вопросы языкознания», «Труды Отдела древнерусской литературы» ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), «Известия РАН. Серия литературы и языка», «Литературное наследство», «Гуманитарные науки в Сибири», а также филологические серии «Вестников» ведущих российских вузов.

Здесь надо сразу оговориться: речь идет не об оценке научного уровня этих изданий зарубежными специалистами, проблема признания высокого научного уровня этих изданий зарубежными коллегами как раз не стоит. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на многочисленные ссылки зарубежных славистов на статьи, опубликованные в этих изданиях (они без труда выявляются в соответствующих изданиях, индексируемых Web of Science). Отрицательное решение вопроса о включении изданий в соответствующие индексы цитирования, строго говоря, свидетельствует не о низкой оценке их научного уровня, а об их несоответствии либо формальным параметрам, либо информационным запросам основной массы владельцев и пользователей Web of Science или Scopus. В данном случае

речь идет о механическом переносе российскими чиновниками представлений о публикациях в международных изданиях как о важнейшем механизме представления научных результатов из естественных и технических областей знания в гуманитарные. В итоге мы получаем следующий результат: судя по настоятельным требованиям публикаций российских авторов именно в изданиях, индексируемых Web of Science или Scopus (главным образом, англоязычных), российские официальные лица прямо констатируют, что центр изучения истории и культуры России находится не в России, где за редким исключением издаются «второсортные» журналы, а в тех странах, в которых выходят в свет издания по славистике, включенные в международные индексы цитирования.

Однако если отбросить нравственный аспект проблемы, признание «второсортного» статуса подавляющего большинства отечественных журналов по русике по сравнению с зарубежными – на фоне настоячивых пожеланий российских администраторов (в ряде случаев, как было показано выше, подкрепленных вполне ощутимыми материальными стимулами) – остается непонятным: если в Web of Science и Scopus мало российских изданий, то почему наши гуманитарии крайне редко публикуются в зарубежных?

Предлагая свой вариант ответа на этот вопрос, А.В. Полетаев отмечает: «...Во многом это объясняется тем, что наши ученые недостаточно хорошо владеют иностранными языками, а в гуманитарных дисциплинах, в отличие от естественнонаучных, принято писать хорошо, выразительно. Людей, которые на таком уровне владеют иностранным языком, у нас, конечно, единицы. Потенциально их число могли бы пополнить те, кто учился и работал на Западе, а потом вернулся в Россию. Но таких, к сожалению, практически нет. Плюс ко всему, в гуманитарных науках необходимо преодолевать этакий обоюдный снобизм, оставшийся еще с советских времен. На Западе русисты считают, что мы тут ничего не понимаем, а наши гуманитарии думают, что совершенно несущественно, что они там про нас пишут, потому что они ничего про нас не знают»¹¹.

Признавая справедливость данных замечаний, вместе с тем позволим себе усомниться в том, что в данном случае уровень языковой подготовки российских авторов и их литературные дарования имеют ключевое значение. Нам представляется, что дело здесь скорее в ином.

Приведем соответствующие сведения о некоторых журналах индексируемых Web of Science (полнотекстовые версии большинства из них есть в базе данных Jstor, доступом к которой располагают библиотеки ведущих российских вузов).

Некоторые особенности зарубежных журналов исторического профиля

Уже 40 лет (с 1972 г.) издается достаточно авторитетный англоязычный журнал «Sixteenth Century Journal». За время существования этого журнала там были опубликованы сотни статей по истории Англии, Франции, Испании, Германии, Италии, Османской империи и ряда других стран. Однако в этом издании нет ни одной (!) статьи, специально посвященной истории России в XVI в. И это при том что она в этот период являлась весьма заметным «игроком» на международной арене: достаточно вспомнить растянувшиеся почти на все XVI столетие весьма настойчивые попытки Габсбургов и папского престола привлечь русского государя к антитурецкой коалиции.

Отсмотрев оглавление наиболее авторитетного международного издания по средневековой истории – «Speculum» – за 2010–2012 гг., нам не удалось обнаружить в нем статей, специально посвященных российской истории.

Чуть менее контрастна, но тоже показательна ситуация с некоторыми другими изданиями исторического профиля.

Так, интерес другого англоязычного журнала – «Eighteenth-Century Studies» – к российской истории также трудно признать чрезмерным: если за 2010–2012 гг. в нем были опубликованы десятки статей объемом до 28 страниц по истории Франции, Испании, стран Нового Света, то внимание к России ограничено 3-мя аннотированными обзорами литературы по 2–3 страницы каждый (их авторами являются представители зарубежных научных центров)¹². Вряд ли стоит специально разъяснять читателю, что в это столетие (особенно в период правления Екатерины II) Россия играла одну из главных «партий» в европейском «концерте».

В ведущем издании по истории раннего Нового времени – «Journal of Early Modern History» (индексируется Scopus) – за последние три года (2010–2012 гг.) были опубликованы 2 статьи, специально посвященные российской истории, их авторы представляют зарубежные научные центры¹³.

Излишне говорить, что статей российских авторов по истории Франции, Германии, Испании и т.д. в этих журналах нет, как нет и россиян в их редакционных коллективах.

Вряд ли в приведенных выше фактах стоит усматривать свидетельства существования какого-либо «заговора» против российской исторической науки или России в целом. Очевидно, дело здесь в другом: потенциальных читателей и, соответственно, членов редакционных коллективов этих и иных изданий в первую очередь интересует история «сво-

их» стран и народов; история «иных», «чужих» (в том числе и России) их интересует заметно меньше. В тех редких случаях, когда статьи по соответствующей тематике публикуются, речь, как правило, идет о представителях зарубежной славистики, способных подать материал в форме максимально приближенной к информационным потребностям «своего» потенциального читателя.

Адресат этих изданий определяет некоторые особенности зарубежных публикаций по русской истории и культуре. Так, результатом адаптирования российского исторического материала для зарубежного читателя становится большое внимание, уделяемое общей характеристике событийного полотна той или иной эпохи, которая в ряде случаев придает публикациям обзорный характер. Прямым следствием принимаемого подавляющим большинством авторов и читателей отождествления мировой науки с наукой англоязычных стран является то, что в значительном числе случаев ссылки в работах следуют на публикации зарубежных славистов, цитаты из источников приводятся по зарубежным изданиям (разумеется, в случае их наличия). Нередко эти особенности приводят к игнорированию или повтору без ссылок точек зрения российских исследователей.

Последнее, кстати, характерно не только для славистических исследований. Так, описывая ход обсуждения на одной из зарубежных конференций по истории античного романа, Н.В. Брагинская отмечает: «...В дискуссии я сказала, что положение о восточной родине романа, о мифологической парадигме, стоящей позади его сюжета... и многое другое – все это было высказано около 90 лет тому назад. Зал охнул. Но когда я добавила, что работа написана по-русски, все успокоилось. Статья об идеях Фрейденаберг, даже опубликованная по-английски и доступная в сетевом журнале, через восемь лет после доклада в Гронингене не была прочитана». Это дало основания исследовательнице заключить, что «если какая-то идея высказана русским исследователем, особенно по-русски, ее допустимо игнорировать. Нельзя игнорировать иное – высказываний влиятельного члена западного сообщества по поводу каких-либо русских исследователей»¹⁴.

Очевидно, что публикации статей в зарубежных изданиях в подавляющем большинстве случаев сопряжена с принятием этих «правил игры» (или какой-то их части), правил, которые значительное число российских историков, независимо от их уровня владения иностранными языками и литературных дарований, принять не готова.

К этому следует добавить и целый ряд формальных требований, которые существенно осложняют подготовку публикации российским автором. Так, делаясь собственным опытом публикации статьи в зарубежном журнале, А.В. Полетаев, будучи безусловным сторонником международных публикаций отечественных гуманитариев, отмечает: «Некоторые наши ученые просто не хотят напрягаться, ведь публикация научной статьи в престижном зарубежном издании это очень длительный и трудоемкий

процесс. Например, на то, чтобы в одном из зарубежных научных журналов была напечатана моя последняя статья, я потратил два года и успел прокричать все на свете»¹⁵.

Выше речь шла в основном об изданиях, специально не посвященных истории России и Восточной Европы в целом. А как ситуация обстоит с ними: занимают ли статьи российских авторов заметное место в зарубежных журналах, специально посвященных российской и восточноевропейской истории?

В мире существует целый ряд подобных изданий. Характеризуя их, зафиксируем две их особенности.

Прежде всего, обратим внимание на очевидный факт: издания по славистике занимают явно периферийное место среди изданий исторического профиля, представленных в Web of Science. Так, из 221-го журнала исторического профиля Восточной Европе посвящено лишь 8, а доминируют издания по истории США – 33¹⁶. При этом ряд достаточно авторитетных зарубежных славистических изданий – «Revue des études slaves», «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte», «Palaeoslavica», «Journal of Modern Russian History and Historiography» и некоторых других – в Web of Science (и Scopus) не включены и не индексируются.

Второе важное замечание связано со спецификой соотношения двух величин: состав редакционных коллегий и состав авторов опубликованных материалов. Связь этих двух величин очевидна. Оставляя за скобками вопрос о возможности «лоббирования» членами редакционных коллегий «своих» авторов, отметим лишь несомненный факт: публикация статьи автора, другие работы которого известны рецензентам, представляется более вероятной, нежели публикация материалов малоизвестных или неизвестных им вовсе исследователей.

Для полноты картины приведем некоторые сведения о наиболее авторитетных зарубежных славистических журналах, входящих в международные индексы цитирования (источником соответствующих сведений служили официальные сайты данных изданий). Но прежде сделаем две необходимые оговорки.

Первая связана с составом учтенных нами публикаций: ниже сведения приводятся только о статьях, нами не учитываются предисловия редакторов, некрологи, рецензии и т.д. Последние в силу своего объема и в подавляющем большинстве случаев справочно-информационного характера сообщаемой информации трудно рассматривать в качестве публикаций, в полной мере отражающих итоги научных исследований их авторов. Поскольку в индексируемом Web of Science журнале «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History» (в данном журнале из 21-го члена редакционной коллегии россиян 3) публикуются почти исключительно обзорно-аналитические материалы (главным образом, развернутые рецензии как российских, так и зарубежных авторов на издания по России), сведения о данном журнале ниже приводиться не будут.

Вторая важная оговорка связана с хронологией учитываемых статей: ниже данные приводятся лишь за ушедший 2012-й г. Этот год нами избран по следующим причинам. Во-первых, сведения о публикациях российских историков более раннего времени в журналах из Web of Science уже приводились в специальной литературе¹⁷. Во-вторых, в большинстве ведущих российских вузов стимулирующие надбавки своим сотрудникам за публикации в зарубежных изданиях стали выплачиваться с 2009–2010 гг., то есть, принимая во внимание стандартный срок рассмотрения и публикации статьи (1–2 года), можно полагать, что к 2012 г. статьи наиболее заинтересованных авторов уже могли быть опубликованы. Вряд ли можно допустить, что избранный нами 2012 г. явился чем-то из ряда вон выходящим в зарубежной славистике: если некоторые особенности в распределении опубликованных в 2012 г. материалов мы можем допустить для 1–2-х изданий, то вряд ли это можно распространять на все ведущие зарубежные славистические издания.

Издание	Общее количество членов редколлегии	Количество членов редколлегии, представляющих российские научные центры	Общее количество статей за 2012 г.	Количество статей авторов, представляющих российские научные центры за 2012 г.
Russian History (Web of Science)	14	2	19	1
Russian Review (Web of Science)	11	0	25	0
Slavic and East European Journal (Web of Science)	38	0	12	0
Cahiers du Monde Russe (Web of Science)	15	2	27	4
Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Web of Science)	12	1	7	1
Slavonic and East European Review (Web of Science)	18	0	17	0
Canadian-American Slavic Studies (Scopus)	20	2	18	1
Slavic Review (Web of Science)	9	1	26	0
Soviet and Post-Soviet Review (Scopus)	10	(1) (в редколлегии представлен исследователь из Белоруссии)	10	4

Как видим, число статей российских авторов по своему удельному весу незначительно: 11 из 161-й (6,83 %). Ситуация с составом редколлегии в целом сходная: в изданиях, специализирующихся на публикации материалов по российской и восточноевропейской истории, из 147-ми членов редакционных коллегий российскую науку представляют 8 (5,44 %). Очевидно, что подобные цифры отражают не вклад российских историков в изучение прошлого России, а информационные приоритеты зарубежного читателя: именно они и определяют подбор публикуемых авторов.

В свете приведенного выше нельзя не согласиться с мнением И.М. Савельевой и А.В. Полетаева о том, что «многие включенные в WoS периодические издания по социальным и гуманитарным дисциплинам являются не международными, а национальными, как по тематике, так и по кругу печатающихся в них авторов», поэтому «при использовании данных WoS корректнее говорить о публикациях не в международных, а в *зарубежных* журналах» [Курсив авторов. – А.У.]¹⁸.

Необходимо отметить, что национальный характер изданий, ориентирующий членов их редакционных коллегий на «своего» автора и читателя, отличает не только зарубежные журналы – редакционные коллегии ведущих российских изданий исторического профиля также в основной своей массе состоят из российских исследователей и статьи зарубежных авторов в них встречаются нечасто. Так, в «Российской истории» из 92-х опубликованных в 2012 г. статей зарубежными авторами написаны 4 (4,34 %), в «Вопросах истории» из 121-й – 1 (0,81 %). Из 18-ти членов редакционной коллегии «Российской истории» представителей зарубежных научных центров – 3 (16,66 %); в «Вопросах истории» из 9-ти – 0 (0 %).

Приведенные данные подтверждают общеизвестный и абсолютно нормальный факт: национальные издания гуманитарного профиля (независимо от их тематической направленности) в первую очередь предназначены для соответствующего круга авторов и читателей. Если для «обычного» российского читателя (даже профессионального историка), специально не занимающегося историей стран средневековой Европы, главным источником сведений по данному периоду служат статьи в «своих», отечественных, изданиях, публикующих в подавляющей своей массе российских авторов («Вопросы истории», «Средние века», «Одиссей», «Казус», «Византийский временник» и другие), то почему для «обычного» читателя из США, Великобритании, Франции или Германии должно быть по-другому? Для него также главным источником сведений по истории России, Белоруссии, Украины и т.д. являются «свои» издания – «Slavic Review», «Russian History», «Slavonic and East European Review», «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», «Cahiers du Monde Russe» и другие (задачи, стоящие перед зарубежным славистическим изданием во второй половине XX в., на материале «Russian Review» охарактеризовали Е. Левина, Д. Хоффман, К. Шульц, А. Ретиш¹⁹).

В этой ситуации есть, однако, одно важное отличие. Если от российского исследователя, занимающегося историей России, требуют публикаций в ведущих зарубежных изданиях по соответствующей тематике как «заверенное» подтверждение его профессиональной состоятельности, то от его зарубежного коллеги этого не требуют. Трудно себе даже представить государственных чиновников или администраторов университетов Франции или США, которые бы в качестве акта высшего признания научных заслуг специалистов по истории своих стран рассматривали их публикации в зарубежных изданиях, пусть даже и очень авторитетных (например, судили бы о вкладе американских и французских историков в изучение истории США и Франции по числу их публикаций в российских «Американском ежегоднике» и «Французском ежегоднике»).

* * *

Подводя итоги, зафиксируем: редакции зарубежных исторических изданий (в том числе и славистических), «затачивая» их под информационные запросы «своего» читателя, не проявляют чрезмерной заинтересованности в массовой публикации российских авторов по российской истории, ибо для этого им вполне достаточно «своих» славистов. (Чтобы составить представление об их численности, достаточно взглянуть на ежегодно публикуемые в «Slavic Review» перечни диссертаций по русской и восточноевропейской истории, защищаемых в США, а также на огромное число рецензий на зарубежные монографии по славистике, публикуемых в соответствующих изданиях).

В подобной ситуации настоятельные «рекомендации» российским авторам публиковаться в данных изданиях приведут к попыткам некоторых из них адаптировать результаты своих исследований к информационным потребностям зарубежного читателя. Последний, таким образом, вольно или невольно, прямо или косвенно будет оказывать влияние на определение состава вопросов, обращенных к прошлому России российским историком, и потенциально – об этом даже не хочется думать – на получаемые ответы... Нужны ли современной российской исторической науке такие публикации?

Констатируя неприемлемость оценки труда российских историков-русистов с помощью международных библиографических баз данных и «измеренных» ими индексов цитирования, нельзя не задаться вопросом: что же делать, если зарубежный «калькулятор» не работает, а «посчитать» все-таки хочется?

Вероятно, стоит обратить внимание на «свои», «домашние», «счеты», на отечественный аналог Web of Science и Scopus – на Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Особенности его функционирования заслуживают специального рассмотрения, которое, однако, выходит за рамки данной статьи (целый ряд изменений, которые претерпел РИНЦ в последние годы, побуждают нас во многом пересмотреть оценки, представленные в нашей работе, сданной в печать около четырех лет назад²⁰).

Примечания

¹ *Маркусова В.А.* Позиции вузов России в мировых рейтингах // Экономика образования. 2010. № 2. С. 35–46; *Маркусова В.А., Либкинд А.Н., Крылова Т.А.* Научная деятельность российских вузов в регионах и их позиции в мировых рейтингах: библиометрический анализ по статистике информационной системы «Web of Science» // Наукоевческие исследования. 2011. М., 2011. С. 107–126; *Пугач В.Ф., Жуковская М.Э.* Рейтинги вузов: международный и российский опыт // Высшее образование в России. 2012. № 8-9. С. 15–25; Университеты недовольны рейтингами // Эксперт. 2012. № 38 (820).

Markusova V.A. Pozitsii vuzov Rossii v mirovykh reytingakh // Ekonomika obrazovaniya. 2010. No. 2. P. 35–46; *Markusova V.A., Libkind A.N., Krylova T.A.* Nauchnaya deyatel'nost' rossiyskikh vuzov v regionakh i ikh pozitsii v mirovykh reytingakh: bibliometricheskii analiz po statistike informatsionnoy sistemy «Web of Science» // Naukovedcheskie issledovaniya. 2011. Moscow, 2011. P. 107–126; *Pugach V.F., Zhukovskaya M.E.* Reytingi vuzov: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. No. 8-9. P. 15–25; Universitety nedovolny reytingami // Ekspert. 2012. No. 38 (820).

² www.kremlin.ru/acts/15236

³ www.mgimo.ru/science/articles/index.phtml

⁴ www.hse.ru/science/scifund/bonus

⁵ *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Российские историки в зарубежных журналах // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 32. М., 2010. С. 5–21; *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. М., 2009.

Saveleva I.M., Poletaev A.V. Rossiyskie istoriki v zarubezhnykh zhurnalakh // Dialog so vremenem: Almanakh intellektual'noy istorii. Vol. 32. Moscow, 2010. P. 5–21; *Saveleva I.M., Poletaev A.V.* Publikatsii rossiyskikh avtorov v zarubezhnykh zhurnalakh po obshchestvennyy i gumanitarnyy distsiplinam v 1993–2008 gg.: kolichestvennye pokazateli i kachestvennye kharakteristiki. Moscow, 2009.

⁶ www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=16942

⁷ *Гохберг Л.М., Сагиева Г.С.* Российская наука: библиометрические индикаторы // Форсайт. 2007. № 1. С. 44–53; *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Российские историки...; *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Публикации российских авторов...; *Маркусова В.А., Либкинд А.Н., Крылова Т.А.* Указ. соч.; *Кирчик О.И.* «Незаметная» наука: паттерны интернационализации российских научных публикаций // Форсайт. 2011. Т. 5, № 3. С. 34–42; *Коцемир М.Н.* Публикационная активность российских ученых в ведущих мировых журналах // Acta naturae. 2012. Т. 4, № 2 (13). С. 15–35.

Gokhberg L.M., Sagieva G.S. Rossiyskaya nauka: bibliometricheskii indikatory // Forsayt. 2007. No. 1. P. 44–53; *Saveleva I.M., Poletaev A.V.* Rossiyskie istoriki...; *Saveleva I.M., Poletaev A.V.* Publikatsii rossiyskikh avtorov...; *Markusova V.A., Libkind A.N., Krylova T.A.* Op. cit.; *Kirchik O.I.* «Nezametnaya» nauka: patterny internatsionalizatsii rossiyskikh nauchnykh publikatsiy // Forsayt. 2011. Vol. 5, No. 3. P. 34–42; *Kotsemir M.N.* Publikatsionnaya aktivnost' rossiyskikh uchenykh v vedushchikh mirovykh zhurnalakh // Acta naturae. 2012. Vol. 4, No. 2 (13). P. 15–35.

⁸ <http://elibrary.ru/titles.asp>

⁹ *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Публикации российских авторов... С. 6.

Saveleva I.M., Poletaev A.V. Publikatsii rossiyskikh avtorov... P. 6.

¹⁰ *Коцемир М.Н.* Указ. соч. С. 16–17, 20.

Kotsemir M.N. Op. cit. P. 16–17, 20.

¹¹ www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=16942

¹² *Dawson R.P.* Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia (review) // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 43, No. 2. P. 276–277; *Usitalo S.A.* The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725 (review) // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 44, No. 1. P. 138–140; *Platt K.* Language and Culture in Eighteenth-Century Russia (review) // Eighteenth-Century Studies. 2012. Vol. 45, No. 4. P. 644–646.

¹³ *Halperin Ch.* Royal Recreation: Ivan the Terrible goes hunting // Journal of Early Modern History. 2010. Vol. 14, No. 4. P. 293–316; *Boterbloem K.* Russia and Europe: The Koenraad van Klenk Embassy to Moscow (1675–76) // Journal of Early Modern History. 2010. Vol. 14, No. 3. P. 187–217.

¹⁴ *Брагинская Н.В.* Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе. М., 2009. С. 23–24.

Braginskaya N.V. Mirovaya bezvestnost: Olga Freydenberg ob antichnom romane. Moscow, 2009. P. 23–24.

¹⁵ www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=16942

¹⁶ *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Публикации российских авторов... С. 6–7; *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Российские историки... С. 7–8.

Saveleva I.M., Poletaev A.V. Publikatsii rossiyskikh avtorov... P. 6–7; *Saveleva I.M., Poletaev A.V.* Rossiyskie istoriki... P. 7–8.

¹⁷ *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Российские историки... С. 14–15.

Saveleva I.M., Poletaev A.V. Rossiyskie istoriki... P. 14–15.

¹⁸ Там же. С. 10.

Ibidem. P. 10.

¹⁹ *Левина Е., Хоффман Д., Шульц К., Ретиш А.* Проблемы российской истории на страницах журнала «Russian Review» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 143–148.

Levina E., Khoffman D., Shults K., Retish A. Problemy rossiyskoy istorii na stranitsakh zhurnala «Russian Review» // Otechestvennaya istoriya. 1998. No. 2. P. 143–148.

²⁰ *Усачев А.С.* Российский индекс научного цитирования // Библиография. 2010. № 1. С. 23–27.

Usachev A.S. Rossiyskiy indeks nauchnogo tsitirovaniya // Bibliografiya. 2010. No. 1. P. 23–27.

Редакция «Нового исторического вестника» поздравляет Андрея Сергеевича Усачева с присуждением премии Президента России в области науки и инноваций для молодых ученых за 2012 г. и желает ему новых научных свершений!

ИСТОРИЯ НА ЭКРАНЕ

Е.В. Волков

«КОЛЧАКОВЩИНА» В СОВЕТСКОМ ИГРОВОМ КИНО

Игровое историческое кино является транслятором, с одной стороны, достоверных научных знаний, с другой – обыденных представлений и мифов о прошлом. Экранные образы оказывают колоссальное влияние на мнение людей о деятелях и событиях прошлого. При этом они дают представление и о взглядах людей на свою историю, об их менталитете и идеологии.

Значительное влияние на создание экранных образов прошлого оказывают несколько решающих факторов. Во-первых, накопленные знания о тех или иных исторических событиях и явлениях. Во-вторых, официальная идеология, господствующая в обществе. В-третьих, субъективные взгляды творцов фильма на историю.

На этапе становления советского историко-революционного кино

Начальный период конструирования культурной памяти о Белом движении на советском экране пришелся на 1920-е – первую половину 1930-х гг., когда господствовало «немое» кино. Этот период отличался относительной свободой творчества, еще не утвердившихся строгих цензурных запретов.

Кинематографисты не могли обойти вниманием события, названные в советской риторике «колчаковщиной».

В 1924 г. впервые на экране артист Ибрагимов предстал в эпизодической роли адмирала А.В. Колчака в фильме В.К. Висковского «Красные партизаны».

Вскоре вышел фильм режиссера В.Р. Гардина «Золотой запас», рассказавший полуфантастическую историю о приключениях красных партизан, которым якобы удалось захватить не только «золотой» эшелон, но и взять в плен самого верховного правителя.

В одном из эпизодов фильма С.М. Эйзенштейна «Октябрь» (1927 г.), созданного к 10-й годовщине революции, вновь появилась фигура Колчака. В сцене, демонстрирующей новоиспеченного вождя А.Ф. Керенского в лучах славы, зрители увидели адмирала и генерала, отдающих ему честь. Генерал был явно похож на одного из основателей Добровольческой армии М.В. Алексеева, а адмирал – на будущего верховного правителя Колчака. Их появление рядом с Керенским имело, видимо, целью подчеркнуть единство врагов революции. Они сначала служат Временному правительству, а затем возглавляют белых на юге и востоке страны. Так создавался образ единой контрреволюции, не имевшей принципиальных различий и оттенков.

Советские зрители 1920-х гг. увидели фильм Я.А. Протазанова «Сорок первый» (1927 г.). Это была экранизация повести Б.А. Лавренева о любви красной партизанки Марютки (актриса А. Войцик) к колчаковскому офицеру Говорухе-Отроку (актер И. Коваль-Самборский).

Создатели картины представили его как красивого, мужественного и бесстрашного человека. Подобная трактовка врага являлась для того времени необычной. Кинокритик М.Ю. Блейман отмечал, что «режиссер отказался от штампа белого злодея» и показал поручика «безукоризненно героической фигурой». И после финальных кадров у зрителей может возникнуть недоуменный вопрос, зачем же Марютка убивает такого хорошего человека¹. Во время обсуждения фильма в Обществе друзей советского кино один из участников кружка рабкоров осудил героиню, «променявшую большевизм на белогвардейца»².

В 1933 г. вышла основанная на приключенческой интриге одна из первых советских звуковых кинолент «Анненковщина» (режиссер Н. Берснев).

Атаман Б.В. Анненков показан в ней как наркоман, не представлявший свою жизнь без опиума. Критики увидели в марше, написанным для фильма композитором Д. Астраданцевым, «гитлеровскую истерию». Картина не сохранилась, но, судя по отзывам критиков и воспоминаниям зрителей, она стала удачной попыткой показать сложные социальные процессы через психологические драмы и образы, созданные актерами³.

Тогда же в прокат вышла приключенческая картина «Моя родина» (режиссеры А.Г. Зархи и И.Е. Хейфиц), повествующая о людях, живущих по обе стороны советско-китайской границы.

Перед зрителями на экране предстал образ белого офицера-эмигранта Алябьева (актер О. Жаков): нравственно опустившийся наркоман и садист, истерзанный тоской по родине, страшный в своей жестокости и одиночестве.

Фильм вышел на экраны в феврале 1933 г., но вскоре его прокат запретили. В одной из публикаций «Комсомольской правды» творение Зархи и Хейфица назвали «вредной картиной». Есть свидетельство о том, что подобный отзыв после просмотра фильма принадлежал И.В. Сталину. Возможно, не последнюю роль в запрете картины сыграл К.Е. Ворошилов⁴.

Всего с 1919 по 1932 гг. на экраны страны вышло не менее 114-ти художественных фильмов, действие которых происходило во время Гражданской войны. Они составляли около 10 % от всех снятых в это время кинопроизведений. Многие из их авторов использовали революционные события как фон для драматических или комедийных сюжетов. Батальные сцены в них практически отсутствовали⁵.

Большевистские власти стремились расширить зрительскую аудиторию и повысить прибыльность кинематографа. В 1927 г. Сталин в политическом отчете на XV съезде партии фактически повторил высказанную ранее идею Л.Д. Троцкого о борьбе с пьянством посредством развития кино. Вскоре, в 1928 г., провели Первое партийное совещание по кино, наметившее пути развития кинопроизводства⁶.

Фильм «Чапаев»: рождение канона

Новым словом в изображении врагов большевизма на экране стал звуковой фильм С.Д. Васильева и Г.Н. Васильева «Чапаев», созданный в 1934 г. на киностудии «Ленфильм».

Авторы картины попытались по-новому взглянуть на историю Гражданской войны. Они пришли к выводу, что опыт советской кинематографии в этой области «был скорее отрицательным, чем положительным». По их мнению, дело дошло до того, что «гражданская война была поводом для создания неглубоких, примитивных агиток, полуприключенческих, полудетективных фильмов, всегда вызывавших досаду и неудовлетворенность зрителя примитивностью и поверхностностью изображения»⁷. Поэтому «братья» Васильевы сделали ставку на раскрытие внутреннего мира своих героев на фоне событий революционного времени.

Главными противниками В.И. Чапаева в фильме выступают уральские казаки и части генерала В.О. Каппеля, а также их союзники – чехословацкие легионеры. Однако в картине показаны события 1919 г. на Урале, значительная часть которого находилась под властью Колчака. На самом деле, в то время части Чехословацкого корпуса, настроенные против диктатуры Колчака, по приказу своего командования отступили с передовых позиций: они охраняли Транссибирскую железную дорогу в тылу и постепенно перемещались на Дальний Восток, чтобы эвакуироваться из России.

Сам генерал Каппель в фильме не показан. Олицетворением его воинства перед зрителями предстает молодой поручик «в форме каппелевских частей» (его роль сыграл один из режиссеров картины – Г.Н. Васильев), который в штабном вагоне, стоя у карты, заносчиво бросает: «На германском фронте имел честь драться с генералом фон Людендорфом. А теперь – черт знает что. Ча-па-ев». В ответ на эту браваду хозяин вагона полковник С.Н. Бороздин, оторвавшись от бумаг, спокойно говорит: «Напрасно изволите смеяться, господин поручик. Чапаев – очень серьезный враг. Нам одинаково опасны и он сам, и его слава». Так, противопоставив умудренному, реально представляющему обстановку полковнику молодого заносчивого поручика, авторы подчеркнули разность характеров и взглядов в стане противников большевиков. Это позволило им показать белых не как некую безликую массу, а как конкретных и разных людей.

Согласно замыслу режиссеров, Бороздин, образ которого воплощен актером дореволюционной школы И.Н. Певцовым, – это собирательный образ белого офицерства. Его прототипом явился генерал-майор Н.Н. Бородин, командовавший сводным отрядом уральских казаков, которые совершили в начале сентября 1919 г. дерзкий рейд на станицу Лбищенскую. Как известно, итогом этого смелого предприятия стали разгром штаба 25-й стрелковой дивизии и гибель самого Чапаева. И действительно, на экране именно полковник Бороздин берет по собственной инициативе руководство этим рейдом. В бою на улицах Лбищенской настоящий генерал Бородин погиб с винтовкой в руках, возглавив атаку на позиции чапаевцев⁸. А в фильме полковник Бороздин также гибнет, но совсем не геройски: от сабельного удара крестьянина-бородача, когда пытается спастись бегством от наступающих красноармейцев, мстящих за смерть своего начдива.

«Братья» Васильевы, в отличие от своих предшественников-режиссеров, попытались создать образ белого полковника сложным, неоднозначным (в книге Д.А. Фурманова, по мотивам которой создан фильм, такого персонажа нет; вражеский лагерь представлен без конкретных фигур). Помогло им, конечно, и мастерство актера Певцова. В 1933 г., когда полным ходом шла работа над фильмом, Певцов, имея в виду, скорее всего, типаж полковника Бороздина, отмечал в своей записной книжке: «... Когда актер думает и строит образ, его заботит достижение живой правды со всей ее сложностью. Он должен иметь всегда в виду то, что в природе нет чистого черного и чистого белого цвета»⁹.

Многие киноеды признавали, что Певцову удалось создать в «Чапаеве» тип «благородного офицера, чрезвычайно умного, культурного, много размышляющего, презирающего толпу, хотя и гуманного в отношении со своим денщиком». Некоторые разглядели в полковнике честного и

убежденного в своей правоте человека. Он показан не с гротеском, а на высоком уровне психологизма. В то время подобная подача образа врага требовала мужества¹⁰.

По мнению американского историка П. Кенеза, исследовавшего советский кинематограф, образ полковника Бороздина, «возможно, наиболее удачное изображение негативного персонажа в кино социалистического реализма». В нем помимо отрицательных, показаны и положительные черты: культурность, любовь к музыке, уважение к врагу¹¹.

Внешне полковник Бороздин – уже немолодой, полноватый и лысый человек, с пенсне на носу и постоянной папиросой в зубах. Он никогда не улыбается, всегда сдержан, немногословен, каждое сказанное им слово весомо и продуманно. Перед зрителями предстает человек неглупый, видимо понимающий, что Гражданская война – это трагедия для России, и вряд ли победа будет в ней на стороне белых. Он не склонен, в отличие от своего молодого собеседника, поручика «в форме каппелевских частей», строить оптимистические планы относительно быстрых и легких побед над красными, среди которых есть такие талантливые и популярные командиры, как Чапаев.

Бороздин являет собой тип боевого офицера, который не прячется за чужие спины и не пытается отсидеться в тылу. Его отношение к высокопоставленным чинам выражено в следующей фразе: «У нас в Ставке Верховного правителя вместо укрепления тыла по-прежнему усердно делят шкуру неубитого медведя...» В этих словах сквозит отношение большинства белых офицеров к своим генералам, которые не сумели осуществить многих стратегических разработок и создать эффективную службу тылового обеспечения.

По мемуарным источникам и документальным материалам известно распространенное мнение белых офицеров о своих иностранных союзниках по Антанте, во многом преследовавших собственные внешнеполитические и экономические интересы. Создатели фильма показали и эту характерную черту настроений офицерства. На замечание генерала о том, что интервенты оценили голову Чапаева в 20 тыс. рублей, Бороздин иронически отвечает: «Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и дороже! Ведь позади – Гурьев, а в Гурьеве – нефть».

Кульминационной сценой фильма является «психическая атака» каппелевцев на позиции чапаевской дивизии. Колонны, одетые в черные мундиры, бесстрашно, во весь рост шагают вперед под знаменем с изображением черепа и костей. Бравый их марш сопровождается тревожной барабанной дробью. Вторым эшелоном за «офицерским полком» каппелевцев следуют чехословацкие легионеры. По замыслу авторов картины, «психическая атака» призвана была продемонстрировать «столкновение

двух волей», двух сил в Гражданской войне¹². В действительности, однако, белые наступали на позиции противника не колоннами (такая тактика характерна для сражений XIX в., а появилась она еще раньше), а «цепью», когда бойцы шли на некотором расстоянии друг от друга, что должно было сократить потери.

Среди чапаевцев, занявших оборонительные позиции, их смелость и стройность рядов поначалу вызвала восхищение. «Красиво идут!» – восклицает один из бойцов. Другой в ответ произносит: «Интеллигенция!». И слово это звучит не в ругательном смысле, а с интонацией, характеризующей марширующие колонны офицеров как нечто недоступное «простому народу» и в то же время чуждое. Затем некоторых красноармейцев охватывают страх и паника, они бегут с позиций. Пулеметчица Анна (актриса В. Мясникова) спасает ситуацию. Но ненадолго. Главным героем выступает здесь все-таки Чапаев, который во главе конного полка атакует белых и обращает их в бегство. Хотя на самом деле никакого конного полка в 25-й стрелковой дивизии не было, а лишь команда конных разведчиков.

Один из командиров РККА, вместе со своими сослуживцами участвовавший в съемках фильма в качестве участника «психической атаки» белых, в письме к режиссерам отмечал: «...Действительно перед нами стояла задача, поставленная вами, показать, с какими отборными частями приходилось бороться Красной Армии, раздетой, разутой, полуголодной и, не имея больших запасов патронов, отбивать такие отборные части каппелевского отряда»¹³.

На самом деле никаких офицерских частей в армиях белых на востоке России, в отличие от юга, никогда не существовало. И они так же, как и красные, испытывали большие трудности со снабжением. Поэтому в черных добротных мундирах с аксельбантами они, конечно, не ходили, а одевались во что придется. Однако определенная основа для создания кинематографического образа каппелевцев все же имелась: по распоряжению главы британской военной миссии в Сибири генерала А. Нокса, в начале 1919 г. корпус Каппеля получил английское обмундирование и внешне, видимо, выглядел лучше, нежели другие соединения¹⁴.

Картина «Чапаев» вызвала отрицательную реакцию у некоторых партийно-советских чиновников. Так, участник Гражданской войны в Сибири, начальник Главного управления кинофотопромышленности Б.З. Шумяцкий, в эпизоде «психической атаки» каппелевцев усмотрел ненужную героизацию Белого движения и потребовал ее вырезать¹⁵.

Директор картины М. Шостак вспоминал: когда фильм был уже закончен, «сверху» поступило предложение сократить сцены с полковником Бороздиным и каппелевскую атаку. В качестве обосно-

вания данной рекомендации указывалось: подобные образы перекликались с пьесой М.А. Булгакова «Дни Турбиных» и реабилитировали «белогвардейщину»¹⁶.

Некоторые зрители, посмотрев фильм, утвердились во мнении, что чапаевцы по своей организованности и сплоченности во многом уступают противнику. Один из бывших красноармейцев, сражавшихся против войск П.Н. Врангеля и отрядов Н.И. Махно, в своем письме режиссерам заметил, что когда увидел на экране тачанку с Чапаевым, то это вызвало у него неприятные впечатления. Ему показалось, что на экране не дисциплинированные бойцы Красной армии, а настоящие махновцы. И вообще указания Чапаева с тачанки очень похожи на руководство «украинского батьки» крестьянской вольницей¹⁷.

Однако перед выходом кинокартины на широкий экран состоялся ее просмотр членами Политбюро. Фильм признали политически благонадёжным, и многие его сцены оставили без купюр.

Популярность «Чапаева» начинала свой путь в стенах специального кинозала в Кремле, в котором Сталин проводил один или два поздних вечера в неделю. Вместе с ним на ночных киносеансах, судя по запискам Б.З. Шумяцкого, датированным 1934–1937 гг., присутствовало практически все высшее политическое руководство страны¹⁸.

«Чапаев» произвел на вождя неизгладимое впечатление, стал любимым фильмом Сталина. Только до конца 1934 г. он ее смотрел не менее 16-ти, а к середине марта 1936 г. – 38-ми раз. Во время очередного просмотра фильма генсек в разговоре с К.Е. Ворошиловым сказал: «В этом свойство больших произведений искусства. Чем больше смотрим, тем больше нравятся. И сам не знаешь, что в них больше привлекает: замысел, игра актеров, предельная простота и ясность показа эпохи и ее людей. Вернее всего – нравится все»¹⁹.

Картина вышла в широкий прокат 7 ноября 1934 г. и стала событием в культурной жизни советской страны. Кинотеатры, и без того не пустовавшие, брали буквально штурмом. На просмотр картины ходили по несколько раз, коллективно, с плакатами. Газета «Комсомольская правда» писала в те дни: «Посещаемость кинотеатров в Москве превышает все рекорды. Многие, несмотря на огромные очереди, по три-четыре раза смотрят фильм, приводя с собой детей»²⁰.

На 1-м Московском Международном кинофестивале, проходившем в феврале 1935 г., «Чапаев» завоевал первую премию. Ни один советский фильм не имел такого широкого официального признания. В своем обращении к работникам кино в январе 1935 г. Сталин призвал создавать историко-революционные фильмы, подобные «Чапаеву»²¹.

Конечно, многое в сценах фильма, где фигурируют белые, заимствовано из мифологии, рожденных советской пропагандой и официальной историографией. Но режиссеры не скатились до карикатурного изображения противников Чапаева, а показали их как личностей, отстаивающих свои идеалы. После премьерного показа фильма в 1937 г. в Праге русские эмигранты, в том числе бывшие каппелевцы, оставили благосклонные и уважительные отзывы²².

Фильм «Чапаев» на многие годы определил для советских кинематографистов своеобразный канон для конструирования образов врагов белогвардейцев на экране.

Под сталинским прессом

С середины 1930-х до второй половины 1950-х гг. советское кино о Гражданской войне переживало кризис и упадок.

В 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Помимо прочего оно усилило государственный контроль над кинопроцессом. В январе 1935 г. Всесоюзная конференция кинематографистов СССР организационно оформила советскую киноиндустрию. Доктрина «социалистического реализма», первоначально возникшая в литературе, была перенесена и в кинематограф.

Сталин персонально контролировал производство кинокартин. По воспоминаниям писателя К.М. Симонова, он лично «составил программу – о каких исторических событиях и о каких исторических личностях следует сделать фильмы... В наибольшей степени Сталин был склонен программировать именно кино. И как вид искусства более государственный, чем другие, то есть требовавший с самого начала работы государственного разрешения на нее и государственных затрат, и потому еще, что он в своих представлениях об искусстве относился к режиссерам не как к самостоятельным художникам, а как к толкователям, осуществителям написанного»²³.

Начался процесс бюрократизации кинопроизводства: был образован Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. В 1938 г. впервые на правительственном уровне была установлена жесткая регламентация всех этапов съемочного процесса²⁴.

Фильмы о Гражданской войне, созданные во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг., привнесли мало нового в коллективный портрет участников Белого движения: слишком сильным оказалось давление партийно-государственного идеологического пресса на создателей картин. «Оборона Царицына», «Первая конная», «Незабываемый 1919-й год» и

другие отличались откровенной конъюнктурой: их создатели представляли на экране Сталина как «гениального полководца» и «главного соратника» В.И. Ленина. Поскольку Сталин не занимал должностей на Восточном фронте, «колчаковщина» деятелей кино не особенно привлекала.

В 1942 г. вышла картина «Его зовут Сухэ-Батор» (режиссеры А.Г. Зархи и И.Е. Хейфиц) о революционных событиях в Монголии.

Актер Н. Черкасов сыграл в ней роль бывшего колчаковского генерала и «белого атамана» Р.Ф. Унгерна. Образ барона, созданный известным актером, оказался далек от достоверности и больше походил на «живого мертвеца».

В годы хрущевской «оттепели»

В постсталинском СССР на экранах появилось немало фильмов о Гражданской войне, в том числе и о борьбе против Колчака.

Первой ласточкой «оттепели» стал фильм «Сорок первый» режиссера Г.Н. Чухрая (киностудия «Мосфильм», 1956 г.), вторая экранизация повести Лавренева.

Бойца Красной армии Марютку сыграла И. Извицкая, а белого офицера Говоруху-Отрока – О. Стриженов. В фильме Чухрая, ученика М.И. Ромма, в отличие от повести и «немного» одноименного фильма Я.А. Протазанова, герои наделены большей мягкостью, интеллигентностью, человечностью. По мнению киноведев, в отличие от протазановского фильма поручик у Чухрая не просто хороший и красивый молодой человек, но и «рефлексирующий интеллигент в военной форме, незаурядная натура с личным обаянием»²⁵.

На заседании художественного совета киностудии «Мосфильм» в августе 1956 г. во время обсуждения картины по поводу образа поручика Говорухи-Отрока развернулась целая дискуссия. Так, режиссер Е.Л. Дзиган отметил, что в финале ленты Марютка «выражает горькое сострадание о смерти поручика» и тем самым вызывает сочувствие к белогвардейцу у зрителей, но подобного быть не должно. Такое мнение поддержали и режиссер С.И. Юткевич, и сценарист И.М. Маневич²⁶.

В октябре 1956 г. в московском Доме кино прошло еще одно обсуждение картины. На нем неоднократно поднимался вопрос о том, как представлен в фильме образ врага. Киновед С.И. Фрейлих в своем выступлении отвергал нападки на Чухрая со стороны тех, кто упрекал его в «необъективности», в показе белого офицера «слишком хорошим». «В данном случае режиссер, – отмечал Фрейлих, – идет более сложным путем: он не боится, что противник его героини будет наделен чертами, вызывающими симпатию. Уверенно и твердо идет он в создании этого

образа... Чухрай прочно стоит на земле и поэтому серьезно и спокойно может смотреть на сложные явления жизни, не угождая ей, но изображая жизнь во всей ее противоречивости и красоте. Этим нас и пленяет картина: мы видим на экране, прежде всего, жизнь»²⁷.

Другой выступающий, В. Алексеев, отметил, что режиссер показал белого офицера, «который с точки зрения белогвардейского понимания был на высоте положения». Он негибает даже перед лицом смерти. В нем лучшие черты «белогвардейщины»²⁸.

Критик Н.Н. Кладо заявил, что «не страшно показать “хорошего” врага, потому что Марютка все же лучше. Не нужно прибегать для этого к черной краске, но нужно было раскрыть душевную красоту Марютки. Когда она убила Говоруху-Отрока, – она искупила все. И совершает она этот поступок во имя революции, во имя любви: убивая, она его спасает. Вот идейный вывод фильма»²⁹.

Сам Чухрай высказался так: «Когда “Сорок первый” обсуждался на художественном совете, там люди выступали с открытым забралом и говорили, что не получится, что нельзя делать фильм о любви нашей девушки к врагу, что наши фильмы должны воспитывать людей и что получится, если все девушки влюбятся во врагов?» Затем режиссер привел ответ своего наставника Ромма на подобные замечания: «И пусть влюбятся! И каждая убьет по врагу!»³⁰

Судя по стенограмме обсуждения фильма, в сознании представителей творческой интеллигенции, проявлявших некоторый либерализм в отношении истории Гражданской войны, классовый подход, классовая вражда продолжали доминировать.

По словам критика Л.А. Аннинского, история создания этой картины «началась с того, что художественный совет “Мосфильма” предсказал: грубая и некультурная представительница красных Марютка будет шокировать своей “рыбьей холерой” нынешнюю образованную публику; белогвардейский же поручик Говоруха-Отрок интеллигентностью зрителя подкупит, так что в момент, когда Марютка в порыве классовых чувств пристрелит своего любимого, симпатии будут отнюдь не на ее стороне. Движимый заботой о чистоте революционных идеалов, художественный совет “Мосфильма” самую идею повторной экранизации лавреневского рассказа “Сорок первый” зарубил на корню». Однако режиссеру Чухраю все-таки удалось снять фильм и выпустить его в прокат³¹.

Действительно, актер О. Стриженов продемонстрировал зрителям сложный и противоречивый характер своего героя. Его работа над ролью не осталась без внимания со стороны кинокритиков. Журнал «Советский экран» в 1957 г. писал о роли О. Стриженова: «Вот он, захваченный в плен бойцами отряда комиссара Евсюкова, идет по пустыне. Ветер валит

людей с ног, песок засыпает глаза, а голод и холод довершает испытания. Но гордо поднята его голова, ни на секунду не выдает он своих мучений. И мы понимаем: это сильный, закаленный характер». Когда он слушает «наивный и корявый» стих своей возлюбленной, его губы кривятся в пренебрежительной усмешке дворянина, «чувствующего свое превосходство над простой рыбацкой». Но в то же время поручику не чужды романтика и душевная теплота, которые проявляются в его рассказе о Робинзоне Крузо. Однако он же может презрительно бросить своей девушке слово «хамка» и может, забыв обо всем, броситься навстречу подплывающим на лодке своим соратникам по белой борьбе с радостным криком: «Наши!»³².

О. Стриженов тонко раскрыл всю гамму чувств и переживаний своего героя. Зрители видят то волевого, то злобного белого офицера, то наоборот, далекого от всего дурного, умеющего мечтать и любить, обаятельного молодого человека, то барина-аристократа, кичащегося своей родословной. Причем если в повести Лавренева Говоруха-Отрок чувствовал лишь благодарность и покровительственную симпатию к Марютке, то в фильме он ее горячо и искренне полюбил.

«Сложная и горькая жизнь, – отмечал один из советских кинокритиков, – лепила характер поручика Говорухи-Отрока. Презрение к опасности и к людям, душевная теплота, пробивающаяся сквозь цинизм и озлобленность, барская изнеженность и солдатская закаленность – все эти противоречивые качества Стриженов играет отчетливо и тонко»³³.

За эту актерскую работу О. Стриженова признали лучшим исполнителем мужской роли в 1956 г. в кинолентах «Мосфильма». К картине пришло и международное признание, которое выразилось в получении 2-й премии на 10-м Международном кинофестивале в Канне, а также в специальном призе «за оригинальный сюжет, гуманизм и высокую романтику». С момента выхода фильма на экраны его закупили прокатные фирмы 64-х стран³⁴.

О. Стриженов, вспоминая время съемок, а затем премьерные показы в советской стране и за рубежом, отмечал, что роль белого поручика казалась ему биографической, так как его дед и отец служили в русской армии. «Когда в конце фильма меня, вернее поручика Говоруху-Отрока, убивали, – пишет актер, – зрители плакали. И не только за границей, где доживали свой век постаревшие поручики, но и у нас, где народ воспитывали на ненависти к белогвардейцам. Вдруг зритель понял, что все мы – и белые, и красные – русские люди и, воюя друг с другом, занимаемся ненормальным делом, уничтожаем свою любовь, а значит, и душу»³⁵.

Однако наряду с образом поручика фильм демонстрировал и других белогвардейцев, деникинцев, которые разыскивали Говоруху-Отрока как важного курьера от Колчака. Они жестоко расправляются с жителями ка-

захского аула, заподозренными в помощи большевикам. Так белый террор нашел свое место в картине, отразив представления и ее создателей, и киночиновников о Гражданской войне.

* * *

Сюжет фильма «Золотой эшелон» (режиссер И.Я. Гурин; киностудия имени М. Горького), вышедшего на экраны в ноябре 1959 г., построен на легенде об операции по захвату российского золотого запаса, находившегося у адмирала Колчака.

Советские кинозрители вновь увидели на экране совершенно невероятную историю о том, как сибирские подпольщики и партизаны сумели захватить эшелон с золотом. Они, пытаясь вывести золото на запад, откуда наступала Красная армия, приняли неравный бой. Судьба распорядилась так, что ящики с золотом оказались закопаны в заброшенном карьере.

В фильме есть сцена, когда верховный правитель Колчак (актер А. Шатов) с самодовольной усмешкой шествует во главе генералов, дипломатов и членов иностранных военных миссий по подвалу банка, показывая российский золотой запас и тем убеждая их в платежеспособности своего правительства. В отзыве на фильм дирекции киностудии имени М. Горького говорилось, что «“черный адмирал” Колчак предстает в картине не как зашифрованный знак белогвардейского правителя, а возникает как образ, созданный многими точными красками»³⁶.

Молодой и галантный белый офицер Черемисов (актер М. Казаков), начальник охраны «золотого эшелона», несмотря на решительность и энергию, «остается в дураках». Ему не удается предотвратить угон эшелона подпольщиками.

Другой вражеский персонаж – полковник Семицветов (актер В. Кольцов), начальник «золотого эшелона». Попадая в плен к большевикам и вынужденный под дулом пистолета им помогать, он приходит к осознанию неправоты своего дела и оканчивает жизнь самоубийством.

Этот штамп – самоубийство белых офицеров на почве разочарования в «белой идее» – широко распространился в советском кино.

Фильм «Серый волк» (режиссер Т. Родионова; киностудия «Ленфильм», 1962 г.) был создан по мотивам романа Е.А. Пермяка «Сказка о сером волке».

В основе сюжета – встреча двух братьев через сорок лет после Гражданской войны. Петр (актер К. Сеницын) и Трофим (актер Б. Горшенин) Бахрушины родились в одной деревне. Петр в Гражданскую служил в Красной армии и потом стал председателем колхоза. Трофим воевал в войсках Колчака, потом эмигрировал в Китай, а затем в США, оставив на

родине жену и дочь. Теперь, будучи фермером, он приехал в родные края вместе с журналистом Джоном Тейнером (актер Н. Гринько), с которым заключил контракт: он должен помочь журналисту написать книгу о встрече двух братьев – из «свободного мира» и «коммунистического ада». Однако встреча оказалась холодной, а жена Трофима Дарья (актриса Н. Никитина) и вовсе отказалась повидаться с «убитым» мужем, уехав из деревни и забрав с собой внука. Но ему все-таки довелось повидать и их, и внучку... Вспыхнуло желание остаться в родной деревне. Взвешивал Трофим все «за» и «против», спорил с самим собой, а темной ночью все-таки уехал – и простыл след «серого волка»³⁷.

Образы бывших колчаковских генералов, Забайкальского атамана Г.М. Семенова (актер В. Кузнецов) и генерала В.М. Молчанова (актер Н. Бубнов), были созданы авторами фильма «Пароль не нужен» (режиссер Б.А. Григорьев; киностудия имени М. Горького, 1967 г.).

Снят он был по одноименному роману-хронике Ю.С. Семенова о советском разведчике М.М. Исаеве, действовавшем под видом журналиста в стане белых в Приморье. Наряду с пропагандистскими штампами советской эпохи образы их были наделены и реалистичными чертами.

Сам факт появления на экране не рядовых участников Белого движения с выдуманными фамилиями, а его реальных вождей говорил о многом: в советском историческом игровом кино зародилась новая тенденция. Обратившись к образам известных деятелей Белого движения, создатели фильма постарались избежать явной фальсификации и подтасовки исторических фактов, не стали перекраивать их судьбы в угоду господствующей идеологии. Наряду с ними – пожалуй, впервые в советском кинематографе, – были созданы и образы репрессированных в 1930-е гг. советских руководителей В.К. Блюхера и П.П. Постышева.

Молчанов в исполнении актера Н. Бубнова предстал перед зрителями как человек с большим жизненным опытом. В фильме он сначала фигурирует в разговорах своих боевых соратников по Первой мировой войне с В.К. Блюхером, который предложил им сотрудничество в борьбе против белых, «распродавших Россию иностранцам». Бывшие царские офицеры отказались идти воевать против войск, возглавляемых Молчановым, поскольку знали о его превосходных качествах и как военачальника, и как человека.

Один из эпизодов картины почти точно воссоздает сцену из романа Семенова, когда к Молчанову прибыл советский парламентар с письмом от Блюхера. Перед советскими зрителями предстал образ сильного и стойкого в своих убеждениях врага. Генерал, начав неофициальный диалог с парламентаром, попытался доказать свою правоту в противовес большевистской правде. Он не отдал приказ расстрелять посланца Блюхера, но отпустил его без ответа.

При обсуждении литературного сценария фильма, написанного Семеновым, один из его участников отметил: «...Мир врагов в сценарии оставляет сильное впечатление. Дана точная психология врага. За каждой фразой видна твердая позиция тех людей, с которыми столкнулись Блюхер, Постышев, Исаев»³⁸. В заключении редакционной коллегии киностудии имени М. Горького говорилось, что сценарий «позволяет автору исследовать трагедию людей, которые, идя под знаменем «спасителей России», на деле оказались врагами ее. Этот сложный, хотя и не новый вопрос автор решает очень глубоко и пристально. Автор всегда старается видеть в людях, прежде всего, их человеческое содержание – всегда сложное и противоречивое»³⁹.

Отзыв о фильме дирекции киностудии содержал примечательные оценки работы актеров, создавших образы врагов Советской власти. Артист В. Салопов, сыгравший начальника белой контрразведки полковника Гиацинтова, «во многом преодолел традиционность этих образов. Ему удалось донести черты характера белого офицера, вступившего в сделку с интервентами». Атаман Семенов в исполнении Кузнецова – «сильный, злобный враг, активная живая натура. Чтобы победить такого, нужны еще больший ум и еще большая воля»⁴⁰.

Во время обсуждения картины в июле 1967 г. на киностудии имени М. Горького В.П. Росляков, писатель и сценарист, сожалел о том, что в фильм не вошел один отснятый эпизод. В нем показывалось поле недавнего боя, на котором лежат убитые бойцы, идут по полю люди, слышен их разговор: «Какие белые, какие красные? Русские люди лежат». «Мне думается, – сказал Росляков, – что картина выиграла бы, если бы была такая сцена. Мы через 50 лет имеем право и так посмотреть, не боясь обвинений в пацифизме и в надклассовости. Вся картина красная, классовая. Но мы приняли сейчас у себя раскаявшихся белогвардейцев, они живут, получают пенсии. Это заставляет подумать о собственном величии. Мы можем позволить себе это и с вершин наших побед посмотреть на весь народ. Была борьба, были белые. Но было много и заблудших людей. Теперь они поняли, они раскаялись. Они приезжают сюда, плачут, целуют родную землю. Такая сцена, мне думается, обогатила бы картину»⁴¹.

В ноябре 1968 г. в московском кинотеатре «Ленинград» состоялась премьера кинокартины «Гроза над Белой» (режиссеры Е.К. Немченко и С.В. Чаплин; киностудия «Ленфильм») о борьбе частей Красной армии с войсками адмирала Колчака за Уфу.

Среди руководителей белых в фильме представлены верховный правитель Колчак (актер Б. Фрейндлих) и командующий одной из его армий генерал М.В. Ханжин (актер Е. Копелян).

Образ верховного правителя получился неярким. Вдобавок его изобразили марионеткой в руках антантовских генералов А. Нокса и М. Жанена. Хотя еще в 1964 г. при обсуждении сценария фильма (тогда он имел рабочее название «Командарм 4») звучал совет о том, что показать Колчака «традиционно и штампованно как выдвинутого в пене революции авантюриста было бы неправильно, несерьезно... Это был человек образованный и военачальник, и именно поэтому его выдвигали как правителя России, и именно поэтому он сумел собрать сильный кулак и одержать большие успехи»⁴².

Сценарист Л. Дэль на это ответил: «Я согласен, когда вы говорите о необходимости укрепления фигуры Колчака, отсюда возникает задача как-то его приподнять. Сам Колчак значительно менее интересная фигура, чем то, что решил фронт Колчака. Он адмирал, ничего не понимающий в сухопутной стратегии, чем приводит в отчаяние всех своих сотрудников»⁴³.

Впоследствии, просмотрев отснятый материал, сценарно-редакционная комиссия потребовала исключить из звукового ряда упоминание имени Л.Д. Троцкого и различные бранные выражения, а также один из эпизодов, связанный со сценой парада белых⁴⁴.

В целом, как писали критики, фильм «Гроза над Белой» получился в художественном плане слабым. Однако некоторые из них отмечали превосходную игру актера Е. Копеляна, сумевшего выразить в образе генерала Ханжина «мрачный взрывчатый заряд... и одухотворенность последнего борца за белую Россию»⁴⁵.

Генерал Ханжин предстает в картине как патриот своей страны, с недоверием относящийся к союзникам по Антанте, планирующим экономическое закабаление России. Командующий армией умен, отличается твердым характером. Для него неприемлемы пропагандистские штампы о Красной армии. В связи с этим он даже поправляет своего адъютанта, чтобы тот вместо словосочетания «красные банды» произносил слово «противник». Генерал понимает, насколько сильна Красная армия и стремится предугадать замыслы ее командования. Однако ему, опытному военачальнику, не удалось переиграть новоиспеченного красного полковника М.В. Фрунзе и обеспечить эффективную оборону Уфы. Когда Ханжин осознает это, спокойствие и уверенность покидают его.

О реакции на фильм, и в частности на образ, созданный Копеляном, некоторых представителей интеллектуальной советской элиты говорит многозначительный факт. По устным воспоминаниям внучки генерала Ханжина М.Ю. Бородиной (2003 г., архив автора), в то время студентки факультета иностранных языков Орского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко, после премьерного просмотра картины ректор вуза С.Я. Проскурин встретился с ней. Убедившись, что студентка

возглавляемого им института действительно является внучкой белого генерала Ханжина, он выразил ей свое почтение.

Работа над подобными фильмами, «доведение» их до широкой зрительской аудитории сопровождалось нелегкой борьбой их создателей с чиновниками от кино и партийным агитпропом, бдительно оберегавшими чистоту идеологии марксизма-ленинизма и мифы советской истории. Но несмотря на их «политическую бдительность» и цензурные строгости, во второй половине 1950-х – 1960-е гг. советские зрители смогли увидеть талантливые кинопроизведения о Гражданской войне, где белые выглядели не столь примитивно и карикатурно, как в ряде картин предшествующих лет. «Оттепель» в кинематографе – в части, касающейся «белой гвардии», – затянулась до начала 1970-х гг.

Диссидент А. Удодов, вырвавшийся в 1975 г. из СССР на Запад, отмечал: «Белая борьба не забыта в России. Даже тон советских фильмов свидетельствует об этом. Карикатурные образы белых офицеров исчезли... Общественное мнение связывает белых офицеров с интеллигентными, храбрыми и честными противниками. Симпатии зрителей на их стороне»⁴⁶.

На закате советской государственности

С начала 1970-х гг. и на протяжении последующего пятнадцатилетия на экран выходили историко-революционные фильмы, которые с точки зрения глубины художественного постижения характеров и конфликтов эпохи революции и Гражданской войны заметно уступали кинопроизведениям времени «оттепели». В условиях брежневского «застоя» стал возрождаться идеологический схематизм сталинского времени с апологией классовой борьбы и революционного насилия. Ужесточились партийный контроль и цензура. Все это сделало невозможным неортодоксальное изображение и осмысление Гражданской войны. Кинематографисты нашли выход в съемках историко-революционных фильмов в стиле вестерна. В сленге той поры подобные картины прозвали «истернами», так как в них исторические сюжеты являлись фоном для ковбойских выходов героев⁴⁷.

В 1971 г. вышла в прокат картина «Конец атамана» (режиссер Ш.К. Айманов; киностудия «Казахфильм»), призванная в приключенческом жанре героизировать операцию чекистов по ликвидации бывшего колчаковского генерала и Оренбургского атамана А.И. Дутова в китайском местечке Суйдин.

Роль Дутова сыграл хорошо известный актер В. Стрельчик. Его герой предстал перед зрителями истеричным и неуравновешенным, безмерно любящим себя и свои патетические речи. Он боится за свою жизнь, постоянно опасается покушений и заговоров – на столе в его кабинете

всегда стоит японский ручной пулемет. Атаман, кстати, показан как противник не только большевизма, но и казахской автономии. В последние минуты своей жизни «киношный» Дутов пасует перед чекистом Чадьяровым (актер А. Ашимов), соглашаясь повиноваться его указаниям. Но вмешательство охраны и попытка Дутова схватить револьвер заставили Чадьярова застрелить атамана.

Никак нельзя согласиться с одним из кинокритиков, утверждавшим, что в роли Дутова Стржельчик «создает образ удивительной сатирической наполненности и в то же время предельно реалистичный и правдивый»⁴⁸.

Создатели фильма не обошли и «контрреволюционную работу» Русской православной церкви, в неприглядном свете показав православных священников как участников Белого движения. По фильму, одним из помощников Дутова, фактически начальником его контрразведки, является священник Иона (актер Б. Иванов). Перед зрителями предстает хитрый и коварный враг в рясе священника, люто ненавидящий Советскую власть. Особо выделена страсть Ионы к наживе: после смерти Дутова он, прихватив с собой казну Оренбургской армии, отправился в Гонконг. Прототипом образа Ионы явился иеромонах Иона (Покровский), главный священник Оренбургской армии. Оказавшись в эмиграции, он стал епископом Маньчжурским и Ханькоуским. В 1996 г. Русская православная церковь заграничной причислила его к лику святых.

Судьбе забайкальских казаков в Гражданской войне, их участию в Белом движении был посвящен фильм «Даурия» (режиссер В.И. Трегубович; киностудия «Ленфильм», 1971 г.), двухсерийная экранизация одноименного романа К.Ф. Седых. Авторы показали раскол в Забайкальском казачестве на сторонников революции и приверженцев старого строя.

Белых офицеров они изобразили непримиримыми врагами казачества. Отец главного героя, командира красных партизан Романа Улыбина (актер В. Соломин) – георгиевский кавалер и вахмистр Северьян Улыбин (актер П. Шелохонов), погибает от руки есаула (актер И. Дмитриев) только за то, что не удержал сына при себе, в стане белых. Опытный и авторитетный станичный атаман Елисей Каргин (актер Е. Копелян) проходит через страшное унижение: колчаковцы наказывают его, так как атаман не указал семьи, в которых сыновья ушли к красным, – устраивают публичную порку шомполами. После чего зрители видят опозоренного Елисея Каргина в слезах и смятении.

В марте 1973 г. на экраны страны вышел фильм «И на Тихом океане...» (режиссер Ю.С. Чулюкин; киностудия «Мосфильм»), снятый по произведениям советского писателя В.В. Иванова.

В отзыве художественного совета после просмотра картины отмечались убедительные и острохарактерные образы белых офицеров – капитана Незеласова (актер Н. Подгорный), прапорщика Обаба (актер Е. Шутов) и главнокомандующего генерала Дитерихса (актер С. Курилов). Но один из рецензентов сценария, член-корреспондент Академии Наук СССР, доктор исторических наук, профессор А.И. Крушанов в своем отзыве заметил: «Образ генерала Дитерихса сценаристы значительно облагородили. В действительности этот генерал в 1922 г. был дряхлым старцем, не способным осуществить поход «земской рати» на Москву. Надо его таким и в фильме показать. Эта сцена лишь покажет маразм высшего белогвардейского командования»⁴⁹.

Следует, хотя и постфактум, возразить советскому историку Гражданской войны на востоке России. Во-первых, действительно, генерал М.К. Дитерихс в 1922 г. являлся уже немолодым человеком в возрасте 48-им лет, но все же никак не «дряхлым старцем»⁵⁰. Во-вторых, он и его соратники в это время, учитывая реальную обстановку в России, явно не помышляли о походе на красную Москву в ближайшем будущем. Основную задачу, которую они себе ставили, – это удержать в своих руках Приморье⁵¹.

Приключенческая картина «Свой среди чужих, чужой среди своих» (режиссер Н.С. Михалков; киностудия «Мосфильм», 1974 г.), построенная по канонам вестерна, представила зрителям двух бывших белых офицеров, вступивших в отчаянную схватку друг с другом ради золота.

Первый из них – есаул (актер Н. Михалков), главарь банды, грабившей поезда на просторах Сибири. Он одновременно и жесток, и романтичен. Часто вспоминает свое благопристойное дворянское детство. Даже в собственной банде по духу он чужой, он выше людей, которыми командует. Однако раз уж речь зашла о золоте, есаул готов на все, чтобы его заполучить и уйти за кордон.

Другой «белогвардеец» – ротмистр Лемке (актер А. Кайдановский), служивший в частях генерала Каппеля. Он красив, умен, решителен. После разгрома белых ротмистр не ушел вместе со своими соратниками за пределы России. Создав группу отчаянных головорезов, Лемке охотится за золотом и готов убить любого, кто встанет на его пути. Итак, перед нами не патриот и боевой офицер, а деградировавший делец с горящими глазами, мечтавший о шикарной жизни за границей с ворованными драгоценностями.

Однако и есаул, и Лемке терпят поражение в борьбе с чекистом Е. Шиловым (актер Ю. Богатырев), и золото возвращается «трудовому народу».

Запоминающийся, яркий образ белого офицера в фильме «Ищи ветра...» (режиссер В. Любомудров; Свердловская киностудия, 1978 г.) создал актер А. Пороховщиков. Сценарно-редакционная коллегия Госкино СССР перед выходом фильма в прокат в своем заключении отметила этот образ как удачный⁵².

Хотя в целом картина получилась невысокого художественного уровня, отдельные кинокритики отмечали профессионализм Пороховщикова. Так, одна из них подчеркивала, что «актер честно сражался с однозначностью, которым пронизан и сценарий, и характер его героя, белогвардейского капитана. В жестокости, ставшей для капитана нормой, исполнитель нащупал корни этого извращенного взгляда на жизнь. Человеком руководила жажда мести. Он мстил за то, что действительность вынуждает его считаться с «чернью». В то же время его гнетет тщетность усилий в борьбе с большевиками, предощущение близкого конца – он становится еще более циничным и беспощадным...»⁵³

Пороховщикову удалось изобразить умного и жестокого врага Советской власти. Его фраза «нынче Бог на стороне тех, кто его отвергает» еще раз подчеркивает трагизм положения, в котором оказался он и его соратники. Даже смерть капитан встречает без особого страха, мужественно и достойно. Закурив сигарету и отвернувшись от своего врага, за несколько секунд до рокового выстрела он бредет по степи, мысленно прощаясь с этим миром.

Предки актера по мужской линии служили офицерами в русской императорской армии и пострадали от Советской власти. В семье Пороховщикова о них всегда помнили. Понятно, что эта роль оказалась ему исключительно близка.

В фильме, в одном из немногих на советском экране, неоднозначно показаны казаки, сражавшиеся против красных. Сначала они отказались по приказу капитана расстрелять табун лошадей и убили урядника, а впоследствии присоединились к большевикам. Один из казаков при этом произносит: «Русские мы, и дорога у нас, видать, одна».

Но такая тенденция в изображении на экране «белоказаков», как ненадежной силы в стане белых, не стала тогда определяющей.

Так, фильм «Поговорим, брат...» (режиссер Ю.С. Чулюкин; киностудия «Мосфильм», 1979 г.) о гражданской войне на Дальнем Востоке, снятый по мотивам рассказов А.А. Фадеева, демонстрирует жестокость и озлобленность забайкальских казаков даже в отношении гражданского населения. Они, врываясь в деревни, готовы убивать, грабить, насиловать.

Показателем радикальной перемены в осмыслении образов вождей Белого движения стал фильм «Моонзунд» (режиссер А. Муратов) созданный в 1987 г., уже в условиях начавшейся «перестройки» и вырывавшейся из-под контроля КПСС «гласности».

Фильм, снятый по мотивам одноименного романа В. Пикуля, повествует об одном из эпизодов Первой мировой войны на Балтике. Среди персонажей второго плана фигурирует вице-адмирал А.В. Колчак (актер Ю. Беляев), новый командующий Балтийским флотом. Он представлен в позитивных тонах, прежде всего как патриот своего Отечества.

В 1990 г. во всесоюзный прокат вышел фильм «Повесть непогашенной луны» (режиссер Е.В. Цымбал; киностудия «Мосфильм»), экранизация одноименной повести репрессированного писателя Б.А. Пильняка.

В картине речь идет о последних днях наркома по военным и морским делам Гаврилова (актер В. Стеклов), прототипом которого являлся М.В. Фрунзе. Заключительные кадры фильма – документальные: похороны знаменитого советского военачальника.

Через весь фильм проходят травматические воспоминания Гаврилова об одном эпизоде Гражданской войны на Восточном фронте, которые не дают ему покоя. Тогда командир Богданов (актер С. Гармаш) со своим эскадром захватил на реке Белой во время наступления на Уфу две баржи, взяв при этом в плен более сотни колчаковцев. Среди них зрители видят как опытных офицеров с мужественными лицами, так и безусых юнцов в форме юнкеров и даже священника с гордо поднятой головой. Командарм Гаврилов, угрожая трибуналом, приказал Богданову срочно, в течение часа, подготовить баржи под погрузку артиллерийских орудий, дав понять, что пленные не нужны. Чтобы сэкономить патроны, пленников со связанными колючей проволокой руками бросали прямо с баржи в воду, а кто выплывал, тех добивали баграми.

Эта сцена вновь и вновь всплывала в памяти Гаврилова. Даже когда он умирал на больничной койке.

Так в условиях гласности, ставшей реальностью последних лет советской эпохи, зрители впервые увидели на экране кровавые лики красного террора. Если раньше «баржи смерти» являлись олицетворением лишь террора «белогвардейщины», то теперь «обличающий перст» игрового кино указал в противоположную сторону. «Баржи смерти» создатели фильма сделали олицетворением злодеяний большевиков. А попавшие в плен белые воины предстали жертвами неоправданной жестокости.

Этот кинообраз красного террора был призван раскрыть глаза советскому зрителю на историческую истину: для людей, переступивших через человеческую кровь, возмездие неотвратимо. Гаврилов погиб на операционном столе не только в результате интриги «кремлевского горца», но и потому, что запятнал себя кровью соотечественников, сражавшихся за «белую» Россию. Он и сам осознает это...

Картина «Повесть непогашенной луны» получила специальный приз «Серебряный орел» в 1992 г. на Международном кинофестивале в Рюэй-

Мальмезоне (Франция) и была отмечена как лучший полнометражный фильм на Международном кинофестивале в Трое (Турция).

Так в годы «перестройки» в историческом игровом кино начался кардинальный поворот в трактовке белых и оценки их деяний.

* * *

После выхода фильма «Чапаев» прошло более полувека.

Горбачевская «перестройка» стремительно меняла страну, людей, их взгляды.

В феврале 1990 г. в Москве произошло примечательное событие: в Доме кино, тогдашней цитадели интеллигентского свободомыслия, состоялся вечер, посвященный трагедии Белого движения. Название ему подобрали образное: «Белая стая». Большой зал был забит битком.

Начался вечер с показа отрывка из «Чапаева» – той самой «психической атаки» каппелевцев. И когда на огромном экране впервые появились бесстрашно, во весь рост шагающие белогвардейцы, в зале раздались аплодисменты, люди один за другим поднимались со своих мест. Через несколько секунд каппелевцы опять появились на экране – вставали уже группами, аплодисменты стали гуще. В третий раз появились – добрая треть зала дружно встала, аплодисменты заглушили барабанную дробь. Так, стоя и аплодируя восторженно, люди в зале приветствовали белогвардейцев на экране.

Татьяна Толстая, приглашенная выступить на вечере, вышла на сцену и назвала эти аплодисменты «холоуйскими». «Последняя графиня Толстая», как назвала она себя, выступила за то, чтобы «прекратить разводить по разные стороны баррикад» граждан одной страны, перестать «натравливать их друг на друга», преодолеть «классовую ненависть», иначе «мы все свалимся в пропасть». По сути, она предложила, и в этом ее многие поддержали, примирить «красных» и «белых».

Другой взгляд на проблему предложил залу историк Белого движения С.В. Карпенко (в журналистском очерке он был ошибочно назван Сергеем Котенко): «...Нам сегодня важно не сделать белых братьями красных, а понять, в чем состояла трагедия этих людей. Людей, считавших себя солью России и оказавшихся Россией отвергнутыми...» Ими двигала «классовая месть». И прежде чем красных и белых примирять, надо «разобраться, кого и с кем мирить», ибо «мы не знаем ни белых, ни красных»⁵⁴.

Представляется, историческое игровое кино о Гражданской войне способно сделать то и другое. И примирить «красных» и «белых» русских людей. И проникнуть в их внутренний мир, понять их восприятие трагических событий Гражданской войны, мотивы их «классовой ненависти» и «классовой мести».

Примечания

¹ Блейман М.Ю. «Сорок первый» // Блейман М.Ю. О кино – свидетельские показания. М., 1973. С. 80–81; Ленинградская правда. 1927. 17 марта.

Bleyman M.Yu. «Sorok pervyy» // Bleyman M.Yu. O kino – svidetelskie pokazaniya. Moscow, 1973. P. 80–81; Leningradskaya pravda. 1927. March 17.

² Шнейдерман И.И. Григорий Чухрай. Л.; М., 1965. С. 35; Кино. 1927. 12 марта. *Shneyderman I.I. Grigoriy Chukhray. Leningrad; Moscow, 1965. P. 35; Kino. 1927. March 12.*

³ История советского кино. Т. 2. М., 1973. С. 68; Зоркая Н.М. Советский историко-революционный фильм. М., 1962. С. 131.

Istoriya sovetskogo kino. Vol. 2. Moscow, 1973. P. 68; Zorkaya N.M. Sovetsky istoriko-revolutsionny film. Moscow, 1962. P. 131.

⁴ Марголит Е., Шмыров В. (Из' ятое кино): Каталог советских игровых картин, не выпущенных во всесоюзный прокат по завершении производства или изъятых из действующего фильмофонда в год выпуска на экран (1924 – 1953). М., 1995. С. 34–35; Кремлевский кинотеатр, 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 201.

Margolit E., Shmyrov V. (Iz' yatoe kino): Katalog sovetskikh igrovykh kartin, ne vypushchennykh vo vsesoyuznyy prokat po zavershenii proizvodstva ili izyatykh iz deystvuyushchego filmofonda v god vypuska na ekran (1924 – 1953). Moscow, 1995. P. 34–35; Kremlevsky kinoteatr, 1928–1953: Dokumenty. Moscow, 2005. P. 201.

⁵ Кондаков Ю.Е. Гражданская война на экране: Белое движение (эпоха немого кино) // Клио. 2007. № 4. С. 90–91.

Kondakov Yu.E. Grazhdanskaya voyna na ekrane: Beloe dvizhenie (epokha nemogo kino) // Klio. 2007. No. 4. P. 90–91.

⁶ Партия о кино. М., 1939. С. 42–43.

Partiya o kino. Moscow, 1939. P. 42–43.

⁷ Васильев Г.Н., Васильев С.Д. «Чапаев» Фурманова и «Чапаев» на экране // Васильев Г.Н., Васильев С.Д. Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 136–137.

Vasilev G.N., Vasilev S.D. «Chapaev» Furmanova i «Chapaev» na ekrane // Vasilev G.N., Vasilev S.D. Sobr. soch. Vol. 2. Moscow, 1982. P. 136–137.

⁸ Андроникова М.И. От прототипа к образу: К проблеме портрета в литературе и кино. М., 1974. С. 96; Балмасов С.С. Лбищенский рейд и уничтожение штаба Чапаева 5 сентября 1919 г. // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 75–77.

Andronikova M.I. Ot prototipa k obrazu: K probleme portreta v literature i kino. Moscow, 1974. P. 96; Balmasov S.S. Lbishchensky reyid i unichtozhenie shtaba Chapaeva 5 sentyabrya 1919 g. // Belaya gvardiya. 2001. No. 5. P. 75–77.

⁹ Илларион Николаевич Певцов: Литературно-театральное наследие. Воспоминания о Певцове. М., 1978. С. 93.

Illarion Nikolaevich Pevtsov: Literaturno-teatralnoe nasledie. Vospominaniya o Pevtsove. Moscow, 1978. P. 93.

¹⁰ Власов М.П. Советский исторический и историко-революционный фильм. М., 1962. С. 16; Илларион Николаевич Певцов... С. 341; Юренев Р.Н. Краткая история советского кино. М., 1979. С. 86; Юренев Р.Н. Книга фильмов: Статьи и рецензии разных лет. М., 1981. С. 29, 33; Зоркая Н.М. Крутится, вертится шар голубой... Десять шедевров советского кино. М., 1998. С. 85–86.

Vlasov M.P. Sovetsky istorichesky i istoriko-revolutsionny film. Moscow, 1962. P. 16; Illarion Nikolaevich Pevtsov... P. 341; Yurenev R.N. Kratkaya istoriya sovetskogo kino. Moscow, 1979. P. 86; Yurenev R.N. Kniga filmov: Stati i retsenzii raznykh let. Moscow, 1981. P. 29, 33;

- Zorkaya N.M. Krutitsya, vertitsya shar goluboy... Desyat shedevrov sovetskogo kino. Moscow, 1998. P. 85–86.
- ¹¹ Kenez P. Cinema and Soviet Society, 1917–1953. Cambridge (Mass.), 1992. P. 176.
- ¹² Васильев С.Д. Беседа в государственном институте кинематографии // Васильев Г.Н., Васильев С.Д. Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 162.
- Vasilev S.D. Beseda v gosudarstvennom institute kinematografii // Vasilev G.N., Vasilev S.D. Sobr. soch. Vol. 2. Moscow, 1982. P. 162.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 719. Л. 72.
- Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 2733. Op. 1. D. 719. L. 72.
- ¹⁴ Волков Е.В. Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев» // Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 539.
- Volkov E.V. Obraz kappelevtsev v filme bratev Vasilevykh «Chapaev» // Kappel i kappelevtsy. Moscow, 2003. P. 539.
- ¹⁵ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930 – 1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 45.
- Bagdasaryan V.E. Obraz vruga v istoricheskikh filmakh 1930 – 1940-kh godov // Otechestvennaya istoriya. 2003. No 6. P. 45.
- ¹⁶ История советского кино. Т. 2. С. 116.
- Istoriya sovetskogo kino. Vol. 2. P. 116.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 719. Л. 12.
- RGALI. F. 2733. Op. 1. D. 719. L. 12.
- ¹⁸ Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 182; «А дряни подобно “Гармонь” больше не ставите?..»: Записи бесед Б.З. Шумяцкого с И.В. Сталиным после кинопросмотров, 1934 // Киноведческие записки. 2002. № 61. С. 284; «Картина сильная, хорошая, но не “Чапаев”...»: Записки бесед Б.З. Шумяцкого с И.В. Сталиным после кинопросмотров, 1935 – 1937 // Киноведческие записки. 2003. № 62. С. 116.
- Gromov E.S. Stalin: vlast i iskusstvo. Moscow, 1998. P. 182; «A dryani podobno “Garmon” bolshe ne stavite?..»: Zapiski besed B.Z. Shumyatskogo s I.V. Stalinym posle kinoprosmotrov, 1934 // Kinovedcheskie zapiski. 2002. No. 61. P. 284; «Kartina silnaya, khoroshaya, no ne “Chapaev”...»: Zapiski besed B.Z. Shumyatskogo s I.V. Stalinym posle kinoprosmotrov, 1935 – 1937 // Kinovedcheskie zapiski. 2003. No. 62. P. 116.
- ¹⁹ «А дряни подобно “Гармонь” больше не ставите?..»: С. 309–310, 313, 314, 322–323, 329, 334; «Картина сильная, хорошая, но не “Чапаев”...»: С. 153, 169.
- «A dryani podobno “Garmon” bolshe ne stavite?..»: P. 309–310, 313, 314, 322–323, 329, 334; «Kartina silnaya, khoroshaya, no ne “Chapaev”...»: P. 153, 169.
- ²⁰ Братья Васильевы: жизнь и творчество. М., 1978. С. 90.
- Bratya Vasilevy: zhizn i tvorchestvo. Moscow, 1978. P. 90.
- ²¹ Партия о кино. С. 44–45; Культурная жизнь в СССР: Хроника, 1928 – 1941. М., 1976. С. 442.
- Partiya o kino. P. 44–45; Kulturnaya zhizn v SSSR: Khronika, 1928 – 1941. Moscow, 1976. P. 442.
- ²² Зоркая Н.М. История советского кино. СПб., 2006. С. 220.
- Zorkaya N.M. Istoriya sovetskogo kino. St. Petersburg, 2006. P. 220.
- ²³ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 180, 185.
- Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Moscow, 1990. P. 180, 185.
- ²⁴ Партия о кино. С. 135–138; Михайлов В. Сталинская модель управления кинематографом // Кино: политика и люди (30-е годы). М., 1995. С. 23.
- Partiya o kino. P. 135–138; Mikhaylov V. Stalinskaya model upravleniya kinematografom // Kino: politika i lyudi (30-e gody). Moscow, 1995. P. 23.
- ²⁵ Шнейдерман И.И. Указ. соч. С. 46; Зоркая Н.М. Портреты. М., 1966. С. 263.
- Shnejderman I.I. Op. cit. P. 46; Zorkaya N.M. Portrety. Moscow, 1966. P. 263.
- ²⁶ Стенограмма заседания художественного совета киностудии «Мосфильм», 1956 г. // Киноведческие записки. 2002. № 61. С. 72, 73, 77.
- Stenogramma zasedaniya khudozhestvennogo soveta kinostudii «Mosfilm», 1956 g. // Kinovedcheskie zapiski. 2002. No. 61. P. 72, 73, 77.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 874. Л. 6–7.
- RGALI. F. 2923. Op. 1. D. 874. L. 6–7.
- ²⁸ Там же. Л. 13.
- Ibidem. L. 13.
- ²⁹ Там же. Л. 19.
- Ibidem. L. 19.
- ³⁰ Там же. Л. 34.
- Ibidem. L. 34.
- ³¹ Аннинский Л.А. Шестидесятники и мы: Кинематограф, ставший и не ставший историей. М., 1991. С. 19.
- Anninsky L.A. Shestidesyatniki i my: Kinematograf, stavshiy i ne stavshiy istoriey. Moscow, 1991. P. 19.
- ³² Сибирцев Г. Четыре роли Олега Стриженова // Советский экран. 1957. № 16. С. 8.
- Sibircev G. Chetyre roli Olega Strizhenova // Sovetsky ekran. 1957. No. 16. P. 8.
- ³³ Юренев П.Н. Книга фильмов... С. 183.
- Yurenev P.N. Kniga filmov... P. 183.
- ³⁴ Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М., 1998. С. 381.
- Kinematograf ottepeli: Dokumenty i svidetelstva. Moscow, 1998. P. 381.
- ³⁵ Стриженов О.А. Исповедь. М., 2001. С. 21, 90.
- Strizhenov O.A. Isповed. Moscow, 2001. P. 21, 90.
- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Д. 426. Л. 23.
- RGALI. F. 2468. Op. 2. D. 426. L. 23.
- ³⁷ Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог (1958 – 1963). Т. 4. М., 1968. С. 513–514.
- Sovetskie khudozhestvennye filmy: Annotirovannyi katalog (1958 – 1963). Vol. 4. Moscow, 1968. P. 513–514.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 940. Л. 12.
- RGALI. F. 2944. Op. 4. D. 940. L. 12.
- ³⁹ Там же. Л. 4–5.
- Ibidem. L. 4–5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 50.
- Ibidem. L. 50.
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 6. Д. 339. Л. 12–13.
- RGALI. F. 2468. Op. 6. D. 339. L. 12–13.
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 2944 Оп.1. Д. 1227. Л. 5.
- RGALI. F. 2944. Op. 1. D. 1227. L. 5.
- ⁴³ Там же. Л. 6.
- Ibidem. L. 6.
- ⁴⁴ Там же. Л. 51–52.
- Ibidem. L. 51–52.
- ⁴⁵ Орлов В. Сражение выигрывает Фрунзе // Советский экран. 1968. № 21. С. 7.
- Orlov V. Srazhenie vyigryvaet Frunze // Sovetsky ekran. 1968. No. 21. P. 7.
- ⁴⁶ Dunlop J.B. The New Russian Nationalism. Washington, 1985. P. 56; Petro N. The rebirth of Russian Democracy: an interpretation of political culture. Cambridge; L., 1995. P. 112–113.

⁴⁷ Власов М.П. Советское кино 70-х – первой половины 80-х годов. М., 1997. С. 146–147.

Vlasov M.P. Sovetskoe kino 70-kh – pervoy poloviny 80-kh godov. Moscow, 1997. P. 146–147.

⁴⁸ Маркова Ф. И сюжет, и характер // Советский экран. 1971. № 7. С. 3.

Markova F. I syuzhet, i kharakter // Sovetskiy ekran. 1971. No. 7. P. 3.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 2366. Л. 2, 8, 60, 63, 64.

RGALI. F. 2944. Op. 4. D. 2366. L. 2, 8, 60, 63, 64.

⁵⁰ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 85.

Volkov E.V., Egorov N.D., Kuptsov I.V. Belye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoj voyny: Biografichesky spravochnik. Moscow, 2003. P. 85.

⁵¹ Цветков В.Ж. Разгромили атаманов, разогнали воевод // Родина. 1997. № 11. С. 42–45;

Cvetkov V.Zh. Razgromili atamanov, razognali voevod // Rodina. 1997. No. 11. S. 42–45; Cипкин Ю.Н. Приморье: последний оплот Белого движения в России (1920 – 1922) // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 99–118.

Tsvetkov V.Zh. Razgromili atamanov, razognali voevod // Rodina. 1997. No. 11. P. 42–45;

Tsipkin Ju.N. Primore: posledniy oplot Belogo dvizheniya v Rossii (1920 – 1922) // Belaya armiya. Beloe delo. 1997. No. 4. P. 99–118.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 4346. Л. 21.

RGALI. F. 2944. Op. 4. D. 4346. L. 21.

⁵³ Лындина Э. Легко ли держать паузу? // Советский экран. 1986. № 23. С. 16–17.

Lundina E. Legko li derzhat pauzu? // Sovetskiy ekran. 1986. No. 23. P. 16–17.

⁵⁴ Дацкевич А. Белая стая // Дом кино. 1990. Март. С. 8–9, 12.

Datskevich A. Belaya staya // Dom kino. 1990. Mart. P. 8–9, 12.

Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917 – 1920 гг. М.: Содружество «Посев», 2012. – 704 с.

Листая книгу Руслана Гагкуева, можно порадоваться уже одному: пришли времена, когда издание «капитальных монографий» по истории Белого движения стало делом обыденным. Три десятка лет назад первые энтузиасты, почитатели «белой гвардии, черного барона», могли об этом только мечтать. Впрочем, мечты не беспочвенными были: уже вышел, в 1977-м, «Крах российской монархической контрреволюции» Генриха Зиновьевича Иоффе...

Из всего многообразия проблематики истории Белого движения Руслан Гагкуев в качестве предмета исследования выбрал «военное строительство, источники комплектования и социальный состав» Добровольческой армии, Вооруженных сил на юге России и Русской армии с конца 1917 до конца 1920 гг. Оригинальным этот выбор не назовешь. Вопросы организации, формирования и социального состава вооруженных сил генеральских диктатур стали, пожалуй, самыми привлекательными и важными для первого, «послебрежневского», поколения советских историков Белого движения. И это вполне понятно: хотелось поскорее опровергнуть большевистскую оценку (точнее – сотворенный миф, навешенный ярлык) «белогвардейщины» как силы сугубо «буржуазно-помещичьей», «антинародной», «реакционной», а потому «самим ходом истории» якобы «обреченной на поражение». И вышло уже немало работ – и статей, и книг, – в которых раскрываются эти сюжеты, что является из обстоятельного историографического обзора, предвещающего основную часть новой монографии.

Но сказать, что Руслан Гагкуев пошел по широкой, хорошо утоптанной предшественниками тропе было бы несправедливо. Похоже, он сделал свой выбор, намереваясь проанализировать этот сложный комплекс вопросов предельно широко и глубоко. С одной стороны, с учетом всех достижений отечественной историографии, с другой – насколько позволяют введенные ныне в научный оборот многообразные опубликованные источники и сохранившиеся (увы, крайне фрагментарно) архивные документы.

Рассматривая наравне с «добровольческими» формированиями также и казачьи – донские, кубанские, терские, – автор сосредоточил внимание на «цветных» полках Добровольческой армии. Считая их «своеобразным стержнем Белого движения» (с. 44), он попытался прежде всего именно на их истории, на их боевом пути рассмотреть вопросы «военного строительства, источников комплектования и социального состава» Белого движения на юге России. С таким выбором, как и с авторскими аргументами в его пользу, согласиться можно. Но вот с чем, думается, согласиться нельзя никак: сведением комплекса вопросов «военного строительства» к формированию, комплектованию и социальному составу войсковых частей, по сути – к «полковой истории».

С особой обстоятельностью, комплексно, со многими подробностями, с учетом специфики «места и времени действия» рассмотрены в книге ключевые моменты избранного предмета исследования: поступление в белые части добровольцев, прием на службу офицеров бывшей императорской армии («политика в отношении офицерства»), проведение мобилизаций на занимаемых территориях, борьба с дезертирством, постановка в строй пленных красноармейцев, численность и социальный состав войсковых частей. Рассмотрены, строго следуя проблемно-хронологическому принципу и четко выстроенной в соответствии с ним структуре книги: от первых дней основания Добровольческой армии на Дону до последних часов эвакуации Русской армии из Крыма.

Исключительную новизну и ценность представляет всестороннее раскрытие взаимосвязи между «мобилизационной политикой» и динамикой социального состава войсковых частей. В этом – большая удача автора, профессионально справившегося со столь сложным материалом.

Что подкупает в книге Руслана Гагкуева – академическая манера исследования и стиль изложения. Добросовестно и тщательно отобраны и систематизированы факты, цифры, оценки и мнения участников событий (обычно в виде цитат). И все это – с предельным вниманием и уважением к работам предшественников: к собранному ими фактическому материалу, к их подходам и видению предмета изучения, к их обобщениям и умозаключениям. Автору удалось создать убедительную в своей полноте и точности картину, причем картину не статичную, а постоянно меняющуюся, развивающуюся. Спокойный, вдумчивый, рассудительный тон автора гармонично дополняется его взвешенными, четко сформулированными оценками и выводами.

Особенно обращает на себя внимание скромность автора, редкая по нынешним временам. Он не выпячивает себя и свои «открытия». Не ставит вопросы так, будто они лишь одному ему пришли в голову и

лишь одному ему под силу их «поставить». И не дает на них ответы с упоительным самохвалством, призванным навязать читателям впечатление, будто только ему – «одному из самых крупных специалистов по истории Гражданской войны» – открылась истина, от прочих же она сокрыта высокой, непрошибаемой стеной бесталанности тех самых прочих.

Хотя, вероятно, среди историков-профессионалов найдутся и те, кто упрекнет Руслана Гагкуева в избытке тактичности, в уклонении от полемики с предшественниками и коллегами, от критического разбора их работ и взглядов. Но это, в конце концов, дело вкуса, научно-исследовательской культуры и личных пристрастий.

Вернемся к более важному – тому, что, на наш взгляд, является самым слабым местом и авторского замысла, и получившегося в результате многолетней работы текста, вынесенного на суд коллег по изучению Белого движения и широкой читательской аудитории.

Военное строительство (и в строгом военно-научном понимании этого словосочетания, и в самом расхожем, распространенном среди «штатских» историков) включает в себя, помимо прочего, создание аппарата военного управления (центрального, экстерриториального и местного), и системы учреждений тылового снабжения и обслуживания войск. А в случае с Белым движением – еще и учет, использование опыта организационно-штатных мероприятий, проводившихся Ставкой главкома в ходе Первой мировой войны, а также опыта ее взаимодействия с гражданскими ведомствами, что стало особенно важным для генеральских диктатур в условиях войны Гражданской. Без изучения всех этих сюжетов вряд ли возможно в полной мере оценить боеспособность и политико-моральное состояние белых армий.

Автор не стал в них углубляться. Возможно потому, что в противном случае книга вышла бы «неподъемной» во многих смыслах. Но тогда следовало аргументировано, веско обосновать именно такое, зауженное, понимание вынесенного в заголовок «военного строительства».

Столь же аргументированного обоснования требует и применение понятия «военная реформа» к «организационной перестройке армии», затеянной генералом П.Н. Врангелем в Крыму в апреле 1920 г. (с. 489). На наш взгляд – слишком громкое для наименования мер, к которым вынужденно прибег Врангель. Конечно, Руслан Гагкуев прав, утверждая, что дело отнюдь не свелось к заурядной «смене вывески», но и до «военной реформы» все же, думается, было очень далеко. Понятие «военная реформа» можно было бы использовать с натяжкой, если рассмотреть

еще и реорганизацию (в основном – упрощение, механическое сокращение) аппарата военного управления, что, впрочем, желаемого результата Врангелю не дало.

И последнее.

Книга Руслана Гагкуева сама по себе, всеми своими достоинствами и недоработками, наводит на мысль об исчерпанности такого подхода – капитального, «крупнопроблемного», «широким фронтом» – к изучению Белого движения в масштабах большого региона страны. Исчерпанности если и не полной, не совершенной, то уже ощутимо близкой. «Капитальность» в «белой» тематике – удел биографических справочников. Точнее, привилегия их авторов, взваливших на себя столь тяжкий груз, претендовать на таковую.

К настоящему времени уровень изученности «белых», вообще всех антибольшевистских сил, стараниями «белых» историков (и их издателей) решающим образом подтянулся к уровню изученности «красных». И, похоже, пришла пора по-новому исследовать экономические, социальные, политические, военные и духовные явления и процессы, составлявшие эпоху Гражданской войны. А именно: с одной стороны, сужать, заострять тематику исследований, с другой – переходить к сравнительному изучению «красных» и «белых» в контексте «калейдоскопической смены властей» в ходе «второй русской смуты» на конкретной, ограниченной территории, строго блюдя «единство места и времени действия». Даже – сводя исследование к формату «case studies», плохо еще освоенному нынешней российской исторической наукой, «заточенной» на защиту диссертаций и «соискание искомым ученых степеней». Скажем, изучение мобилизаций и борьбы с дезертирством будет, на наш взгляд, во всех отношениях гораздо более плодотворным, если сравнить «красный» и «белый» опыт по этой части на одной и той же территории губернского или областного масштаба.

Впрочем, мало изученные, но крайне важные темы по истории Гражданской войны были, есть и всегда найдутся. Нашлись бы историки подстать темам...

С.В. Карпенко

Булюлина Е.В. Местные государственные учреждения Советской России, 1917 – 1929 гг. (На материалах Нижнего Поволжья). Волгоград: Издательство Волгоградского госуниверситета, 2011. – 390 с.

Т.Г. Архипова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА 1920-х гг.

Историкам среднего поколения памятно время, когда история Советов была одним из популярнейших исследовательских сюжетов. Популярнее была, пожалуй, лишь партийная проблематика, которая часто рассматривалась в тандеме с советской.

Посвященные Советам работы стали выходить чуть ли не в первый год их существования¹. Написаны они были чаще всего практически работниками, непосредственно участвовавшими в советском строительстве. Тогда в такого рода работах решались не исследовательские, а пропагандистские задачи: необходимо было доказывать заявленное в свое время В.И. Лениным преимущество советской организации власти в сравнении с известными тогда формами парламентаризма. Отличия, конечно же, были: они задумывались как органы подлинного народовластия. В то же время советская система отвергала находивший в цивилизованном мире все большее число сторонников принцип разделения властей. Более того, Советы наделялись некоторыми функциями власти судебной.

Работы исследовательского характера стали появляться к концу 20-х гг. Их выход был обусловлен первым юбилеем Советской власти², который дал своего рода старт изучению Советов, хотя до обилия работ по их истории было еще очень далеко. Несмотря на наличие в некоторых из них довольно компетентного анализа организации и деятельности местных органов власти и управления, в них продолжали преобладать агитационно-пропагандистские сюжеты, идеологические штампы. В условиях формирования в стране новой, тоталитарной, политической системы иначе быть не могло.

Как известно, окончательное закрепление этой системы произошло с принятием Конституции СССР 1936 г. Оно положило конец разномыслию по этому поводу. Публикация «Краткого курса истории ВКП(б)» четко обозначила границы русла, в которых должны были осуществляться исследования истории революции и последующих событий. Подозрительно-недоверчивое отношение руководства страны к истори-

кам, резкое снижение «государственного заказа» на исторические исследования не могло не сказаться на количестве работ, непосредственно затрагивающих историю советского строительства.

В этих условиях выход в 1949 г. коллективной монографии «Очерки по истории органов Советской государственной власти» выглядел своего рода прорывом в царстве безмолвия, хотя с точки зрения историка она имела существенные недостатки. Дело в том, что у историков и правоведов (авторами монографии были именно правоведы) при общем объекте исследования (в данном случае – органы государственной власти) предметы изучения сильно разнятся. Правоведов интересует история правовой базы организации и деятельности госаппарата, а историков ее воплощение в жизнь.

Для историков большое значение имела критика культа личности В.И. Сталина и последовавшая за ней так называемая оттепель. Появилась возможность введения в научный оборот недоступных прежде источников. Это позволило несколько по-иному взглянуть на историю страны в целом и историю советского строительства в частности. Выявились не всегда безошибочные и безболезненные действия органов власти на пути строительства нового общественного и государственного строя, хотя концептуальная его составляющая не могла быть предметом критики.

Появились первые работы видного отечественного историка Е.Г. Гимпельсона, правоведа А.И. Лепешкина и других авторов³. (Здесь называются крупные работы, внесшие существенный вклад в изучение истории Советов).

Бурный расцвет историографии Советов пришелся на вторую половину 60-х – вторую половину 80-х гг. Старт ее развитию в это десятилетие был дан накануне 50-й годовщины празднования Октябрьской революции. Изучение истории Советов строилось весьма своеобразно: от общего к частному. Историки и правоведы и в этом случае шли рука об руку⁴. Вышедшими тогда работами по общей истории Советов определялось направление дальнейшего их изучения. Затем началось исследование истории региональных органов власти в разные периоды их существования.

Особенно повезло истории Советов в годы Великой Отечественной войны. Историки по вполне понятным причинам (государство нуждалось в укреплении такой составляющей идеологии как советский патриотизм) «получили заказ» на разработку истории этих чрезвычайных лет. Ежегодно накануне дня Победы организовывались научные конференции, наиболее масштабные из них проводились в юбилейные годы. Проблематика войны стала весьма и весьма благодарной. Произошло со-

впадение интересов государства и народа, поэтому какая-либо критика действий власти в период войны просто не допускалась.

Соответственно активизировали свою работу и историки Советов. Сам материал «шел им в руки»: в военное время органы власти на местах сумели реализовать значительную часть своих потенциальных возможностей, которые в предвоенные годы в силу сложившегося положения вещей не могли быть реализованы. Изучались организация Советов и их деятельность в самых разных областях – военной, хозяйственной, социальной, культурной и т.п. Особой популярностью, естественно, пользовалась проблематика помощи фронту. Было написано огромное число монографий и статей, защищено большое количество кандидатских и докторских диссертаций. В разработку истории Советов в годы войны внес свою лепту и автор этой рецензии⁵.

В тоже время в эти годы возродился интерес к истории советского строительства первых послереволюционных лет. Действительно, как происходил слом старого государственного аппарата? Сколь решительным и полным он был, да и был ли этот самый слом вообще? Что случилось со старым чиновничеством? Как удалось в условиях Гражданской войны удержать доставшуюся без больших усилий власть? Именно на эти вопросы искали ответы историки. Продолжил свой ряд работ Е.Г. Гимпельсон⁶. Начал работу над историей Московского Совета Н.М. Алещенко – в 1976 г. вышла его первая книга⁷. Появились крупные работы о Советах Сибири, Поволжья, других регионов страны⁸. Продолжалось изучение истории Советов послевоенного периода.

В этих работах концептуальные вопросы организации и деятельности Советов критике не подвергались, отмечались лишь отдельные недостатки как отражение искажений генеральной линии правящей партии. Большую трудность представлял анализ правовой базы организации и деятельности Советов для правоведов. При возрастании руководящей роли партии на путях строительства нового общества чуть ли не ежегодно принимались акты различной юридической силы, направленные на усиление роли Советов. Между тем в реальной жизни роль эта все больше теряла свое значение. Советы становились ширмой, за которой партия-кукловод «рукой водила» и ни за что не отвечала. Такое положение вещей привело к тому, что правоведы, во многом обходившие и прежде проблемы деятельности Советов, продолжили эту традицию.

Во второй половине 1980-х гг., в условиях перестройки и гласности, историки, не отвергая концептуальных основ организации и деятельности Советов, заговорили об ошибках в их реализации. Лозунг «Вся власть Советам!» возродился не на пустом месте. Однако политики стали в массовом порядке отвергать их опыт. Это позволило острословам гово-

речь, что «центр антисоветизма переместился на родину Советов». В это время, казалось, историки потеряли интерес к советской проблематике. Думается, что это не так. Возможность освободиться от идеологического диктата, восполнить (с привлечением новых источников) существенные пробелы позволила критически осмыслить советскую историю. На это требовалось время.

Провозглашенный тогда принцип плюрализма научного мнения обусловил появление работ, содержащих весьма противоречивый спектр оценок политики большевиков – от огульной критики до апологетизации. Публикации видных историков по этой причине задерживались, зато получили распространение работы публицистов с весьма поверхностными знаниями по истории, критикующих все действия власти (да и народа) в советский период. Критическому переосмыслению подверглись и годы Великой Отечественной войны.

Трудно поддержать точку зрения тех, кто категорично говорит и пишет о кризисе отечественной исторической науки: просто при отсутствии интереса государства к историческим исследованиям у историков не было стимула (в том числе и материального) заниматься сюжетами прошлого.

Как известно, лидеры новой России озаботились поиском национальной идеи, консолидирующей россиян. В свою очередь поиск ее патриотической составляющей в начале нового тысячелетия привел их к «формированию заказа» на изучение прошлого страны, в том числе и советского прошлого. Это привело к появлению новых работ по отечественной истории, включая историю Советов⁹. Защищено уже несколько диссертаций по проблемам регионального масштаба – кандидатских и докторских, так или иначе связанных с советской проблематикой.

Рецензируемая монография Е.В. Булюлиной, основа ее недавно защищенной докторской диссертации, – в ряду этих новых работ.

Целью предпринятого Е.В. Булюлиной исследования стало комплексное изучение и анализ исторического опыта формирования и деятельности местных органов государственной власти и управления Нижнего Поволжья в 1917–1929 гг. Объектом – система этих органов в заявленный период. Предметом – процессы их становления, функционирования и трансформации.

Выбор хронологических и территориальных рамок исследования, с нашей точки зрения, сомнений не вызывает. Первые охватывают период от прихода большевиков к власти до начала свертывания нэпа, вторые включают Астраханскую, Саратовскую и Царицынскую губернии, объединенные в 1928 г. в Нижневолжскую область, а затем в Нижневолжский край, представлявший собой один из крупных регионов Рос-

сии со специфическим географическим положением и многоотраслевой экономикой. На территории Нижнего Поволжья в тот период имели место и события, характерные для всей страны, и события регионального значения, определившие особенности строительства местных советских органов.

Не вызывает сомнения и избранный автором методологический инструментарий для проведения исследования.

Цель обусловила задачи исследования: проанализировать процесс сращивания партийного и государственного аппарата на региональном уровне; выявить структуру и главные направления деятельности местных органов власти и управления; сгруппировав местные государственные учреждения по отраслям деятельности и видам, рассмотреть их основные функции; установить причины и обстоятельства изменения форм и методов деятельности местных органов власти и управления в конкретных исторических условиях; раскрыть механизм взаимодействия различных компонентов системы местных органов власти и управления, а также местных и центральных органов в процессе осуществления государственной политики; определить эффективность работы местных органов власти и управления.

В таком плане и объеме проблема рассматривается впервые.

Исследование выполнено на весьма широкой историографической и источниковой базе.

Первая представлена работами специалистов разных областей гуманитарного знания. Следует сразу же отметить весьма деликатное отношение автора к своим предшественникам – оно и критичное, и уважительное. Е.В. Булюлина пытается, причем весьма успешно, присовокупить их изыскания и выводы к своим, в той их части, которую она разделяет.

Источниковая же база представлена большим массивом опубликованных и неопубликованных источников. Здесь достаточно отметить то обстоятельство, что автор использовал материалы около 140 фондов, хранящихся в девяти архивах Российской Федерации и ее субъектов. Это позволило автору использовать самые разные их виды (от официальных правовых и иных актов до делопроизводственных документов), анализируя факты и события и «извне», и «изнутри». Работающие с архивными документами историки знают, сколько единиц хранения надо просмотреть для того, чтобы отыскать нужную крупинку информации.

Собственно исследованию предпослано введение со всеми необходимыми в таких случаях составляющими. Не подвергая сомнению избранный автором периодизацию историографии, тем более что она имеет своих сторонников, следует отметить ее излишнюю дробность. Кон-

цептуальные вопросы организации и деятельности Советов до середины 1980-х гг. сомнению не подвергались, да и в более поздние годы сомнения историков коснулись скорее не собственно концепции, а ее реализации. Их опыт чуть ли не в массовом порядке стали отвергать политики (историки были более осторожны), что, как отмечалось выше, привело к очередной приостановке развития историографии Советов.

Основное содержание работы изложено в четырех ее главах.

1-я названа «Партийно-советский аппарат». Вполне закономерно, что 1-й ее параграф посвящен проблемам административно-территориального деления Нижнего Поволжья в рассматриваемый период: от него напрямую зависит размещение местных органов власти и управления. Здесь автор анализирует эволюцию политики новой власти в этом вопросе, справедливо отмечая, что в первые годы Советской власти вносились лишь некоторые изменения в дореволюционную систему административно-территориального устройства. Осуществлялись они по линии изменения сети губерний, уездов и волостей путем выделения новых административно-территориальных единиц, перемещения их центров, уточнения границ, создания национально-государственных формирований, образования отдельных областных объединений, охватывающих группы губерний. Начавшаяся в первой половине 1920-х гг. подготовительная работа по переходу к экономическому районированию и упразднению уездов и волостей произошла во второй их половине.

2-й параграф посвящен установлению Советской власти в Нижнем Поволжье. С помощью выявленных источников автор доказывает, что возникшие в марте 1917 г. Советы и их исполнительные комитеты существовали наряду с сохранявшимися органами местного самоуправления, созданными еще до падения самодержавия. Далее автор показывает особенности установления Советской власти в разных регионах Нижнего Поволжья, отмечая, что Советы как новые органы власти сформировались здесь к началу января 1918 г.¹⁰ На конкретных примерах автор показывает, что слом старого государственного аппарата темпы набирал постепенно и завершился в основном в первой половине 1918 г. Этот факт, как известно, был закреплен первой советской Конституцией.

Следующим разделом главы стал параграф о партийных организациях на местах. В нем прослеживается эволюция большевистских партийных органов от «передового отряда пролетариата» к «партии, стоящей у власти и держащей в своих руках весь Советский аппарат» на примере местных партийных комитетов Нижнего Поволжья. Автор доказывает, что процесс сращивания партийного аппарата с государственным не был одномоментным и проходил в условиях разногласия по этому поводу даже в среде большевиков. Однако процессу сращивания предшество-

вал процесс овладения Советами. К сожалению, автор только упоминает этот факт, не останавливаясь на нем подробно. О переходе от овладения к сращиванию можно говорить лишь после создания в учреждениях фракций коммунистов. К середине 1919 г. все руководящие должности в государственных учреждениях заняли члены партийных организаций. Губернские партийные комитеты получили право снимать с должностей руководителей госучреждений или переводить их на другую должность. Они же обязывались рассматривать кандидатуры на другие ответственные должности в аппарате губернских исполнительных комитетов. Очень скоро контрольные функции парторганов были распространены и на беспартийных. И произошло это, как вполне убедительно доказывает автор, до оформления номенклатурного способа подбора и расстановки кадров.

В целях усиления их самостоятельности парткомы в течение 1919–1920 гг. получили материальную независимость от местных органов государственной власти путем перевода их на централизованное финансирование. К сожалению, эта часть работы несколько перегружена сведениями о партийном строительстве и партийной жизни.

Два последующих параграфа 1-й главы посвящены анализу правовой базы, избирательной системы, организационного устройства, форм и методов работы всех звеньев советской системы от съездов Советов до городских и сельских и их исполнительных органов. Автор отмечает, что, несмотря на положения Конституции 1918 г., в условиях Гражданской войны и усиления централизации городские Советы, как правило, не создавали своих исполкомов, перепоручая их функции губернским и уездным исполкомам. Поэтому существовали губернский-городские и уездно-городские исполкомы, где имелись специальные структурные подразделения, ведавшие отдельными отраслями хозяйства городов. С окончанием Гражданской войны такое положение вещей было не только сохранено, но и законодательно закреплено на всероссийском уровне. Некоторая его корректировка произошла лишь в 1928 г.¹¹ Заявив о том, что их опорой является пролетариат, большевики не озаботились четкой регламентацией правового положения городских Советов, их организационного устройства. Она была не вполне последовательной и в чем-то противоречивой.

Как и во всей России, сельские Советы в Нижнем Поволжье были созданы позднее других. Их работа была осложнена многими обстоятельствами, что довольно подробно отражено на страницах рецензируемого исследования.

Заявив о полновластии Советов на подведомственной территории, центральная власть довольно быстро изъяла у них часть функций и объектов управления. С этой целью республиканскими и союзными

ведомствами создавались специальные территориальные и экстерриториальные органы. На страницах исследования информация о некоторых из них время от времени встречается. Думается, работа бы только выиграла, если бы автор остановилась на этой проблеме подробнее, выбрав для этого подходящее место в структуре текста. Это исключило бы некоторые упущения. Например, трудно отыскать на страницах исследования сведения об управлении или участии в управлении местных органов власти Нижнего Поволжья водным транспортом. И это при том что на его территории находится главная водная артерия страны.

В последнем параграфе 1-й главы речь идет о чрезвычайных органах власти в регионе – военно-революционных и революционных комитетах, а так же о комитетах бедноты. В этой части работы вполне обоснованно утверждается, что в Нижнем Поволжье не было существенных различий между военревкомами и ревкомами, а комитеты бедноты создавались даже тогда, когда началось их упразднение в других регионах страны.

Если 1-я глава работы носит в некоторой степени теоретический характер, то три других содержат огромное количество фактического материала, отражающего непосредственную или опосредованную деятельность Советов на подведомственной им территории. Большое внимание автор уделил особенностям этой деятельности в каждой из губерний Нижнего Поволжья.

Так, 2-я глава посвящена организации и деятельности органов управления народным хозяйством (сейчас это именуется «экономическим блоком»). Здесь последовательно рассмотрено управление промышленностью, сельским хозяйством, продовольственным делом и заготовками, торговлей, связью, местным транспортом, планированием и статистикой, финансами и кредитом, строительством и архитектурой, коммунальным хозяйством. Автор справедливо отмечает, что Нижнее Поволжье в экономическом плане представляло собой весьма неоднородный регион, поэтому мероприятия по созданию местных органов управления, их частым реорганизациям, национализации имеющихся производств были весьма разноплановыми, хотя и осуществлялись в русле директив центра. Это обусловило обращение автора к истории органов центрального управления сначала РСФСР, а затем и СССР, что позволило обнаружить значительную асинхронность в действиях центральных и местных властей. Особенно заметно это проявилось в условиях Гражданской войны, голода 1921–1922 гг., периодически случавшихся засушливых лет.

В 3-ей главе анализируются организация и деятельность органов управления социально-культурным строительством, а именно в области охраны труда и регулирования его условий, социального обеспечения,

здравоохранения, просвещения, науки и искусства. И в этой главе весьма подробно прослеживается эволюция функций этих органов и, следовательно, направлений деятельности, что было связано с изменениями в экономической жизни страны в целом и региона в частности. Так, одной из первостепенных задач органов труда была борьба с безработицей, органов социального обеспечения – организация социального страхования, создание пенсионной системы, системы выдачи различных пособий отдельным категориям граждан, создание сети специальных учреждений и т.п.

Строительство органов управления здравоохранением, как известно, началось снизу с создания на местах комиссариатов здравоохранения, сначала переименованных в медико-санитарные отделы, а затем в отделы здравоохранения при исполкомах губернских и уездных Советов. Не стало исключением и Нижнее Поволжье. Деятельность органов здравоохранения как в центре, так и на местах была направлена на решение задач организации общедоступной бесплатной квалифицированной лечебной и лекарственной помощи населению, проведение санитарных мероприятий, создание специальной правовой базы, борьбу с социальными болезнями. И все это надо было делать в условиях ожесточенной Гражданской войны, голода, периодически возникающих эпидемий, нехватки не только лечебных учреждений, но и медицинских кадров и т.п.

При всем многообразии функций, закрепленных за Народным комиссариатом просвещения РСФСР и его местными органами, главными были ликвидация неграмотности основной массы населения, политико-просветительная работа и налаживание помощи партийным органам в вопросах идеологического контроля. Все остальные функции были производными от этих двух и собраны были в этом ведомстве стараниями наркома А.В.Луначарского.

В целом в 3-ей главе несколько меньшее внимание уделено специфическим особенностям организации и деятельности местных органов власти и управления Нижнего Поволжья.

И, наконец, 4-я глава исследования посвящена административно-политическим и судебным органам избранного региона. Именно в этой группе органов находилось большинство местных учреждений, впоследствии ставших неподведомственными Советам. Однако даже выйдя из структуры их исполнительных комитетов, они весьма активно пользовались помощью последних в решении возложенных на них задач.

Автор довольно подробно анализирует строительство местных органов военного управления в регионе, которое было, как и в центре, из-за сложившихся в то время условий (Нижнее Поволжье в 1918–1919 гг. было ареной военных действий) многоаспектным и не всегда последовательным. Весьма убедительно на конкретных примерах (на фоне действительных и мнимых угроз существованию Советской власти) автор показывает усиление централизации в системе органов управления в об-

ласти охраны государственной безопасности, эволюцию функций органов охраны общественного порядка, имевших первоначально весьма широкие полномочия. Действительно, НКВД РСФСР и отделам управления при исполкомах губернских, уездных и в отдельных случаях волостных Советов поручались организация советского строительства на местах, охрана общественного порядка, управление коммунальным хозяйством, местами заключения, устройством пленных и беженцев. Однако в 1918–1920 гг. они сосредоточили свои усилия на выполнении первых двух задач.

Анализируются в этой главе также организация и основные направления деятельности органов контроля, юстиции, суда и прокуратуры. Особый интерес вызывает анализ работы контрольных органов с жалобами и заявлениями граждан, организации ими проверок и чисток личного состава советского государственного аппарата¹². Отвергнув принцип разделения властей, большевики не сумели в соответствии с этим четко выстроить взаимоотношения Советов и их исполкомов, органов судебного управления с судами и прокуратурой. Непоследовательность их политики в отношении судебных органов и прокуратуры наглядно показана Е.В. Булюлиной в последнем параграфе 4-й главы.

Отсутствие выводов в конце параграфов и глав компенсируется пространными выводами в заключении к основному тексту работы. К сожалению, за этой пространностью не всегда удается выявить их основной смысл. Аккордом заключения стал панегирик «простым советским гражданам, рядовым и руководящим работникам местных государственных учреждений»¹³, хотя анализ советских кадров тех лет в работе отсутствует, что не было предусмотрено задачами исследования. В то же время в заключении хотя бы по имеющейся литературе можно было бы показать отличие происходивших в Нижнем Поволжье процессов от аналогичных процессов в иных регионах России. Впрочем, это может стать продолжением предпринятого исследования.

Завершая оценку монографии Е.В. Булюлиной, подчеркнем главное: безусловно, мы имеем дело с законченным фундаментальным исследованием, определяющим направления дальнейшего изучения ряда смежных сюжетов, распространения задач на более широкие хронологические рамки, за пределы 1929 г. Исследование осуществлено с применением новейших методов исторического анализа. Оно является существенным вкладом в изучение отечественной истории, ее политической, социальной и иных составляющих.

Примечания

¹ *Владимирский М.Ф.* Организация Советской власти на местах. М., 1919; *Владимирский М.Ф.* Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1921; *Пять лет власти Советов.* М., 1922.

Vladimirsky M.F. Organizatsiya Sovetskoy vlasti na mestakh. Moscow, 1919; *Vladimirskiy M.F.* Sovety, ispolkomu i sjezdy Sovetov. Moscow, 1921; *Pyat let vlasti Sovetov.* Moscow, 1922.

² *Бауман К.Я.* К перевыборам Советов. М., 1928; *Муругов И., Колесников А.* Аппарат низовых советских органов: По материалам обследования НК РК РСФСР, 1925. М., 1926.

Bauman K.Ya. K perevyboram Sovetov. Moscow, 1928; *Murugov I., Kolesnikov A.* Apparat nizovykh sovetskikh organov: Po materialam obsledovaniya NK RKI RSFSR, 1925. Moscow, 1926.

³ Местные Советы депутатов трудящихся на современном этапе. М., 1957; *Гимпельсон Е.Г.* Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. – июль 1918 г.). М., 1958; *Лепешкин А.И.* Местные органы власти Советского государства (1921 – 1925). М., 1959.

Mestnye Sovety deputatov trudyashchikhsya na sovremennom etape. Moscow, 1957; *Gimpelson E.G.* Iz istorii stroitelstva Sovetov (noyabr 1917 g. – iyul 1918 g.). Moscow, 1958; *Lepeshkin A.I.* Mestnye organy vlasti Sovetskogo gosudarstva (1921 – 1925). Moscow, 1959.

⁴ *Лепешкин А.И.* Советы – власть трудящихся, 1917 – 1936 гг. М., 1966; *Лепешкин А.И.* Советы – власть народа (1936 – 1967 гг.). М., 1967; *Советы за 50 лет.* М., 1967.

Lepeshkin A.I. Sovety – vlast trudyashchikhsya, 1917 – 1936 gg. Moscow, 1966; *Lepeshkin A.I.* Sovety – vlast naroda (1936 – 1967 gg.). Moscow, 1967; *Sovety za 50 let.* Moscow, 1967.

⁵ *Архипова Т.Г.* Советы Московской области в годы Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. М., 1989.

Arhipova T.G. Sovety Moskovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941 – 1945 gg. Moscow, 1989.

⁶ *Гимпельсон Е.Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны (осень 1918 – 1920 гг.). М., 1968.

Gimpelson E.G. Sovety v gody inostrannoy interventsii i grazhdanskoj voyny (osen 1918 – 1920 gg.). Moscow, 1968.

⁷ *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917 – 1941 гг. М., 1976.

Aleshchenko N.M. Moskovsky Sovet v 1917 – 1941 gg. Moscow, 1976.

⁸ *Агалаков В.Т.* Советы Сибири 1917 – 1918 гг. Новосибирск, 1976; *Дубровский В.А.* Первые Советы в Туве. Кызыл, 1978; *Кучиев В.Д.* Советы на Тереке 1917 – 1918 гг. Орджоникидзе, 1979; *Советы национальных районов России 1917 – 1922 гг.* Рига, 1985; *Познанский В.С.* В.И. Ленин и Советы Сибири (1917 – 1918 гг.). Новосибирск, 1977.

Agalakov V.T. Sovety Sibiri 1917 – 1918 gg. Novosibirsk, 1976; *Dubrovskiy V.A.* Pervye Sovety v Tuve. Kyzyl, 1978; *Kuchiev V.D.* Sovety na Tereke 1917 – 1918 gg. Ordzhonikidze, 1979; *Sovety natsionalnykh rayonov Rossii 1917 – 1922 gg.* Riga, 1985; *Poznansky V.S.* V.I. Lenin i Sovety Sibiri (1917 – 1918 gg.). Novosibirsk, 1977.

⁹ *Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция советских органов управления 1917 – 1930 гг. М., 2003; *Яцук Т.В.* Организация местной власти в РСФСР, 1921 – 1929 гг. Омск, 2007.

Gimpelson E.G. Stanovlenie i evolyutsiya sovetskikh organov upravleniya 1917 – 1930 gg. Moscow, 2003; *Yashchuk T.V.* Organizatsiya mestnoy vlasti v RSFSR, 1921 – 1929 gg. Omsk, 2007.

¹⁰ *Булюлина Е.В.* Местные государственные учреждения Советской России, 1917 – 1929 гг. (На материалах Нижнего Поволжья). Волгоград, 2011. С. 49.

Bulyulina E.V. Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya Sovetskoy Rossii, 1917 – 1929 gg. (Na materialakh Nizhnego Povolzhya). Volgograd, 2011. P. 49.

¹¹ Там же. С. 82–84.

Ibidem. P. 82–84.

¹² Там же. С. 294–298, 301–306.

Ibidem. P. 294–298, 301–306.

¹³ Там же. С. 350–351.

Ibidem. P. 350–351.

Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: Мы умирали, чтобы победить. М.: Эксмо, 2006. – 574 с.

А.А. Киличенков

КАК ВОЕВАЛИ И КАК ПОБЕДИЛИ: НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В последнее время в освещении истории Великой Отечественной войны явно возобладали две тенденции. С одной стороны, «юбилеизация» – появление и новых научных изданий, и новых фильмов о войне, приуроченное к той или иной «круглой дате». С другой – коммерциализация, когда и книги, и фильмы о войне становятся ходким, весьма прибыльным товаром. Причем обе тенденции удивительным образом «падают в тренд» официального патриотизма.

Казалось бы, в этом нет ничего страшного: главное ведь само по себе появление и книг, и фильмов. Но дело в том, что жанр юбилейного издания предполагает расстановку акцентов именно на победах и достижениях. Кому хочется услышать в праздник горькую правду? Не говоря уже о критике... В итоге история войны все более и более приобретает некоторый юбилейный глянец, что странным образом переключается с нынешней всеобщей установкой на «гламуризацию» общественной жизни. Коммерциализация истории войны неминуемо ведет к другой крайности – господству сенсационности, «разоблачений», «раскрытия тайны», стремления во чтобы то ни стало поразить читателя и зрителя, ибо только эти «творческие» приемы обеспечивают коммерческий успех.

Нет нужды говорить о том, насколько далеки обе эти тенденции от тех путей, по которым должно следовать научному знанию. Безусловно, в последние два десятилетия отечественная наука значительно преуспела в изучении истории Великой Отечественной войны, но на сегодняшний день становится очевидной острая нехватка новых идей и новых направлений в исследованиях. В очередной раз подтверждается известная истина о том, что каждое поколение не только пишет свою историю, в том числе и историю войны, но и требовательно ждет ее.

Очевидно и другое: нам уже недостаточно услышать то, что так и не было сказано предыдущими поколениями в свое время. Нужна своя, созвучная представлениям, ожиданиям и, самое главное, познавательным возможностям своего времени история той великой войны. Каждое поколение пишет свою историю прежде всего для того, чтобы найти ответы на вопросы, обращенные к прошлому. И у каждого поколения, эти вопросы – свои собственные. Отсюда становится понятным, что начинать нужно именно с них: с вопросов, сформированных своим временем. Именно с вопроса начинается путь познания, путь к истине в новом, более честном, обличье.

И именно такие вопросы возникают при обращении к мемуарам. Почему именно к мемуарам, почему не к документам? Ведь историки повторяют как заклятие: «мемуары – субъективный источник». Да, конечно, субъективный. Но у него есть одно великое преимущество: он несет свою, пусть и субъективную, правду, свою полную, связную объяснительную картину.

Одна из таких книг – воспоминания Петра Алексеевича Михина. Что делает ее столь выдающейся на фоне многочисленных мемуаров о войне? В первую очередь, это – необычайная и счастливая судьба автора. Петр Михин – один из очень и очень немногих, кто сумел пройти почти всю войну, оказавшись на фронте под Ржевом в 1942-м, в 1943-м – на Курской дуге, пройдя Румынию, Венгрию, Югославию и закончил ее в Маньчжурии в 1945-м. Мало, очень мало тех, кто сумел выжить на передовой также долго. И лишь единицы из них после войны взяли за перо.

Второе, не менее важное: Петр Михин – артиллерист, что само по себе означает очень многое. Задачи, которые решал командир, управлявший огнем батареи, требовали ответственности, наблюдательности, кругозора, недюжинных аналитических способностей, жесткой организованности и подлинного творчества. В целом эти качества превращали артиллеристов во фронтовую интеллигенцию, способную увидеть и осмыслить главное в происходящем. Отсюда – и образность восприятия, и критичность, и собственная точка зрения. И совсем не случайно из артиллерии вышли те, кто после войны стал родоначальником знаменитой «лейтенантской прозы», те, кто создал совсем другой, неофициальный, образ той войны: Анатолий Ананьев, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев.

Петр Михин в отличие от многих других, получив повышение, став командиром батареи, а затем и командиром дивизиона, не ушел в тыл, а остался вместе с пехотой на переднем крае и прошел с ней весь крестный путь войны. Этот уникальный опыт дал автору возможность описать то, что практически невозможно найти в других мемуарах: как действовали в бою артиллерия и стрелковые батальоны Красной армии. Комбат – это не только командир батальона, это еще и командир батареи. Совпадение этих двух сокращений представляется совсем не случайным. Стрелковый батальон и артиллерийская батарея – эта связка стала едва ли не главной, вынесшей на себе всю тяжесть войны. Именно эта мысль остается после прочтения книги воспоминаний Петра Михина.

Матушку-пехоту не часто баловали поддержкой танков, еще реже – поддержкой авиации. Поэтому в той войне, Великой Отечественной (или шире: Второй мировой), сплошь и рядом состоявшей из боев местного значения за безымянные высоты и малоизвестные населенные пункты, если и могла она на кого-то уповать, то только на своего Бога войны – на артиллерию, на те пушки и гаубицы, что прошли с пехотой бесконечными дорогами войны, разделив горечь ее потерь и радость побед.

Книга воспоминаний Петра Михина представляет собой цикл коротких, очень емких, очень эмоциональных и драматургически точно выстроенных рассказов. Но при этом автор остается исторически корректным и психологически достоверным. В итоге перед читателем разворачивается настоящая картина фронтовой повседневности. Очень многие ее детали и штрихи окажутся настоящим открытием даже для тех, кто уже давно занимается исследованием истории Великой Отечественной войны.

Так, в воспоминаниях Петра Михина есть крайне редко встречаемое описание восприятия противника. Автор сам объясняет, и причины этой сдержанности и то, как виделся тогда враг: «Кроме зла и отвращения был у нас какой-то тайный интерес к противнику. Хотя боже упаси поделиться этим даже с близким другом! Это был такой криминал, который пресекался и карался нещадно... Что-то загадочное, чуждое опасное и непонятное чувствовали мы всегда в немцах. Злые, коварные, хитрые, ловкие, жилистые, техничные, стойкие и надменные... Во имя чего так отчаянно и храбро воюют? Почему так хорошо оснащены – от оружия до амуниции и продовольствия? И все-то у них отполировано, тонко окрашено, подогнано, приспособлено, предусмотрено, безотказно... Кто же они такие, немцы? Во имя чего так отчаянно и храбро воюют? Почему так хорошо оснащены – от оружия до амуниции и продовольствия? У нас же вечно чего-то не хватало. И в бою эти нехватки оборачивались немислимыми страданиями, перенапряжением сил и излишними потерями».

Петру Михину необычайно и необъяснимо везло. Он оказался одним из тех немногих, кого на фронте называли «неубиваемыми». Но и этому автор мемуаров дает свое объяснение: «Смерть часто карала не только трусость, нерасторопность, но и сверхосторожность, а то и вызывающее бесшабашное геройство. И, наоборот, по большей части щадила мужество, храбрость, самопожертвование, осмотрительность. Воина бывалого, опытного, идущего на опасное дело, как на обычную работу, смерть частенько обходила».

За это редчайшее и совершенно необъяснимое свойство «неубиваемости» приходилось платить свою цену: «Что ни говори, а самое страшное на войне – это не выход из окружения и не ночной поиск “языка”, даже не кинжальный огонь и не рукопашная схватка. Самое страшное на войне – это когда тебя долго не убивает... Ты настолько устал воевать, что больше нет никаких твоих сил... Трудно таких людей назвать счастливыми, скорее в этом их несчастье...»

Воспоминания Петра Михина, в некотором смысле, – энциклопедия истории Великой Отечественной войны. За три года автор прошел долгий путь, и очень многие важнейшие события войны нашли отражения в его воспоминаниях. Среди них одно из главных – трагически знаменитый приказ № 227. Лейтенант Михин – молодой, только что прибывший на фронт офицер, услышал текст приказа на Калининском фронте перед

началом Ржевско-Сычевской операции: «Грозный мы услышали приказ. Он впервые откровенно обнажил страшные итоги первого года войны. Речь шла о невероятных потерях и поражениях, которые дальше были нетерпимы – пропастью зияла гибель страны и народа».

И далее автор приводит примеры применения этого закона. Но каждый из них показывает, что закон был не только жесток, но и очень часто несправедлив. Очень многие мифы и «белые пятна» исторической памяти о войне исчезают после прочтения мемуаров Петра Михина. Один из них тот, что приказ № 227 – это «только» 1942 г., «только» Сталинград и «только» за оставление позиций без приказа. До самого конца войны тень возможного тяжкого обвинения постоянно висела над каждым.

В январе 1945 г. уже в Венгрии дивизион капитана Михина, защищая небольшой городок на подступах к Будапешту, был атакован превосходящими силами противника. Танки раздавили обе батареи дивизиона (очень близкие по времени, месту и содержанию события описаны в повести Григория Бакланова «Южнее главного удара», воевавшего в январе 1945 г. в тех же местах под Будапештом). Городок был оставлен. Несколько чудом уцелевших артиллеристов вместе с командиром отступили в сельский пригород. На этот раз разбираться приехал замкомандира дивизии:

«– Где твой дивизион? – нахмурившись, зло и резко спросил Урюпин.

– Гаубичная батарея стоит на закрытой позиции... Пушечные батареи во время боя раздавлены танками...

– Лучше бы ты не приходил, списали бы тебя вместе с пушками. А теперь тебя под суд отдавать надо.

– За что? – вырвалось у меня.

– Приказ «Ни шагу назад!» никто не отменял...»

Вины Михина в потере пушек и оставлении городка не было. Как это часто бывало на войне, за головоуятие начальства расплачивались подчиненные. По приказу сверху, без предупреждения и среди бела дня, на глазах у противника со своих позиций была снята и уведена большая часть артиллерии. Михин даже не успел перевести свои батареи на новые позиции. Немцы ждать на стали и сразу же бросили в атаку танки. Но тем горше было услышать страшные обвинения.

«Не виноват же я в том, что остался жив! Да и батарейцы мои бились искусно и самоотверженно – ни один не уклонился от боя! А теперь меня еще и судить будут как труса и изменника! Главное, погибать предателем от своих страшно. И никому ничего не докажешь».

«Спас» Михина командир дивизии, генерал: «Верю, что ты сделал все возможное. Но все равно тебя судить будут. Готовься... Попытайся вытащить от немцев пушки. Докажи прокурору, что они поломаны и не могли стрелять. Может, и смягчишь свою участь...»

На этот раз Михина спасла неистощимая солдатская смекалка. Батарейцы ночью совершили невозможное. Воспользовавшись тем,

что противник еще не успел создать сплошную линию обороны, ночью они по льду реки прошли в тыл к немцам и, прицепив остатки орудий к передкам, вывезли их на конях к своим. А затем чудо сотворили уже артмастера-ремонтники, собрав из остатков восьми пушек три целых. Генерал, узнав об этом подвиге, поначалу не поверил, но потом «раздобрился»: «А вообще-то ты молодец! Тебя бы за все это наградить надо, но скажи спасибо, что не судили».

Ни раз и не два описывает Петр Михин действия своих начальников, которые подчас оказывались страшнее врага: «фрица» можно было обмануть, спрятаться, а от начальства не спрячешься.

Одним из самых шокирующих примеров тому стал приказ того же командира дивизии, который пришлось исполнять Михину на днестровском плацдарме в июне 1944 г. К тому времени части дивизии исчерпали все возможности по расширению плацдарма и зарылись в землю. Сил хватало только на отражение постоянных атак немцев. И в это время пришел приказ от командира дивизии: среди бела дня выдвинуть на нейтральную полосу батарею гаубиц и открыть огонь прямой наводкой по позициям противника. Приказ сам по себе был до предела абсурдным. Любому здравомыслящему человеку было понятно, что в условиях позиционной обороны, когда противник пристрелял каждый бугорок, выдвижение громоздких гаубиц на прямую наводку означало их гибель за несколько минут. Отчаянные попытки Михина добиться отмены приказа закончились лишь угрозой расстрела за невыполнение. Единственное, чего он добился, – разрешения выдвигаться повзводно: сначала два орудия, потом еще два.

Результат выполнения преступного приказа был трагичен. Машины с орудиями на прицепе лишь успели выехать за линию наших окопов, как на них обрушился огонь из всего, что могло стрелять. И все же батарейцам удалось отцепить орудия, машинам уйти с позиций, но на этом все и закончилось. Две гаубицы были расстреляны вместе с расчетами, погибло 11 человек. Целый день их тела лежали на виду у всей передовой, вынести погибших смогли только ночью. Похоронили артиллеристов у молдавского села Гура-Быкулуй.

За их бессмысленную, напрасную гибель так никто и не ответил. Да никто и не спрашивал.

Среди прочего поражает и то, что случилось все это не в страшном 41-м, когда навстречу танкам Гудериана бросали и пожилых ополченцев, и юных курсантов, лишь бы задержать идущего на Москву врага хоть на два-три часа. Жестокую необходимость этого можно понять. Но как объяснить чудовищное и безнаказанное самодурство начальства в 1944-м? Когда уже не было никакой нужды в бессмысленных жертвах. Или была непреодолимая нужда в звездах на плечи и на грудь?..

Давно известна истина, что героизм подчиненных – цена безрассудства, безграмотности или карьеризма начальства, и на войне она проявлялась с жесточайшей очевидностью.

Слишком много подобных примеров осталось в памяти Петра Михина. И это легко объяснить: сумасбродство начальства, его карьеризм, угодничество, трусость наносили вреда не меньше, чем кинжальный огонь немецких пулеметов. И спасения от этого не было. В памяти фронтовиков остались незаживающими рубцами бесконечные примеры того, как их гнали в гибельные атаки на неподавленные пулеметы, как невинных отправляли на расстрел, как погибали их друзья из-за прихоти начальников-самодуров, как заслуженные ими награды доставались трусам и бездельникам.

В августе 1944 г. в ходе Яско-Кишиневской операции батарея под командованием Петра Михина была брошена на перехват прорывавшихся из окружения частей противника. По широкой и многокилометровой балке двигалась огромная масса войск, и путь им преградила одна-единственная батарея – четыре орудия и 26 человек. Пушки Михина открыли огонь прямой наводкой, противник ответил огнем из минометов. Началось чудовищное соревнование – кто кого уничтожит быстрее. Победили батарейцы, противник не выдержал и выбросил белый флаг, в плен сдалось более 800 солдат и офицеров. Но и батарея погибла вся: остались лишь двое – раненый Петр Михин и командир одного из орудий.

Самое поразительное, что этот подвиг так и остался не вознагражденным. Пока Михин лежал в госпитале, о нем никто так и не вспомнил, никто к нему не пришел.

Уже после войны, на встрече ветеранов командир дивизии спросил Петра Алексеевича: «А не знаешь ли того командира, который в Молдавии лавину фашистов остановил? По-моему, он жив остался...» И когда генерал узнал, что перед ним тот самый командир, он очень удивился: «А почему же мы тебе Героя не дали?» Вопрос повис в воздухе.

Впрочем, Петр Михин сам дает ответ на этот вопрос. В одной из глав он пишет о том, как на фронте давали награды. «Очень жаль, что на войне в основном награждали не за конкретные подвиги, а по срокам пребывания на фронте, даже не всегда учитывали, в разведку человек ходил или в обозе восседал. Награждения готовились кампаниями... Требовалось еще, чтобы среди награжденных были представлены все национальности, все социальные группы населения. Особая забота проявлялась о политработниках. Их в списки включали в первую очередь. Прежде всего, решался вопрос, кого внести в список, а уж потом подбирались соответствующая его положению награда... Количество и разнообразие наград, причитающихся воинской части, тоже определялось не ее боевой активностью, а проницательностью руководства...»

На той самой встрече однополчан Петр Михин узнал, кому досталась заслуженная им Звезда Героя за форсирование Днестра. Звезду

получил комсорг полка, которого, на всякий случай, сразу же перевели в другую часть.

Книга Михина ставит очень важный, ключевой для понимания той войны вопрос: как же все-таки они, тогда еще совсем юные, двадцатилетние лейтенанты сумели найти свою правду войны, которая одна укрепила их веру в правоту своего дела, не дала зачерстветь их душам. Ту правду, что заставляла солдат подниматься в свою последнюю атаку, а их командирам давала право посылать их на верную смерть. Именно эта правда сделала возможным и коренной перелом под Сталинградом и Курском, и Победу – в 1945-м.

Петр Алексеевич Михин дает ответ и на этот очень непростой вопрос: «Пехота не просто уважала, а искренне любила меня. И это было самым сильным лекарством, спасавшим мою душу от начальственных невзгод... Окопные офицеры, готовые в любую минуту умереть и не мечтавшие даже дожить до конца войны чувствовали свою второсортность и ни о какой перспективе не мечтали. Поэтому они не обзаводились хрустящими португезами, хромовыми сапогами, кубанками и фуражками... В помятом, грязном и копченом обмундировании, в кирзовых сапогах... Воспринимали свою второсортность полевые офицеры спокойно, без обиды и возмущения... Их не трогало и не интересовало, что знают и думают о них в штабах и политотделах. Гордились, радовались и довольствовались тем, что они честно служат Родине, а оценку их деятельности, самую объективную и самую значимую для них, дают им Люди Передовой»

Однажды в споре с одним из коллег возник вопрос: о чем должен писать историк – о том, как победили, или же о том, как воевали в ту Великую войну? Ценность книги Петра Михина – в откровенном, прямом рассказе о том и другом. В одной из глав он описывает эпизод, когда в декабре 1944 г. встретились офицеры двух армий – советской и болгарской. К тому времени Болгария разорвала союзнические отношения с гитлеровской Германией, превратилась в союзницу СССР – и болгарские вооруженные силы вместе с Красной армией вели боевые действия против германских войск на Балканах.

Дивизион Михина передавал болгарам свои позиции. Но при передаче, несмотря на взаимную симпатию, возникла заминка. Командир болгарского дивизиона, 40-летний кадровый офицер, узнав, что командиру советского дивизиона всего 23 года, не смог скрыть своего удивления: «Неужели немцы настолько повыбили из рядов русской армии зрелых офицеров, что даже дивизионами командуют теперь мальчишки? Это же наверняка снижает боеспособность войска! У немцев-то, конечно, огнем дивизионов управляют солидные, зрелые офицеры...»

Но вскоре болгарским офицерам на собственном опыте довелось понять, чего стоят эти «двадцатилетние мальчишки». Противник ранним утром следующего дня нанес неожиданный удар. Управление огнем

болгарского дивизиона было нарушено, немецкая пехота броском приблизилась к болгарским позициям. И здесь советские артиллеристы показали, что значит опыт трех лет войны. Капитан Петр Михин, понимая, что противник наверняка обнаружил смену частей, для страховки приказал оставить на прежних позициях одну из своих гаубичных батарей. А когда немцы перебили своим огнем телефонные кабели, его связисты сумели передать данные для стрельбы на свою батарею по запасной импровизированной линии из... колючей проволоки. Огонь советских гаубиц остановил наступление немецкой пехоты. Изумлению и восхищению болгар не было предела.

Есть простой способ понять, насколько хороша та или иная прочитанная книга: прислушаться к своим чувствам после расставания с ней. После прочтения воспоминаний Петра Алексеевича Михина остаются горечь и гордость – те чувства, которые и должна вызывать память о страшной войне, непомерных жертвах и неизмеримо великой Победе. Это те чувства, которые не позволят ни нам, ни нашим детям забыть величие Победы, и те страдания отцов и дедов, простых солдат, не думавших о великом, но вершивших его.

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Бахтурина А.Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны 6

Бахтурина Александра Юрьевна – докт. ист. наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ
a-yu-b@yandex.ru

В статье на основании малоизвестных источников исследуется отношение правительства России, командовании русской армии и российской общественности к немцам-колонистам и их земельной собственности в годы Первой мировой войны. Главное внимание уделяется истории ликвидации земельной собственности немцев-колонистов и использованию их земли для расселения беженцев из Галиции и награждения солдат-фронтовиков. Рассматривается также реакция населения российских губерний, либералов, националистов и представителей немецкой диаспоры на принудительное переселение немцев-колонистов из прифронтовых районов. Делается вывод, что «ликвидационная политика» и антинемецкая кампания не дали ожидаемых результатов. В частности, не оправдались расчеты на подъем патриотических настроений на фронте и в тылу.

Первая мировая война, Российская империя, правительство России, немцы-колонисты, земельная собственность, отчуждение, галицийские беженцы, русские либералы, русские националисты, националистическая пропаганда

Кротова М.В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан 33

Кротова Мария Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов
mary_krot@mail.ru

В статье на основании ранее неизвестных архивных документов рассматривается история концентрационного лагеря недалеко от Хар-

бина (Маньчжурия) для советских граждан, арестованных во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Особое внимание уделяется численности и составу заключенных, а также условиям их содержания. Также рассматривается роль этого концлагеря в дипломатическом противоборстве между правительствами СССР и Китая. Делается вывод о том, что существование этого концлагеря было использовано СССР как средство давления на гомиьдановское правительство Китая в борьбе за восстановление своей части суверенитета над КВЖД. Однако реальное положение заключенных советских граждан в этом концлагере не было столь тяжелым, как это представляли власти СССР и советская пропаганда.

Советско-китайский конфликт 1929 г., Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Маньчжурия, Харбин, концентрационный лагерь, заключенные, советские граждане, русская эмиграция, гомиьдановское правительство Китая, пропаганда

Пивовар Е.И., Безбородов А.Б., Карпенко С.В. Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение 48

Пивовар Ефим Иосифович – докт. ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор РГГУ

rggu@rggu.ru

Безбородов Александр Борисович – докт. ист. наук, профессор, директор Историко-архивного института РГГУ

kirnv@mail.ru

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ

skarpenk@mail.ru

В статье анализируется научное творчество одного из ведущих ученых Историко-архивного института РГГУ – историка, архивоведа Т.И. Хорхординой. Главное внимание уделяется теоретическому осмыслению науки об архивах в современных условиях на основе анализа истории архивоведческой мысли в связи с судьбами российских историков-архивистов нескольких поколений. Также оценивается вклад Т.И. Хорхординой в отечественную историко-архивоведческую науку. Делается вывод, что главный вектор научных исследований Т.И. Хорхординой заключается в раскрытии гуманитарной составляющей науки об архивах, восстановлении истории архивоведческой мысли в ее «человеческом измерении».

Т.И. Хорхордина, историческая наука, историография, архивоведение, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), архивный документ, историк-архивист, архивоведческая мысль

Антибольшевистская Россия

Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919 – 1920 гг.) 56

Ипполитов Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, директор Издательского центра РГГУ
nivistnik@yandex.ru

В статье на основе ранее неизвестных документов впервые в отечественной историографии рассматривается организация и деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК) в Сибири и на Дальнем Востоке в 1919–1920 гг. Основное внимание уделяется системе учреждений РОКК и их финансированию, месту РОКК в военной диктатуре адмирала А.В. Колчака. Рассматриваются также участие РОКК в медицинском обслуживании армии и его благотворительная работа в тылу. Делается вывод, что РОКК стал важной частью государственного механизма колчаковской диктатуры и по мере своих материальных возможностей помогал армии и населению.

Гражданская война в России, Сибирь, Дальний Восток, А.В. Колчак, колчаковская диктатура, общественная организация, Российское общество Красного Креста (РОКК), военная медицина, благотворительность

Историческая наука в e-измерении

Усачев А.С. Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России 69

Усачев Андрей Сергеевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки Историко-архивного института РГГУ
asuuas@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о степени эффективности оценки труда российских историков-русистов с помощью международных индексов цитирования. Анализируется состав научных исторических журналов, представленных в Web of Science, специфика исследований по «национальным» темам, особенности формирования состава редакционных коллегий и авторов зарубежных исторических журналов и тематических запросов их читателей. Делается вывод о неприменимости оценки вклада российского историка в изучение истории России на основе подсчета числа его публикаций в зарубежных изданиях.

Библиографическая база данных, индекс цитирования, Web of Science, наукометрия, историческая наука, славистика, научный журнал, публикационная активность

История на экране

Волков Е.В. «Колчаковщина» в советском игровом кино 84

Волков Евгений Владимирович – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
evgeny-volkov@mail.ru

В статье на основе архивных и опубликованных источников анализируются кинематографические образы Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны в советском игровом кино. Главное внимание уделяется эволюции кинематографических образов адмирала А.В. Колчака, его власти и его войск, а также известных белых генералов на разных этапах развития советского общества и советской культуры. Делается вывод о значительном влиянии как партийно-государственной власти, так и культурной памяти общества на эволюцию кинематографических образов Белого движения на востоке России.

Гражданская война в России, Белое движение, А.В. Колчак, колчаковская диктатура («колчаковщина»), советское историческое кино, кинематографический образ, фильм «Чапаев», культура, культурная память

Карпенко С.В. Рецензия на книгу: **Гажуев Р.Г.** Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917 – 1920 гг. М., 2012. 109

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
skarpenk@mail.ru

Архипова Т.Г. Из истории изучения советского государственного аппарата 1920-х гг. 113

Архипова Татьяна Григорьевна – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ
archipova-iai@mail.ru

В статье в контексте российской историографии советского государственного аппарата 1920-х гг. анализируется монография **Е.В. Булюлиной «Местные государственные учреждения Советской России, 1917 – 1929 гг. (На материалах Нижнего Поволжья)» (Волгоград, 2011)**. Отмечается, что монография основана на ранее неизвестных документах федеральных и областных архивов. Показывается, что автор монографии провел детальный анализ самых сложных проблем строительства и деятельности местных государственных учреждений трех губерний Нижнего Поволжья в 1920-х гг. Делается вывод о высоком научном уровне монографии и ее существенном вкладе в изучение российской государственности.

Е.В. Булюлина, историография, российская государственность, Советская Россия, Советская власть, государственный аппарат, местные государственные учреждения, Астраханская губерния, Саратовская губерния, Царицынская губерния, Нижнее Поволжье

Киличенков А.А. Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки 124

Киличенков Алексей Алексеевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
kilichenkov@yandex.ru

В контексте современной российской историографии Второй мировой войны анализируются воспоминания **П.А. Михина «“Артиллеристы, Сталин дал приказ!”: Мы умирали, чтобы победить» (М., 2006)**. Анализ воспоминаний соотнесен с доминирующими в историографии тенденциями «юбилеизации» и «коммерциализации» истории. Показывается, что воспоминания П.А. Михина отличаются высокой степенью информативностью, глубоким анализом военных событий и опыта взаимодействия артиллерии и пехоты Красной армии на поле боя. Особую ценность представляет откровенное описание фронтовой повседневности обычного армейского офицера. Делается вывод, что воспоминания П.А. Михина дают более полную и достоверную картину войны, чем большинство исследований современных профессиональных историков.

П.А. Михин, воспоминания, исторический источник, историография, Вторая мировая война, Красная армия, артиллерия, офицер, персональная история

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

- A. Bakhturina** “Better let Germans Come to Ruin than Let them Spy”:
German Colonists and Russian Public in the years of World War I 6

Alexandra Yu. Bakhturina – Doctor of History, Professor,
Department of History of State and Public-Service Institutions of Institute
for History and Archives of RSUH
a-yu-b@yandex.ru

The article based on little known sources examines the gradual change in the attitude of Russian government, military command and general public towards the German colonists and their land ownership during the World War I. Main attention is paid to the deprivation of the German colonists of their lands that were then given to Galician refugees and army veterans. The response of the Russian population, liberals, nationalists, and the German diaspora representatives to the deportation of the Germans from the front-line area is also considered. A conclusion is made that the amotion policy and anti-German propaganda did not yield expected results. In particular, the hopes for the patriotic upsurge were not justified on the front and in the rear.

World War I, Russian Empire, Russian government, German colonists, land ownership, expropriation, Galician refugees, Russian liberals, Russian nationalists, nationalistic propaganda

- M. Krotova** From the History of Conflict on the Chinese Eastern
Railway: Chinese Concentration Camp for the Soviet Citizens 33

Mariya V. Krotova – Candidate of History, Senior Lecturer,
Department of History and Political Science, St. Petersburg State
University of Economics and Finance
mary_krot@mail.ru

This article, based on unknown archival documents, looks at the history of concentration camp near Harbin (Manchuria) for the Soviet citizens who were arrested during the Soviet-Chinese conflict on the Chinese Eastern Railway (CER) in 1929. The main focus is on the content and number of prisoners and conditions of their detention. Also the article

tells about the role of the concentration camp in diplomatic confrontation between the governments of the USSR and China. It concludes that the existence of this concentration camp was used by the USSR for pressure on the Chinese government of Guomindang in its fight for the restoration of its part of sovereignty over the Chinese Eastern Railway. However, the real conditions of Soviet prisoners were not so hard as it was presented by Soviet authorities and Soviet propaganda.

Soviet-Chinese conflict 1929, Chinese Eastern Railway (CER), Manchuria, Harbin, concentration camp, prisoners, Soviet citizens, Russian emigration, Chinese government of Guomindang, propaganda

- E. Pivovar, A. Bezborodov, S. Karpenko** T.I. Khorkhordina
and New Historical Archival Science 48

Efim I. Pivovar – Doctor of History, Professor, Corresponding
Member of Russian Academy of Sciences , Rector of RSUH
rggu@rggu.ru

Alexander B. Bezborodov – Doctor of History, Professor, Director
of Institute for History and Archives of RSUH
kirnv@mail.ru

Sergey V. Karpenko – Candidate of History, Senior Lecturer,
Department of Contemporary History of Russia, Institute for History
and Archives of RSUH
skarpenk@mail.ru

The article analyzes the scientific work of T.I. Khorkhordina, a specialist on the history of archives, one of the leading scholars of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities (RSUH). The main attention is paid to theoretical reflections on the science of archives in modern conditions through analyzing the history of archival thought in connection with the fate of Russian historians-archivists of several generations. It also assesses the contribution of T.I. Khorkhordina in the national historical-archival science. It is concluded that the main vector in the scientific research of T.I. Khorkhordina consists in the disclosure of the humanity component in the science of archives, the restoration of the history of archival thought in its «human dimension».

T.I. Khorkhordina, historical science, historiography, archival,
Institute for History and Archives, Russian State University for the

Humanities (RSUH), archival document, historian-archivist, archival thought

Anti-Bolshevik Russia

- S. Ippolitov** The Russian Red Cross Society in Siberia and the Russian Far East: Organization and Support of the Army and the Population (1919 – 1920) 56

Sergey S. Ippolitov – Candidate of History, Director of the Publishing Center of the RSUH
nivistnik@yandex.ru

For the first time in the national historiography the article based on previously unknown documents considers the organization and activities of the Russian Red Cross Society (RRCS) in Siberia and the Russian Far East in 1919–1920. The main attention is paid to the system of RRCS’s establishments and their financing, and its role under Admiral A.V. Kolchak’s military dictatorship. The article also discusses the RRCS’s participation in providing medical services for the army and its charity work in the rear. The conclusion is made that the Russian Red Cross Society became an important part of the state mechanism of the Kolchak dictatorship and helped the army and the population whenever it could afford it.

Russian Civil War, Siberia, Russian East, A.V. Kolchak, Kolchak dictatorship, public organization, Russian Red Cross Society (RRCS), military medicine, charity

Historical Science in the ϵ -Dimension

- A. Usachev** Russian Historians and Foreign Journals: Some Reflections of a Specialist in Russian History 69

Andrey S. Usachev – Doctor of History, Professor, Department of History and Theory of Historical Science, Institute for History and Archives of RSUH
asuuas@mail.ru

The article analyzes the issue of estimating the research of Russian specialists in Russian history by means of international citing indexes. The author considers the structure of historical scientific journals indexed

by *Web of Science*, the specifics of researches on “national” problems and selecting editorial boards and authors for foreign historical journals as well as thematic requests from their readers. The conclusion is made about the unsuitability of quality estimation of Russian historians’ researches on Russian history by means of mere calculation of their publications in foreign journals.

Bibliographic database, citing index, Web of Science, scientometrics, historical science, Slavic Studies, science journal, publication activity

History on the Screen

- E. Volkov** “Kolchakovshchina” in the Soviet fiction movie 84

Evgeny V. Volkov – Doctor of History, Professor, Department of Russian History, South Ural State University (Chelyabinsk)
evgeny-volkov@mail.ru

The article based on archival and published sources analyzes the cinematographic images of the White Movement on the Eastern Front during the Russian Civil War created in Soviet fiction movies. It focuses on the evolution of cinematographic images of Admiral A.V. Kolchak, his power and his troops, as well as famous white generals through different stages of the development of Soviet society and Soviet culture. It is concluded that the cinematographic images of the White Movement in the East of Russia were significantly influenced by the Communist Party and the Soviet Government as well as the society’s cultural memory.

Russian Civil War, White Movement, A.V. Kolchak, Kolchak dictatorship (“Kolchakovshchina”), soviet historical movie, cinematographic image, film “Chapaev”, culture, cultural memory

Book Reviews

- S. Karpenko** Book Review: **Gagkuev R.G. The White Movement in South Russia: Military Construction, Sources of Recruitment, Social Composition, 1917 – 1920. Moscow, 2012.** 109

Sergey V. Karpenko – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH
skarpenk@mail.ru

T. Arkhipova From the History of Study
of the Soviet State Apparatus in the 1920s 113

Tatyana G. Arkhipova – Doctor of History, Professor, Head of Department of History of State and Public-Service Institutions of Institute for History and Archives of RSUH
archipova-iai@mail.ru

The article analyzes the monograph “**Local state institutions of Soviet Russia, 1917 – 1929 (On the materials of the Lower Volga region)**» (Volgograd, 2011) by **E.V. Bulyulina** in the context of the Russian historiography of the Soviet state apparatus of the 1920s. It is noted that the monograph is based on previously unknown documents from Federal and regional archives. It is shown that the author of the monograph has conducted a detailed analysis of the most complicated problems of construction and activity of local government institutions in three provinces of the Lower Volga region in the 1920s. The conclusion is made that the monograph is written at a high scientific level and makes a significant contribution to the study of Russian statehood.

E.V. Bulyulina, historiography, Russian statehood, Soviet Russia, Soviet power, state apparatus, local government institutions, Astrakhan province, Saratov province, Tsaritsyn province, Lower Volga region

A. Kilichenkov How They Fought and How They Won:
Non-Jubilee Historiographic Notes 124

Aleksey A. Kilichenkov – Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH
kilichenkov@yandex.ru

In the context of the contemporary Russian historiography of the World War II the article analyses the memoirs by **P.A. Mikhin** “**Gunners, Stalin gives the order!?: We died to win**” (Moscow, 2006). The analysis of the memoirs is correlated with the dominant trends of “jubileeization” and “commercialization” in historiography of the World War II. It is shown that the memories are highly informative, contain a deep analysis of the war events and the experience of interaction between the Red Army artillery and infantry on the battlefield. Of particular value is a frank description of the front everyday life of the ordinary Red Army

officer. The conclusion is that the memoirs provide a more complete and accurate picture of the war, than that in the majority of books by modern professional historians.

P.A. Mikhin, memoirs, historical source, historiography, World War II, Red Army, artillery, officer, personal history

Научное издание

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 18.02.2013
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9
Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати» 36574